

А. БЕДРЯНЕЦ

АНГЕЛ-НАСТЕШНИК

ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОДИОНА КОНОВАЛОВА
НА ЕГО УХАБИСТОМ ЖИЗНЕННОМ ПУТИ
ОТ ПИОНЕРА ДО ПЕНСИОНЕРА

Ангел-насмешник

Александр Бедрянец

**Ангел-насмешник. Приключения
Родиона Коновалова на его
ухабистом жизненном пути
от пионера до пенсионера.
Книга 2. Подставное лицо**

«Accent Graphics communications»

2018

Бедрянец А.

Ангел-насмешник. Приключения Родиона Коновалова на его ухабистом жизненном пути от пионера до пенсионера. Книга 2. Подставное лицо / А. Бедрянец — «Accent Graphics communications», 2018 — (Ангел-насмешник)

ISBN 978-1-77192-379-8

Вторая книга романа повествует о ранней юности главного героя Родиона Коновалова, пришедшейся на конец шестидесятых годов прошлого века. Современного читателя не должно удивлять, что Родион едва ли не с пятнадцати лет покинул родной дом, а с семнадцати лет зажил самостоятельной взрослой жизнью. В те времена советские юноши и девушки с ранних лет в большинстве своём были такими же самостоятельными, выросли быстро, и в этом плане Коновалов ничем не выделялся. Название романа подсказал сам герой. Однажды Коновалов заметил, что если существуют ангелы-хранители, то у его личного ангела, судя по характеру оказываемой помощи, несомненно имеется чувство юмора, причём нездорового. Книга особенно будет интересна бывшим советским людям, ностальгирующим по тем славным, ещё не «застойным» временам середины двадцатого века.

ISBN 978-1-77192-379-8

© Бедрянец А., 2018

© Accent Graphics
communications, 2018

Содержание

Глава I. Заполярное лето	6
Глава II. Начало рабочей биографии	13
Глава III. Первые городские впечатления	17
Глава IV. Комната № 20	23
Глава V. Серьги с бриллиантами	26
Глава VI. Шпион	31
Глава VII. Костюм	41
Глава VIII. Артист	48
Глава IX. Свадьба	57
Глава X. Подставной кавалер	66
Глава XI. Первое возлияние	68
Глава XII. Нечистый дух	75
Глава XIII. Первая красивая блондинка	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Александр Бедрянец
Ангел-насмешник
Приключения Родиона Коновалова
на его ухабистом жизненном
пути от пионера до пенсионера
Авантюрный роман в пяти книгах
Книга вторая
Подставное лицо

ISBN 978-1-77192-379-8

Жанр: авантюрный роман

* * *

Глава I. Заполярное лето

Родион знал, что для его небогатой одинокой матери содержание взрослого сына являлось непосильной задачей и, подобно многим сверстникам, решил после восьмого класса поступить в какое-нибудь училище. Можно было поступить и в техникум, но тогда матери всё равно пришлось бы его тянуть, а в любых училищах кормили и одевали. Выбор учебного заведения был сделан за него. Мать отправила его к своей сестре Капитолине в Мурманск, для поступления в мореходное училище. Родион до этого не мечтал о море, но среди подростков профессия моряка считалась престижной, поэтому он не стал возражать, и уже в июле прибыл на место.

По советским меркам тётина семья благодаря северным надбавкам считалась зажиточной. Капитолина Гавриловна работала зав столовой, а её муж Валентин Иванович трудился шофёром в военной организации. Двоюродный брат Родиона Юра перешёл в третий класс, а сестричка Люба ходила в детский сад. В отличие от Родионовой матери тётя Капа была властной и энергичной женщиной. Её муж напротив, был добродушным неразговорчивым флегматиком, но командовать собой не позволял. Он вообще был колоритным человеком.

Среднего роста широкоплечий и полноватый дядя Валентин выглядел неповоротливым увальнем, но при этом обладал железным здоровьем и огромной физической силой. Родион дважды наблюдал эту силу в действии. Один знакомый мужичок при встрече на улице протянул дяде Валентину руку. Глядя ему в глаза, дядя так сжал эту руку, что мужичок взвыл, опустился на колени, и описался. Только после этого железная хватка бывшего моряка ослабла. Глядя вслед удаляющемуся мужичку, дядя Валентин произнёс всего одно слово: – «Подлюга», и Родиону всё стало ясно. Дядя Валентин не употреблял матерных слов, и в его лексиконе слово безобразие было самым крепким ругательством. Однажды поздним вечером два матроса, выйдя из расположенного через дорогу клуба моряков, затеяли под окнами квартиры потасовку, нарушая вечернюю тишину воплями и матюгами. Дядя Валентин назвал их безобразниками, вышел из дома, и в три секунды вырубил обоих драчунов. Затем взял полуживые тела за шкуру и по-хозяйски отволол их за дорогу, подальше от своего подъезда.

Свободное время после работы дядя Валентин любил проводить под доброй мухой, то есть крепко выпивши. Довольный прищур глаз и блаженная улыбка, не сходящая с лица, говорили о том, что ему очень нравится состояние опьянения. Но хотя дядя напивался, чуть ли не ежедневно, алкоголиком он не был, потому что у него не было никакой зависимости от спиртного. Он много зарабатывал, и пропитые деньги не сказывались на семейном бюджете. Дома он никогда не пил, и спиртного не держал, а все мужские обязанности исполнял в полном объёме. К нему было трудно придраться, так как в пьяном виде он головы не терял, был добродушен, вёл себя адекватно, и никогда не буянил. Родион несколько раз провожал дядю Валентина с работы, и быстро изучил его повадки. По дороге домой он не пропускал ни одного магазина, и в каждом отмечался стаканом «красненького» или «беленькой». Продавцы давно его знали и, как постоянного клиента, обслуживали из под прилавка вне очереди. Магазинов было много, но он нигде не задерживался. Последней остановкой на пути была пивная, где дядя Валентин выпивал завершающие сто грамм водочки, и бокал пива. Он пил по европейски, то есть без закуски, но координации движений не терял. Разбирало его не сразу, и, придя домой, он некоторое время хлопотал по хозяйству. Затем наступало время кайфа перед телевизором «КВН», или радиоприёмником, а иногда просто сидя на диване. Дядя Валентин пьяным никогда не ужинал, и в десять вечера укладывался спать. Ровно в два часа ночи дядя он просыпался и шёл на кухню, где подчистую съедал все припасы до последней заплесневелой корки. После этого он ложился досыпать. Некоторые продукты, например яйца, тётя Капа прятала, чтобы было из чего приготовить завтрак. Во время ночного рейда на кухню дядя Валентин запросто мог сло-

пать целую упаковку, то есть все три десятка яичек. Дядя Валентин не знал, что такое похмелье. Утром он вставал свежим как огурчик, в хорошем настроении завтракал, а затем бодро отправлялся на работу коротким путём. Дядин организм имел невероятную скорость метаболизма, потому что на другой день после возлияний от него никогда не воняло перегаром.

Позже выяснилось, что дядя Валентин настоящий Двуликий Янус. Каких либо весомых претензий к дяде Валентину у тётки Капы не имелось. Просто ей до чёртиков надоело ежедневно кроме выходных любоваться на пьяно-блаженную рожу супруга и прятать от него продукты до утра. Сама бы она не решилась, но подруги в один голос ей советовали по моде того времени пожаловаться на мужа его начальнику, парторгу, и в профком. С большим трудом, и не за один день она пробилась на приём к начальнику организации, где работал дядя Валентин. Начальник выслушал её, удивлённо поднял брови, и вызвал заместителя, которому тётка Капа повторила свой рассказ. К концу рассказа она сникла, так как сочувственной реакции на него не заметила. Суровые мужчины в военной форме вывели её из кабинета во двор, и показали доску почёта, где на первом месте висела большая фотография дяди Валентина. Заместитель сообщил оторопевшей тёте Капе, что дядя Валентин признан лучшим по профессии, и вообще он маяк, на который равняются остальные. В коллективе у дяди репутация трезвенника высшей пробы, и сообщение о том, что он напивается каждый день как свинья, будет воспринято как дурная шутка или явный оговор. Начальник сказал, что он не допустит клеветы на человека, представленного к государственной награде, вывел тётку Капу за ворота, и приказал больше её не пускать. Она заплакала от унижения, и ушла домой. Узнав дядю Валентина с другой стороны, она решила, что на самом деле ей повезло с мужем, и больше никогда на него не жаловалась.

Родион сдал документы в училище, и принялся готовиться к экзаменам. Он был очарован своеобразной природой Заполярья, и всякую свободную минуту тратил на знакомство с нею. Он совершал пешие прогулки по городу, но чаще за городом, где любовался небольшими совершенно прозрачными озёрами в крутых скальных берегах. Родион быстро познакомился с местными ребятами, приобщившими его к городским и загородным развлечениям.

Три раза в неделю в Клубе Моряков были танцы, которые всегда сопровождались драками между солдатами и матросами. Ребята специально ходили на них смотреть, но интерес был чисто спортивный, потому что на драчунов делались ставки. Гораздо больше Родиону нравилась рыбалка на Кольском заливе. Билет на катер стоил двадцать копеек. Ребята собирались в компанию из трёх или четырёх человек, запасались снастью и железными вёдрами для пойманной рыбы, а затем с вечера переправлялись через залив на катере. Для наживки в береговых водорослях собирали «капшук», морских беспозвоночных размером с кузнечика, и устраивались на пустом деревянном причале. Снасть представляла собой толстую леску с крючком и грузилом, которую нужно было просто держать в руке. Никаких удилищ и поплавков. Тем не менее, это примитивное орудие лова было вполне эффективным, и к приходу катера ведро наполнялось рыбой. Чаще всего ловилась камбала, реже сайра и треска. Сайра тут же выбрасывалась, так как считалась заражённой глистами сорной рыбой.

Практического смысла в рыбалке было немного. В таких количествах дома рыба была не нужна, поэтому большая часть улова продавалась. Конкурировать с городскими магазинами, набитыми рыбой с названиями, о половине которых Родион до этого и не слыхивал, было невозможно. Поэтому живой камбалой ребята торговали по демпинговым ценам, то есть по двадцать копеек за штуку, хотя большинство рыбин превосходило размерами любую сковородку. Торговал всегда худой Коля по прозвищу Огурец. Он был самым наглым в компании. Остальные ребята, в том числе и Родион, стеснялись этого дела, и ждали за углом с вёдрами. По этой причине без Огурца на рыбалку не ездили.

Тётка Капа внесла свою лепту в культурное просвещение Родиона. В один из выходных она свозила его на концерт прибывшего с гастролями Иосифа Кобзона. Так Родион впервые увидел

знаменитость живьём. Ему запомнилась песня «Лалайка», которую он больше уже нигде и никогда не слышал. На самом деле у Родиона досужего времени становилось всё меньше, и на то была своя причина.

В те времена город представлял собой большое кольцо, где в центре этого кольца можно было ходить по зыбкой тундровой почве, и собирать морошку. Городской транспорт состоял из автобусов, и лишь в районе площади Пяти Углов действовал единственный троллейбусный маршрут.

После сдачи документов в училище, Родион возвращался домой на маршрутном автобусе. В пути случился небольшой казус. Хорошо одетая молоденькая хрупкая девушка, по виду не старше Родиона, забыла дома кошелек, и растерянно смотрела на суровую кондукторшу. Родион был добрым пареньком, и купил ей билет за десять копеек. В благодарность за это девушка обещала показать короткий путь до Клуба Моряков, в окрестностях которого жила тётя Капа, у которой временно обретался Родион. Они вылезли на пустынной остановке, и пошли напрямик по тропинке между карликовых берёзок с чёрной корой. Познакомились. Её звали Зоя. Родион не знал о чём с ней говорить, но и молчать было неудобно. Вот тогда, чтобы не выглядеть истуканом, он практически на автомате выдал ритуальный рассказ, хотя у него и в мыслях не было приударить за кем-либо вообще, а тем более за этой тщедушной шатенкой. Родиона занесло на ранний рассказ Шолохова «Нахалёнок». Зоя оказалась очень чувствительной девушкой, и рассказ тронул её до слёз, чему Родион сильно удивился. Было непонятно, что её проняло, то ли содержание, то ли исполнение, но после рассказа Зоя всхлипнула, и неожиданно для Родиона поцеловала его в губы. Вот так они и подружились.

Родион сдуру показал ей, где он живёт, а на следующий день она заявила сама, и потащила его на прогулку по окрестностям. Тёти с дядей днём дома не бывало, и пресечь эти шашни было некому. Всё это было сильно не ко времени, Зоя не вписывалась в Родионовы планы, но её излишне романтическая, и довольно избалованная натура этого не признавала. Родиону она не очень и нравилась, и он ей честно об этом сказал. Он полагал, что теперь она от него отстанет, но Зою это признание только распалило. Родион несказанно удивился, узнав, что ей уже восемнадцать, и она студентка. Вот, что значит город! Иногда Родиону казалось, что Зоя малость чокнутая, но вскоре выяснилось, что эта не от мира сего девица в любовных делах весьма опытна и практична. Она соблазнила Родиона с большим знанием дела. Сильнее всего Родиона поразило то, что Зоя оказалась предусмотрительной. На всякий случай она постоянно таскала в своей сумке матерчатую подкладку величиной со скатерть, чтобы заниматься любовью не на голой земле. Эта связь не радовала, а скорее тяготила Родиона, он чувал, что добром эта история не кончится.

И вот экзамены позади. Через день Родион приехал в училище, и прочитал в списке на стене свою фамилию в числе принятых на первый курс. Обернувшись, он нос к носу столкнулся с улыбающейся Зоей. Ошарашенный Родион только пучил глаза. Она поздравила его, и сказала:

- Идём, папа хочет с тобой познакомиться.
- А кто твой папа?
- Разве я не говорила? Он начальник этого училища.

У Родиона забилося сердце, и пересохло во рту. Он понял, что крепко влип. Но от судьбы не сбежишь, и он обречённо поплёлся вслед за Зоей. Переступив порог, он увидел стоящего посреди кабинета начальника училища. Это был здоровый большеголовый дядька в чёрном мундире со злым выражением на красном лице. Глядя на него, Родион сразу вспомнил майора Перелазова, и ему сделалось тоскливо. Зоя тоже ощутила напряжённость атмосферы, её оживлённость исчезла, и она робко подошла к отцу. Справа возле стенки маячил армейский лейтенант. Родиону он был знаком. Пару раз Родион провожал Зою домой, а этот военный пасса недалеко от её дома. При Зое он не выступал, но когда она ушла, то он предупредил Родиона, чтобы не крутился возле девушки, а в следующий раз сильно его погонял. Он наверняка отлу-

пил бы Родиона, но тот, убегая, ловко кинул лейтенанту в ноги пустой ящик, и преследователь разостлался на тротуаре. Тяжело глядя на Родиона, начальник спросил:

– Этот?

– Да папочка.

Лейтенант подтвердил:

– Да, это он! Я его сразу узнал.

Глаза начальника налились кровью, он приказал лейтенанту выйти, и спросил Родиона:

– Так, значит, вы с Зойкой решили пожениться?

– Ещё чего! Первый раз слышу.

– А-а! Так ты чувyrло сопливое ещё и пренебрегаешь? Родом не вышли?

С этими словами он подошёл, и двинул Родиона кулаком в лицо. Родион, не ожидавший рукоприкладства в казённом учреждении, прозевал удар, и приземлился в углу кабинета. Не ожидая больше ничего доброго, он стал перемещаться к двери. Зоя воскликнула:

– Папа! Но я же в положении!

Ответом была смачная оплеуха, от которой она улетела в другой угол. Зло глядя на Родиона, начальник прорычал:

– Забрал в канцелярии документы, и вон! Ещё раз попадёшься на глаза – убью!

Родиону не надо было повторять. Карьера моряка накрылась медным тазом, даже не начавшись. Впрочем, Родион никогда потом об этом не жалел.

Обескураженная тётя Капа на следующий день съездила в училище, и забрала документы. Каким-то образом она узнала об этом деле больше, чем сам Родион. Вечером состоялось обсуждение создавшегося положения. Родион с виноватым выражением лица переводил взгляд с потолка на окно, и обратно. Дядя Валентин два раза назвал его безобразником, но интонация не была осуждающей. Говорила в основном тётя:

– Синячище-то знатный! Издалека видать. А ведь за дело получил.

– Да я и не жалуюсь.

– Что из тебя дальше-то получится? Должно быть, ты в дедушку уродился.

– Какого?

– Тебе он прадедушка Кондрат Иванович. Сейчас уж, наверное, помер в загранице своей. У нас вся родня люди как люди, он один был авантюристом юбочным. А теперь ещё и ты. Правду говорят, что в породе не бывает переводу. Но ты его здорово обскакал. В пятнадцать лет взрослой девке ребёнка забабал!

– Можно подумать, я у неё там визитную карточку оставил. Да врёт она всё! Тоже мне, грамотейка! Месячную беременность не всякий врач определит.

– Ага! Это ты сходи её папаше расскажи.

– С ним трудно разговаривать. Не любит он по душам беседовать. Тётя Капа, да чи свет клином сошёлся на этом училище? Можно ведь и ещё куда-нибудь поступить. Время ещё есть.

– Именно так, клином и сошёлся. Наш город большой, но для тебя, похоже, он велик недостаточно. Пойми дурья башка, ты так нагадил этому начальнику, что он уже обзвонил все учреждения, и теперь тебя не примут даже в самую захудалую ремеслуху. Эта Зойка дура, конечно, а хитрая. Она тебя просто использовала. Отец хотел выдать её за адмиральского сына, а он ей совсем не нравился, вот и завернула всю эту историю. Теперь её выдадут за какого-то беспородного военного. Тот согласен на всё.

В этот момент раздался звонок в квартиру, и тётя пошла открывать. За дверью стояла малознакомая женщина из соседнего дома, и незнакомый мужчина хмурого вида. Тётя непустила их в квартиру, и разговор состоялся в подъезде. Женщина объяснила, что она привела мужчину к Родиону, которого он ищет уже второй день. Тётя спросила у нее, откуда она знает Родиона. Женщина расплылась в улыбке, и принялась рассказывать какой у неё, то есть у тёти Капы, хороший племянник, потому что Родион вылечил этой женщине её любимую

собачку. Решив, что свой долг она исполнила, женщина удалилась. Дождавшись её ухода, мужчина попросил вызвать Родиона. Этот мужик показался тётке Капе каким-то подозрительным, в голове у неё щёлкнул предохранитель, и она соврала, что Родион ещё вчера уехал домой в Ростовскую область. Погостил, и будя. Мужчина помолчал, а потом с каким-то облегчением сказал, что так даже лучше. Для Родиона. Мол, вовремя смылся. Встревоженная тётя спросила его, в чём дело. Мужик пожевал нижнюю губу, затем махнул рукой, и рассказал.

Звали его Виктором, а работал он личным шофером у директора Клуба Моряков. И, как бывает в таких случаях, сделался директорским слугой, и его доверенным лицом. Директору осточертела должность в этом беспокойном учреждении, ему хотелось повышения, но чтобы это осуществить, требовалась «рука» в городской администрации. Тут в действие вступила его жена. Она дружила с женой высокопоставленного чина из горисполкома, заведовавшего кадровыми перестановками, и решила использовать эту связь. От супруги высокого начальника во время обычного бабьего трёпа она узнала, что любимой внучке чиновника захотелось иметь говорящего попугая. Предприимчивая женщина решила подсуетиться, и с помощью говорящего подарка девчухе облегчить принятие нужного решения дедушкой. И она поручила Виктору купить говорящего попугая. Раньше Виктор не имел дела с птицами, однако быстро выяснил, что купить молодого попугая не трудно, но чтобы выучить его говорить, требуется время. А уже обученных говорящих попугаев ему не попадалось.

Скорее всего, эта идея заглохла бы сама собой, но ему помог родной сын, друживший с Огурцом. Этот Огурец был пронырливым типом, и как всякий пронырливый тип имел обширные знакомства. Узнав о проблеме, он тут же дал адрес человека с попугаем на продажу. Это был собиравшийся в плавание моторист траулера. Недавно он развёлся с женой, и при разделе имущества ему достался попугай, которого он не знал куда деть. Виктор тут же съездил к нему, и купил этого попугая за сто рублей. Цена показалась ему завышенной, но моторист уверял, что отдал редкостную птицу практически даром, и если бы не обстоятельства, то он с ним не расстался бы ни за какие деньги. Вскоре выяснилось, что моторист их обманул, потому что попугай не разговаривал. Выручил всё тот же Огурец. Узнав о проблеме, он на следующий день привёл специалиста по дрессировке попугаев, то есть Родиона. Жену директора смутил возраст специалиста, но выбора у неё не было. К тому же обещанный гонорар в размере двадцати пяти рублей не казался чрезмерным. Родион взялся за дело, и уже через пять дней к общей радости попугай заговорил. Стоило жене директора постучать ногтем по клетке, и сказать слово Жак, так звали попугая, как он тут же скрипучим голосом сообщал, что «Жак умный».

Жена директора тут же позвонила важной даме, и сказала, что ради её внучки она готова расстаться с чудесным говорящим попугаем. После некоторых согласований Виктор в тот же день после работы привёз важного чиновника с женой и внучкой на смотрины попугая. Клетку с птицей из кухни перенесли в гостиную, и хозяйка хлопотала, расставляя угощение для дорогих гостей. От этой суеты, звона посуды и звука открываемой бутылки с коньяком, попугай пришёл в возбуждение, и забегал по клетке. Когда гости расселись за столом, хозяйка постучала ногтем по клетке, и назвала имя Жак, на которое попугай тут же откликнулся словами «Жак умный». Внучка пришла в восторг. Важный начальник заинтересовался, подошёл до клетки, постучал по ней ногтем, и назвал попугая по имени. Жак посмотрел на него одним глазом, взмахнул крыльями, и вдруг проверещал: – «Иди жрать урод лысый»! И добавил пару грязных ругательств. Высокий чин побледнел. Он и в самом деле был лысым, да и лицом смахивал на Кощея Бессмертного. Он злое ще сказал: – «Ну-ну», махнул рукой своей жене, взял за руку внучку, и пошёл на выход. Директор с женой растерянно застыли истуканами. У Жака оказался немалый словарный запас, и разговорчивый характер. Громко и чётко он произнёс вслед уходящему работнику горисполкома: – «Катись колбасой ублюдок косой»! Он добавил бы ещё что-нибудь, но опомнившаяся жена директора схватила клетку, и отнесла её в тёмную кладовку. Это спасло попугая жизнь. От таких напутственных слов чиновник вздрогнул всем

телом, что-то злобно пробормотал, и с силой хлопнул дверью. У него была фамилия Косухин, и он знал, что за глаза все называют его Косым. Очнувшийся директор клуба кинулся вслед с извинениями, но крайне неудачно выразился, что попугай имел в виду совсем не то. В ответ директора заковыристо послали. Виктор, отвозивший гостей обратно, из ругани важной шишки понял, что скоро у него будет новый начальник. Разъярённый директор клуба хотел свернуть попугаю шею, но сразу его не нашёл, а когда остыл, то решил, что виновата не птица, а её учитель. К тому же попугай стоил денег.

На следующее утро директор сказал Виктору, чтобы он нашёл Родиона. Что он хотел с ним сделать, осталось неизвестным. Может требовать гонорар обратно, а может просто набить морду, но Родиона явно ждали неприятности. Огурец знал Родионов адрес, но не выдал его. Лично Виктор претензий к Родиону не имел, а искал он его с целью предупредить, чтобы не высовывался на улицу некоторое время, потому что этим утром директор клуба узнал, что его назначили заведующим прачечной номер пять, и осатанел. А человеку в осатанелом состоянии на глаза лучше не попадаться.

От этих сведений тётке Капе стало дурно, и, войдя в квартиру, она сразу пошла на кухню, где у неё хранилась валерьянка. Она всегда употребляла это средство от всякого рода волнений. Дядя Валентин тоже пошёл на кухню вслед за супругой, чтобы узнать причину её взвинченности. Родиону хорошо был слышен пронзительный голос тёти:

– А ведь многие женщины в станице говорили мне, что племянничек мой такой прохиндей, что его даже милиция остерегается. Только не верила я, ведь Родя такой смирный и вежливый. А теперь всё стало ясно. Валентин! Мы же понятия не имеем, чем он тут занимается кроме экзаменов. Оказывается, когда мы на работе, он здесь лечит собак. За деньги! Когда он всё успевает? Ведь в нашем районе его уже знают больше чем меня! На улице с ним через одного здороваются. А на днях этот учитель попугаев устроил директору Клуба Моряков такое, что того с работы сняли! И всё это он наворотил за каких-то полтора месяца. Бедная Полина! Ведь она годами терпит это чудовище!

Дядя Валентин только сопел и пучил глаза, переваривая услышанное.

В историю с попугаем Родиона втравил Огурец. Однажды на рыбалке Родион рассказывал ребятам про свою ворону Верку. И когда возникла проблема молчащего попугая, Огурец решил, что тот, кто научил птицу воровать деньги, сможет легко и быстро научить её разговаривать. Родиона он соблазнил деньгами. Всё-таки двадцать рублей на дороге не валяются. Пять рублей полагались Огурцу за посредничество.

Родион не был профессионалом птицеводом, но в попугаях более-менее разбирался. В станице они не были диковинкой, и жили у многих знакомых Родиона. Он знал правила ухода, и многое другое из жизни этих интересных птиц, а однажды с помощью полыни избавил двух волнистых попугайчиков от птичьих блох. Любознательный Родион читал литературу о повадках попугаев, и знал, что процесс обучения речи требует особых условий, и занимает немало времени. Он ни за что не связался бы с обучением Жака, но было одно обстоятельство. Родион не верил, что моторист так пошло обманул новых хозяев попугая. Скорее всего, этот попугай был говорящим, но от смены обстановки испытал стресс, и замолчал. Чтобы заговорить, ему нужно было привыкнуть к новому хозяину, и почувствовать к нему доверие. То есть Жаку требовалось какое-то время, чтобы освоиться и заговорить. Родиону было нужно всего лишь ускорить этот процесс, и он решился.

Попугай оказался породы «Жако», от которой вероятнее всего и произошло его имя. Первые два дня Жак на контакт не шёл. Хозяйке быстро надоело однообразное повторение слов, и она стала оставлять дрессировщика наедине с птицей. Для ускорения процесса требовалось нестандартное решение, и Родион его придумал. Он набрал пива в маленькую стограммовую бутылочку из-под водки, именуемую в народе «мерзавчик», и на очередных занятиях стал тайно от хозяйки поощрять Жака смоченным в пиве хлебом. Обоняние у большинства птиц, и

попугаи здесь не исключение, плохое, или вовсе никакое, но Жак с удовольствием набросился на пивной деликатес, и Родион понял, что это угощение птице хорошо знакомо. Родион знал, что у птиц нежная печень, и любое спиртное им очень вредно, но понадеялся, что от нескольких порций пива с Жаком ничего не случится. После этого Жак сразу признал Родиона своим лучшим другом, перестал клеваться, и быстро выучил новые слова «Жак умный». Более того, он стал говорить эти слова после щелчка по клетке. Затем Родион показал результат дрессировки хозяйке, она обрадовалась, и заплатила гонорар. Рефлекс у Жака закрепился, и он отзывался на стук по клетке всем знакомым людям. Родион недоумевал, ведь никакого криминала во всём этом не было, и только слова зашедшей в комнату тёти объяснили ему положение дел:

– Родион! Скажи мне ради бога, зачем ты научил попугая материться? Это ты специально? Что тебе сделали эти люди?

– Да вы что? Не учил я его матюкам. Да вам любой скажет, что научить попугая разговаривать за пять дней невозможно.

– Но ты же научил!

– Тётя Капа! Этот попугай и до меня умел говорить. На него переезд подействовал, вот он и замкнулся. Через время он бы и без меня болтать начал. Я так понял, что раньше он жил в пьющей семье, где и нахватался выражений. К тому же ему там иногда и наливали. Должно быть, у директора застолье образовалось, бутылки звякают, еду носят, то, сё. А попугай ведь существо живое и с характером. По клетке стучат, а пива не дают, вот его с досады и понесло. Я-то здесь, чем виноват?

Разговор закончил дядя Валентин. Он назвал Родиона безобразником, но произнёс это с восхищением.

Тёте было жаль Родиона, всё-таки родная кровь, и она позаботилась о его безопасном отбытии на родину. Подгримировав Родиону синяк, она вызвала такси к самому порогу, чтобы его не увидела ни одна живая враждебная душа, и самолично посадила на прямой поезд до Ростова.

Несмотря на плачевный финал, Родион с удовольствием вспоминал это заполярное лето. В его памяти навсегда осталась удивительная природа Севера, и несравненная рыбалка.

Глава II. Начало рабочей биографии

Родион прибыл в Ростов утром, и на электричке отправился в пригород к дяде Семёну посоветоваться насчёт дальнейшей учёбы. Семён Андреевич Сотников был опытным человеком, и на следующий день отвёз Родиона в город, где показал ему подходящее училище. Это было ГПТУ от завода Ростсельмаш. В нём учились многие ребята из пригорода, и Родион, недолго думая, подал туда документы. Его приняли в группу столяров-плотников. Выбора у Родиона не было, так как остальные группы были уже укомплектованы. Но Родион был доволен, ему всегда нравилось работать с деревом. Общежитие полагалось только детдомовцам, но дядя Семён любил Родиона, и предложил на время учёбы пожить у него. Вариант был вполне удобным, и Родион согласился. Семья у дяди Семёна была небольшой. На тот момент она состояла из трёх человек – самого дяди, его жены тёти Вари, и позднего ребёнка Вити, ходившего в пятый класс. Две старшие дочери уже вышли замуж, и проживали в самом Ростове. Поэтому Родион, умевший делать по хозяйству всё, в качестве помощника пришёлся очень ко двору.

Разумеется, за два года учёбы много чего произошло, но Родион не любил вспоминать это время, и лишь иногда касался некоторых эпизодов. Каких-то особенных неприятностей у Родиона не было. Просто этот период запомнился ему рутиной учёбы, работы в мастерской, и по домашнему хозяйству. На досуг времени почти не оставалось. Но такова взрослая жизнь.

Вскоре Родион обнаружил, что он является членом пригородной молодёжной хулиганской группировки. Впрочем, в ней состояли все местные ребята призывного возраста, а Родион среди них считался «своим». Дело в том, что все предыдущие годы, он каждое лето хотя бы ненадолго приезжал к дяде Семёну в гости, и давно перезнакомился со сверстниками. Рыбалка, походы на пересыхающие озёра за व्यюнами и целебным корнем желтой лилии, раскопки в поисках боеприпасов, а также работа на уборке абрикосов в ближайшем совхозе, и другое совместное времяпровождение способствуют возникновению крепких дружеских связей. А когда Родион прописался в Аксае, то сделался полноправным местным жителем, и «своим парнем». Многие знакомые ребята учились в том же училище, а живущий через дорогу очкарик Сидор Дынин оказался в одной группе с Родионом. Многие думали, что Сидор кличка, но это было его настоящее имя, которого он нисколько не стеснялся.

На «взрослые» танцы Родион стал ходить со следующей весны. До этого Родион ходил в местный клуб только в кино, но однажды Сидор затащил его и на танцы под радиолу. Это мероприятие бывало по воскресеньям, и в клуб на танцы съезжалась молодёжь из окрестных поселений и хуторов. Родиону нравилась тёмненькая кучерявая Тамара из Берданосовки, или по-местному Берданки. Так назывался окраинный район Аксая. Родион тут же пригласил её на вальс, но после первого же танца к нему подошёл щуплый парнишка, и попросил выйти за клуб поговорить. Там его ждали трое курсантов танкистов. Разговор был очень коротким. Высокий курсант сказал, что Тамара «забита», и двинул Родиона по сопатке. Но продолжить избиение они не успели, потому что из-за угла выскочили все бывшие в клубе местные ребята, и в две минуты буквально замесили наглых чужаков. Родиону популярно объяснили, что закон «Все за одного» здесь соблюдается железно, и своих ребят в обиду не дают. Но взамен и Родион обязан был при необходимости без рассуждений вступать в драку за своих. Ничего нового для Родиона в этом не было. В станице тоже существовала территориальная вражда, и происходили драки «край на край». Но в пригороде всё было намного жёстче. В дальнейшем Родиону приходилось участвовать в массовых драках против наглых горожан студентов, и прочих чужаков. Между собой пригородные группировки массовых драк не устраивали. Конфликты, конечно, были, но они решались обычным путём в частном порядке. То есть, соседи могли не ладить меж собой, и даже подраться, но против общего врага сразу же объединялись. Во всём этом были и

свои плюсы. В училищах существовала своего рода «дедовщина», но ребят из пригорода, в том числе Сидора и Родиона, старшекурсники не трогали, так как за них всегда могли заступиться земляки из этого же училища.

Электричка была связующим звеном, нейтральной территорией, и местом общения. Это был особый мир со своим устоявшимся бытом, и довольно постоянным населением. Поезда именовались «пятёрка», «шестёрка» или «восьмёрка», то есть по времени прибытия в Ростов, причём у каждой электрички имелся свой контингент. Так, например, «пятёркой» ездили в основном рабочие Сельмаша. Многие из них коротали время за игрой в подкидного на погоны. Команды были сыгранные, и за каких-то полчаса часто успевали привесить погоны до тузов. Через три месяца ежедневных поездок на электричке, Родион уже знал в лицо всю молодёжь на участке от Ростова до Новочеркасска. Его физиономия тоже примелькалась, и на этом маршруте Родиона помнили ещё долго, а кое-кто здоровался даже через несколько лет. В этом тоже были свои плюсы. Сидор с Родионом запросто могли съездить в кино или на танцы в Большой Мишкин, например, и никто на них там не бросался, потому что все знали их в лицо.

В конце восьмидесятых вышел фильм «Меня зовут Арлекино», который вызвал много споров. Родиону фильм не понравился внутренним противоречием. Антураж был снят правдоподобно, но сама идея фильма ему казалась насквозь фальшивой. В этом фильме дикие выходки самой обычной пригородной хулиганской шайки преподносились как некая форма социального протеста. Из своего опыта Родион знал, что хулиганские шайки по природе своей неспособны на какие-либо социальные протесты. Да, такое им самим в голову не придёт. Подобного рода шайки бывали и в шестидесятые. Ребята подбирались туда соответствующие.

Есть сорт людей с амбициями, но не имеющих ума и способностей их удовлетворить. По отдельности они никто, мелкие пакостники, презираемые окружением. Сознывая свою ничтожность, они объединяются с себе подобными, и самоутверждаются единственным доступным им способом – агрессией. Часто их называют гопниками, но к настоящим грабителям они имеют косвенное отношение, так как отнимают часы, сигареты, и выворачивают карманы у прохожих не с целью наживы. Это всего лишь способ унижить человека. Эти подонки наслаждаются властью над своей случайной жертвой. Это чувство может завести далеко, и спровоцировать так называемые «безмотивные» преступления. Впрочем, такого рода шайки существуют недолго. На зоне эту публику не уважают, и зовут «бакланами». Неформальные объединения пригородной молодёжи не имели к этим шайкам никакого отношения. Хотя бы потому, что у них не было вожака, постоянного главаря, без которого любая банда не банда. В каждом населённом пункте имелись два-три авторитетных парня, которые в случае нужды организовывали общие действия. Пребывание в группировке заканчивалось самым естественным образом. Люди просто из неё вырастали. А у взрослых людей была своя взрослая жизнь.

Через несколько лет из одной умной книги Родион узнал, что молодёжные банды, как социальное явление, известны с незапамятных времён. Возможно, они старше самого человечества, так как наблюдаются в природе и у высокоразвитых животных. Волки, как и прочие собачьи, в природе живут хорошо организованными стаями-семьями. Но и среди них бывают свои волчьи отщепенцы, которые иногда объединяются в разбойничьи стаи. В таких стаях нет самок, и с гибелью вожака, они чаще всего разбегаются.

Наблюдения зоологов показали, что время от времени из организованного сообщества шимпанзе выделяется группа молодых самцов, которая отправляется в путешествие по чужим территориям с целью их захвата и освоения. При этом они ведут себя в точности как человеческие хулиганы. С шумом и гамом эти распоясавшиеся самцы разгоняют всё живое, и нагло отбивают чужих самок. То есть, являются самой настоящей бандой разбойников. Невольно вспоминаются новгородские ушкуйники и скандинавские викинги. Да и запорожские казаки того же поля ягоды.

Через два года Родион окончил училище, получил диплом столяра четвёртого разряда, поступил на завод «Ростсельмаш», и переселился в заводское общежитие, расположенное недалеко от завода. Но связей с пригородом он не утратил, и время от времени навещал дядю Семёна, а после его смерти Витину семью. Именно к нему ехал Родион во время незабываемого знакомства с Верой Максимовной.

Родион учился на столяра с удовольствием. Ему нравилось изготавливать рамы и двери самых разных фасонов. Двери он всегда старался украсить разного рода галтелями и калёвкой, для которой зачастую сам вытачивал фигурные ножи. Ему хотелось после училища устроиться в хорошую столярную мастерскую с богатым набором станков, но всё вышло иначе. При распределении желаний выпускников не учитывались. Их направляли туда, где в них имелаась нужда. Многие ребята, в том числе и Сидор, попали в деревообрабатывающий цех, а остальных рассовали кого куда. Родион попал в инструментальный цех. Сразу же выяснилось, что произошла путаница. Цех посылал заявку на слесаря, а не на столяра. Однако начальник цеха, зная, что сезон окончен, и молодого слесаря ему пришлют нескоро, решил использовать тот материал, который оказался под рукой. Пристально глядя на Родиона, он спросил:

– Ты в училище изучал какое-нибудь оборудование?

– Само собой. Все деревообрабатывающие станки я знаю, как свои пять пальцев.

Начальник покачал возле лица указательным пальцем, и со значением произнёс:

– Станки! Это прекрасно! Ты принят слесарем по ремонту оборудования. Иди в отдел механика к товарищу Дронову, он тебе всё объяснит.

И Родион пошёл. Он ещё плохо разбирался в обстановке, и не мог определить, что для него лучше, а что хуже. Механик Дронов объяснил Родиону, что в отделе платят оклад соответственно имеющемуся разряду. Но как армия не может состоять из одних майоров, так и отдел не может состоять из одних слесарей высшего разряда. Правила жёстко регламентируют количество людей на разрядных ступеньках. На данный момент существует вакансия слесаря третьего разряда, и её предстоит занять Родиону. Но из-за отсутствия нужной подготовки, ему присваивается самый низкий второй разряд с окладом восемьдесят семь рублей пятьдесят копеек. Первый разряд ученический. А чтобы Родион быстрее стал профессионалом, его определяют подручным к слесарю шестого разряда Митрофановичу. Так неожиданно Родион сменил профориентацию. Он вернётся к профессии столяра, но ещё очень не скоро.

Митрофанович был пожилым жилистым человеком с брызгливым выражением лица. В своей области он был профессионалом высшего класса довоенной закваски. За дело он взялся основательно, и курс общей слесарной подготовки Родион одолел за два месяца. Митрофанович обучал его старорежимными методами. Материально-технические возможности цеха были почти безграничны. Кроме всевозможного оборудования в нём имелаась даже своя кузня, электропечи, и ванны для гальванизации. Но Митрофанович заставил Родиона вручную изготовить для себя весь набор слесарных инструментов – от молотка и зубила до пассатижей, отвёрток, и гаечных ключей. Плюс металлический инструментальный чемоданчик. Родион прошёл всю технологическую цепочку от опилования заготовки до закалки и отжига изделия, с последующим его шлифованием и хромированием. Инструменты получились несравненно лучше казённых. Дипломной работой было самостоятельное изготовление замка хитроумной конструкции для шкафчика в раздевалке. В отделе механика презирали магазинные замки, и каждый слесарь изготавливал свой вариант этого устройства. В процессе ремонта станков Родион невольно выучился управлять ими. До профессионального токаря или фрезеровщика ему было далеко, но простые операции на станках он выполнял уверенно.

Митрофанович несколько не возражал, если Родион в свободное время изготавливал что-то постороннее, вроде печаток из нержавеющей стали, кухонных ножей и прочей мелочи. Справедливо полагая, что так приобретается опыт, он помогал советами, и просил только не делать

пружинных ножей и пистолетов. Такие случаи уже бывали, но они всегда заканчивалось неприятностями.

Постоянное угрюмое выражение лица Митрофановича сочеталось у него с любовью к шуткам. Как правило, его шутки имели отношение к технике и производству. Однажды, во время ремонта токарного станка, он устроил классический розыгрыш молоденькому токарю. Он дал ему маленькое жестяное ведёрце, и велел сходить до цеховой малярши Зины, чтобы она дала ему краски. Токарь задал естественный вопрос: – «Какой краски?», и услышал в ответ: – «Менструации». Паренёк был городской, но удивительно тёмный. Он взял ведёрко, и отправился в малярку. Потом-то ему объяснили, за что экспансивная Зина ткнула большой кистью ему в лицо, и обложила крепкими словами. На такие примитивные крючки Родион не попадался, но один раз Митрофанович его подсёк. Родион делал свой первый кухонный нож, но от неумелого закаливания в масле заготовку повело. Митрофанович посоветовал отрихтовать её, но от первого же удара молотком «сухая» перекаленная сталь лопнула. Родион хотел выкинуть обломки, но Митрофанович посоветовал ему сходить в материальную кладовую и попросить там специальный «торцовый клей», чтобы склеить обломки. Мол, после шлифовки место склейки не будет видно даже под лупой. Чувствуя подвох, Родион засомневался, но Митрофанович сказал, что наука не стоит на месте, а Родион отстаёт от жизни, потому что не интересуется технической литературой. Последний довод попал в точку, и Родион отправился в кладовую за чудо-клеем. Над ним хохотал весь отдел. После этого случая Родион выписал журнал «Наука и техника».

Родион быстро понял, что его завербовали на работу в отдел из-за трудностей с кадрами. Профессия слесаря ремонтника интересная, но грязная. Ходить чумазым за восемьдесят семь рублей в месяц желающих было не густо. Для города это была очень скромная сумма. С голоду не помрёшь, но и только. Освоившись на заводе, Родион стал приглядывать более денежное рабочее место. Поиски облегчались внутривзаводскими командировками в другие цеха, где возникала острая нехватка людей. Это именовалось «послать на прорыв». Обычно на эти прорывы посылали Родиона, как самого малоценного работника отдела. В этих месячных командировках чаще всего он работал не по специальности. В цехе экспортных машин он был сборщиком, в механосборочном цехе токарем операционником, а в следующий раз целый месяц паял гидравлические трубки. И только в прессовом цеху занимался ремонтом прессов. Большинство этих мест Родиону не нравилось загазованностью и чудовищным грохотом, а в цехе экспортных машин, куда он с удовольствием бы перешёл, его невзлюбил начальник. Однажды его послали на месяц в главный сборочный цех поработать на конвейере. В бригаде было много разной молодёжи, и Родион там пришёлся ко двору. Он быстро освоился с работой и подружился с недавно демобилизовавшимися Саней Буровым, и Михаилом Хохловым. Они и уговорили Родиона перейти работать на участок постоянно. Но главной причиной смены места работы для Родиона стала зарплата минимум сто двадцать рублей в месяц, и он согласился.

Глава III. Первые городские впечатления

Ростов на Дону. Сколько в этом имени спрессовано жизнью и судьб. Мне приходилось бывать в разных городах. В огромных мегаполисах, где их сущность рассеяна в пространстве, и ты чувствуешь там себя букашкой. В небольших прилизанно-чистеньких прибалтийских городах, где из-за чрезмерного лоска чихнуть боишься, как в музее. Видел я города по-восточному красивые, и с древней историей. Да, Ростов не самый стерильно вылизанный, не самый древний, не самый огромный, и не самый архитектурно красивый город. Просто он лучший город земли. Лучший, потому что он Ростов, и ничего более.

Особенно Ростов шестидесятых. Сейчас он представляется ушедшим в прошлое раем. Но в ту пору я не сознавал, что живу в прекрасном месте, как щепка не замечает течения, в котором она дрейфует. Это не потому, что тогда воздух был чище, и не было транспортной забитости улиц. И не потому, что я был молод, и вода от этого была мокрее. Другими были люди. Вернее сама атмосфера общения. В глазах людей не было отчуждённости, равнодушия, и страха. Не было суетливости и напряжения. Жили бедно, но была уверенность в завтрашнем дне. Люди планировали будущее на годы вперёд. Я уж не говорю о социальных язвах. Тогда их просто не было. Явления были, но не было системы. Наркоманов, особенно тех, кто кололся морфием, было очень мало. Население их не понимало. Зачем травиться химией, когда в магазинах полно дешёвой водки и вина? Любой вид наркомании чужд русской культуре. Воры и хулиганы имелись, но организованной преступности не было. Банда «Фантомасов» была исключением, подтверждающим правило.

По моему мнению уже тогда сформировался особый субэтнос – ростовчане. Среди советских областей и регионов они выделялись диалектом, своеобразием культуры, и даже социальным характером. В рейтинге они не уступали москвичам, одесситам и ленинградцам, а в иных областях и превосходили. Слово «ростовчанин» было половиной характеристики человека. Подразумевается, что ростовчанам, как данность, присущи такие качества как умелость в работе, образованность, предприимчивость, граничащая с наглостью уверенность в себе, и способность брать ответственность на себя. Конечно, можно нарваться и на «ростовского жулика», но в большинстве своём ростовчане грамотные рабочие и инженеры. Даже ростовские алкоголики выделяются своей артистичностью. Спору нет, далеко не все жители Дона соответствуют заявленным стандартам, но погоду делают не они. Окружающее население называет ростовчанами и горожан, и жителей области. И в определённом смысле они правы. Молодые люди на время обучения в Ростове становятся горожанами, а затем развозят приобретённый менталитет по станицам и хуторам.

В Ростове я обзавёлся немалым количеством приятелей и знакомых на работе, в общежитии, и в других местах. Рассказы обо всём подряд не втиснутся ни в одну книгу, поэтому я коснусь только случаев по затронутой теме, но общий фон тоже важен.

Обосновавшись в городе, я понял, что свою провинциальность и деревенские навыки общения надо забывать, и учиться городской культуре. Поэтому вначале я предпочитал помалкивать, и вести себя как можно скромнее. Впрочем, я и раньше не любил выпендриваться. Вероятно, первое время я немного комплексовал, но времени на самоанализ не было. Городская жизнь захватила, и закрутила.

В общежитии обретался разный народ. Порою это были весьма колоритные личности разных возрастов, вплоть до пенсионного. На мякине меня провести было

уже трудно, но я ещё был доверчив, и поддавался манипулированию. Ребята быстро меня вычислили, и иногда беззлобно подшучивали надо мной. Я воспринимал эти шутки как уроки. Было много отслуживших парней, и я с замиранием сердца слушал их рассказы об армии. Позже мне стало ясно, что они здорово врал, но тогда, слушая эти басни, мне очень захотелось служить, и я серьёзно стал готовиться к армии. Чтобы легче переносились будущие нагрузки, я три раза в неделю посещал спортивную секцию, хотя здоровье моё, и без этого было отменным. А также записался в ДОСААФ на курсы радиотелеграфистов. Кроме того был последний класс вечерней школы, плюс библиотеки и чтение. Времени было в обрез.

Я занимался вольной борьбой, но это был случайный выбор. Я ходил туда на тренировки ради поддержания спортивной формы и развития выносливости. Сейчас с этими целями посещают фитнес клубы. У меня не было тяги к чемпионству, и в соревнованиях я участвовал отбывательно. Тренер это заметил, и частенько выговаривал мне:

– Нет в тебе азарта Родион! Равнодушный ты. Месишь воздух без пользы, а ведь данные у тебя очень хорошие. Мог бы далеко пойти.

Спортивных высот я не достиг, но два приёма волей-неволей освоил, хотя и не старался.

Но человек предполагает, а бог располагает. Однажды на работе я упал с высоты, и повредил ногу. Случилось это не по моей вине, но кому от этого легче? Накол кости зажил быстро, и через две недели я уже почти не хромал. Особого значения этому случаю я не придал, на мне всё заживало как на собаке, но рентген показал какое-то нарушение в колене, и очередная призывная комиссия меня забраковала. Как потом выяснилось на полтора года. Для меня это стало потрясением. От огорчения у меня выступили слёзы, хотя я давно забыл, когда плакал в последний раз. Над моим искренним горем потешалось всё общежитие, ведь многие считали, что мне на самом деле повезло, но я их не понимал.

Однако время лечит, а иной раз быстро. Подготовку к армии за ненадобностью я забросил, и призывной энтузиазм увял.

Непригодность к службе для меня везением не являлась, но я перестал воспринимать её как несчастье, и зажил в своё удовольствие.

Работалось мне легко. Вообще-то работа на конвейере занятие нудное, поэтому для разнообразия я освоил все операции, и через полгода мог заменить любого на нашем участке. Сменный мастер Анатолий Иванович ценил меня за это, и ещё за то, что я никогда не скандалил, и работал там, куда поставят. В бригаде было много молодёжи, и со всеми я был в хороших отношениях. Но больше всего я подружился с Саней Буровым и Мишей Хохловым. Мне нравилось бывать с ними в компании, потому что хотя они и смеялись над моими промахами, но не возносились, и считали меня своим младшим товарищем. Я тоже не возносился, и, как младший член команды, при нужде становился гонимым на посылках. Саня играл на саксофоне в дворцовом ансамбле, и научил меня некоторым словам музыкантского сленга. Оказалось, что существует и такой. Но этим его таланты не ограничивались. Бывший детдомовец, циник и пройдоха, он обладал редкостным даром внушения. В нужный момент он умел делать такое выражение лица, что ему невольно хотелось верить, а взгляд больших выразительных глаз буквально зачаровывал обывателя. Цыганки рядом с ним и не стояли.

Ребята они были из тех, кто на ходу подмётки рвёт, и, выходя с ними в город, я, как правило, попадал на цирковое представление, которые они устраивали экспромтом. Наши с Максимом шутки были детским лепетом по сравнению с их продел-

ками. Но о самых интересных придётся умолчать, так как в той же мере они неприличны. География походов была мало предсказуема. Чаще всего они начинались в парке Островского в пивбаре «Летучая мышь», но могло занести неведомо куда.

Ребята ценили мою сдержанность, потому что я вёл себя спокойно, удивлялся про себя, и никогда не смеялся в критические моменты. На самом деле многие Санины шутки до меня не сразу доходили. Главную роль играл Саня. Миша в унисон кивал головой, и солидно «угукал». А я был поддерживающей массовкой, и рабочим сцены. А если они по случаю напивались, то я аккуратно развозил их по домам. Поэтому они никогда не пытались угощать меня спиртным. Впрочем, у этого были и другие причины.

Диапазон проделок был широк, и мало предсказуем. Это могло быть какое-нибудь странное пари со случайным знакомым, или жульническая игра на бильярде. Пару раз использовалось моё умение играть в шахматы, но чаще всего эксплуатировалась уникальная Мишина способность выпивать невероятное количество пива. Бывая в пивных, Саня организовывал пивные соревнования на деньги, из которых Миша всегда выходил победителем. А где пиво, там и раки. Я рассказал Сане про деревенский фокус с оживающим варёным раком, и он с удовольствием включил его в свой арсенал розыгрышей. Немногие знают, что если живого рака окунуть в водку, то он краснеет, перестаёт шевелиться, и по внешнему виду становится неотличим от варёного. Но если его потом отпустить в банку с обычной водой, то красный рак на глазах зеленеет, и оживает. При хорошей подготовке этот фокус смотрится очень эффектно.

Санина фантазия была неисчерпаема. Как-то раз мы сидели на скамейке по улице Пушкинской. Из ближнего двора появилась солидная дама с собачкой. Саня тут же заговорил с нею, и убедил, что теперь породистым собакам в паспортном столе выдают такой же паспорт, как и у людей, и без него прочие собачьи документы недействительны. Дама разволновалась:

– И как это происходит?

– Обычным порядком. Берёте родословную, вместе с собачкой идёте в паспортный отдел, заполняете бланки, оплачиваете гербовый сбор, и несёте на подпись начальнику.

Дама клюнула на эту чушь, и вернулась домой за родословной. Мы незаметно пошли вслед за ней. Она явилась в паспортный стол, умудрилась заполнить бланки, оплатить сбор, и пробиться к начальнику. Шум и выяснения продолжались минут десять.

Или, вот, как-то сидим в сквере недалеко от политехникума. Саня и Миша пьют бутылочное пиво, а я лимонад. В двух метрах от нас расположилась большая группа студентов. Видимо что-то отмечали, да деньги кончились. Сидят и тоскуют. Саня, как бы, между прочим, и говорит, обращаясь к нам, но громко, чтобы всем было слышно:

– Видите, какой недогадливый студент пошёл? Не знают где бабок на портвешку раздобыть. А ведь нет ничего проще, записались бы как мы в «Дидики», и все дела. Миша степенно кивнул, а я застыл в недоумении. Один из парней заинтересовался:

– Что ещё за дидики?

– Вот! Полгорода уже в курсе, а он первый раз слышит. Подойди ближе, расскажу.

Студент подошёл, а за ним подтянулись и остальные. Глядя на них обволакивающим взглядом, Саня начал обработку:

– Дидики, это новое сан – демократическое движение, поддержанное партией. Неделю назад в газете «Правда» на третьей странице напечатали программную статью «Дидики – прямой путь». Не читали? А напрасно. Так вот, сейчас идёт набор в это движение, создают количество, поэтому принимают всех подряд. Кто записывается, тому сразу выдают на руки десять рублей, и потом, как кандидату выдают по десять рублей в месяц полгода. А после этого экзамен, и ты уже как член начинаешь получать семнадцать рублей пятьдесят копеек в месяц. Сейчас пока так, а потом, возможно, требования повысятся.

– А какие они?

– Молчать один час в день, ну и ещё кое-что. Видите этих? Сейчас у них тренировочный час молчания.

– А, что за экзамены?

– Лёгкие. В библиотеке есть главная книга дидиков «Человек – земля», так по ней. Я вот только что от кассы.

Саня вывернул карман, и на глазах у всех пересчитал наличность, которой оказалось именно семнадцать пятьдесят.

Демонстрация вызвала нужный эффект. Посыпались вопросы:

– А касса-то где? И где всё это? А можно ли выйти оттуда?

– Выйти легко. Один раз не пришёл за деньгами, и всё. Из списков долой. А касса – обычная сберкасса. Квиток из райкома предъявляешь, и деньги на лапу.

– Райкома?

– Само собой! Не из коммунхоза же! В райкоме сидит товарищ Григорьев по сектору пропаганды, вот он и управляет этим делом. Ты ему заявление, а он тебе квиток. Всё просто. Вы тут как хотите, а мы пиво допьём, и ещё по винцу ударим.

Миша опять важно кивнул. Саня говорил так убедительно, что на десять секунд поверил даже я. Что уж говорить о жаждущих студентах. Волшебное слово «халява» делает правдоподобной любую ахию. Вся эта группа тут же отправилась в райком. Можно только догадываться, как отбивался товарищ Григорьев от внезапного наплыва желающих вступить в дидики. На всякий случай мы оттуда быстро слиняли, и ещё долго не показывались в том районе. Уже сидя в троллейбусе, я спросил Саню:

– Кто такие дидики? Откуда они взялись?

– Да у нас в армии был военный медик капитан Дидиков. По образованию он был санитарный врач, и в обычных болезнях разбирался слабо, можно сказать, вообще не рубил. Поэтому налегал на гигиену. Он страшно опасался кишечных инфекций, и при малейшем подозрении отправлял всех в изолятор, который у него не пустовал. Вот по его фамилии всех дристунов и звали дидиками.

Я тут же вспомнил остроумное заглавие несуществующей главной книги дидиков. Миша флегматично развил тему:

– У нас их звали «запевалами». Без запевалы в армии нельзя. У нас их было четыре – два основных, и два запасных. И как-то раз получилось, что все четверо оказались на карантине по этому делу. Тут строевой смотр, а запевать некому. Злой начштаба и говорит:

– В запевалы надо отбирать не только по лужёной глотке, но и по исправной попке.

В следующий раз попали мы в частный сектор на посёлке Чкаловском. Дело было в воскресенье после обеда. Там у кого-то из Саниного оркестра собиралась гулянка, на которую он захватил с собою и нас, то есть Мишу и меня. Идём. Возле двора на стуле сидит дедок. Саня привязался к нему, и купил у него этот стул за лотерейный билет. Он внушил деду, что это новые деньги. Идём дальше с этим никому

не нужным стулом. Нести этот не новый, и уже слегка расхлябанный мягкий стул, конечно же, выпало мне. Предупреждая мои вопросы, Саня коротко буркнул: – «Сгодится».

Смотрим, небольшая толпа посреди улицы. Судя по всему, прорвало водопровод. Экскаватор раскапывает трубы, а окрестные жители наблюдают. Когда мы поравнялись с ними, Саня, которому до всего было дело, притормозил, и разговаривал с мужичком в рабочем комбинезоне. Это был местный водопроводчик. Он коротко объяснил ситуацию, а затем спросил:

– А чего это вы со стулом таскаетесь?

У Сани экспромты вылетали без раздумий:

– А вы, что? Ничего не слышали? Мы издалека припёрлись, а вы тут рядом живёте, на соседней улице, и ничего не знаете.

Народ заинтересованно придвинулся:

– А, что такое?

– Так ведь зам председателя исполкома за взятки посадили, квартиры, то, сё. А теперь конфискацию производят. Что крупное, машины, деньги описывают. У него кроме «москвича» в личном пользовании был «ГАЗ-51». Представляете? Сейчас возле двора стоит. А мелочёвку – посуду, мебель всякую малоценную народу раздают. Нам тарелки достались, мы их уже отнесли, а этот только стул ещё тащит. Добра там было много, но скоро, уже, наверное, закончится.

– А где это?

Я сразу понял, где это место. Несколько минут назад мы проходили мимо двора с запахнутыми воротами, где гуляли свадьбу. Собственно говоря, свадьба уже закончилась. Музыки и танцев не было, а люди слонялись по двору в после-свадебной маяте. Со двора не спеша выносились взятые у соседей напрокат столы, скамейки, и прочие вещи. Если правильно думать, то со стороны всё действительно смахивало на неторопливую раздачу конфиската. Возле двора стоял допотопный «москвич» и газик грузотакси явно деревенского происхождения. Саня дал координаты этого двора, и посоветовал торопиться. Люди переглянулись, и всей толпой двинулись по указанному адресу. Даже экскаваторщик, захваченный общим порывом, заглушил технику, и пошёл догонять остальных. В который уже раз халява перекрыла рассудок.

Нам, конечно, захотелось посмотреть на результат, и мы слегка задержались. Наблюдали из-за угла. Рядом возникли два подростка. Вычислив главного, они спросили Саню:

– А чё там такое, дядя?

– О-о! Сейчас там будет заваруха.

– Где? На свадьбе?

– Да. Жених отвергнутый из армии вернулся, родни насобирал, и они гуртом пошли невесту отбивать, пока брачная ночь не настала. Потом будет поздно.

– Ух, ты!

Мальчики пришли в восторг, и бегом кинулись разносить новость. Несколько любопытных окрестных жителей решили подойти ближе к месту предстоящего зрелища, ведь такой романтики и в кино не увидишь. Тем самым они ускорили события, и кое-кто из них вскоре пострадал, толком не понимая за что. Люди из первой волны, заметив вторую, подумали, что это конкуренты, и заторопились. Они не стали тратить время на выяснения, а, заскочив во двор, начали хватать посуду, и свободные стулья. Полупьяные гости не сразу поняли, что происходит. Тревогу забила трезвая невеста. Тогда дарили больше вещами, которые горой высились на столе в глубине

двора. Новобрачная увидела в окно, как незнакомый человек протянул руки к лежащей на столе красивой подушке с оборочками. Она выскочила во двор, и заорала:

– Люди добрые! Караул, грабют!

Затем схватила пустую бутылку, и ловко запустила ею в мародёра. Два здоровенных деревенских родственника откликнулись на призыв, закатали рукава, и начали метелить всех подряд, и своих, и чужих, и наблюдателей. Для них ведь все были на одно лицо. Судя по мелькавшему белому плетью, невеста принимала в потасовке самое активное участие. Удивительного здесь ничего нет, ведь подарки, это святое, и на её месте любая девушка закусила бы удила.

От места событий пришли две женщины, остановились недалеко от нас, и стали делиться впечатлениями.

– Видела, как отвергнутого жениха невеста графином навернула? Так и выстлался на дорожке.

– И правильно! Нечего после драки кулаками махать! Я б его тоже отвергла, тоже мне жених нашёлся! Чумазый какой-то, да к тому же пожилой.

Я понял, что речь шла о несчастном экскаваторщике. Мы не стали больше задерживаться, и, чтобы не попасть на глаза разочарованным любителям конфискации, скромно покинули эту улицу.

Способность народа раздувать слухи меня давно уже не удивляет. Еще долго по посёлку ходили рассказы об огромных богатствах чиновника взяточника.

Нет, нам тоже иной раз перепадало. Вот в тот же день всем троим и досталось. Сане за дело, а нам с Мишей за компанию. Саниному коллеге по оркестру в наследство достался рояль. Неожиданно. И вся компания собралась для обмывания этого инструмента.

Вначале всё шло нормально. Мы с Мишей скромно сидели в уголке, а Саня рассказывал про наши похождения со стулом. Все хохотали. Саня вообще любил веселиться активно. Он затеял какую-то неизвестную мне игру, в которой посадил на стул симпатичную молодую женщину, и под каким-то игровым предлогом начал её целовать. Женщина играла с удовольствием, но её мужу эта игра не понравилась. Он выхватил из-под жены злосчастный стул, и бросился с ним на Саню. Тот ухватился за ножки стула с другой стороны, и, подобно отцу Фёдору с Кисой Воробьяниновым, они тут же его разломали. Но не успокоились, а начали фехтовать обломками. Я бросился их разнимать, но был неправильно понят, и кто-то огрел меня по горбу шваброй. Я обозлился и стукнул агрессора кулаком, но промазал, и зацепил другого. После этого началась всеобщая потасовка. В результате нас четверых побили, и выбросили на улицу. Четвёртым был гитарист Витя. Он случайно попался под горячую руку, и ему навешали заодно с нами. По пьянке такое бывает. Но вечер удался. А на другой день все помирились.

Глава IV. Комната № 20

Родион признался, что адаптация к городской жизни проходила у него очень тяжело. Ему не хотелось стать объектом насмешек из-за какой-нибудь деревенской привычки, и он целенаправленно начал от них избавляться. Труднее всего было избавиться от прожорливости. Обедая в городских столовых, он долгое время не мог поверить, что можно наестся одной порцией бифштекса с луком или яйцом, ведь дома во время обеда он съедал как минимум пять таких порций. В станице все любили покушать, но Родион, хотя и не числился в настоящих обжорах, всё-таки выделялся по этой части. У бабушки Фроси любой бы стал выделяться. Она одна радовалась аппетиту Родиона, а остальные только удивлялись и спрашивали, куда в него столько лезет, ведь не всякий может одолеть за один присест тазик борща, сковородку жареной с яйцами картошки, и заесть это десятком пирожков с обязательным компотом или молоком. И это не считая фруктов, потому что они не относились к серьёзной еде. И при всём этом у Родиона совершенно не имелось жировых отложений. Впрочем, еда шла ему впрок, поэтому он был здоровый и сильный.

Родион начал жёстко ограничивать себя в еде, и через полгода мучений, в конце концов, приучил свой организм к новому режиму питания. Он привык к городским порциям, а кроме того, подобно волку научился терпеть лишения, и жить впроголодь. Впоследствии это умение его не раз выручало. Но в некоторых случаях Родион позволял себе расслабиться, и хорошенько наестся впрок. Обычно это бывало во время гулянок, свадеб, и заездов в родную станицу.

Жить впроголодь приходилось не часто, но время от времени такое случалось. Родион не пил и не проигрывал денег в карты, но это случалось с его приятелями и соседями по обществу. Родион был добрым пареньком, и свободную наличность раздавал нуждающимся, а затем вместе со всеми честно перебивался до получки. Впрочем, переносить лишения Родиону было немного легче, чем остальным. Он был единственным в комнате потребителем молока. В «жирные» дни он забивал свой шкафчик молочными бутылками, а в «тощие» дни носил их в магазин в обмен на молоко и хлеб. Однажды в воскресенье обитатели двадцатой комнаты, где жил Родион, оказались без денег, и уже полдня молча грустили, слушая репродуктор. Родион сложил молочные бутылки в авоську, и отправился в расположенный неподалёку гастроном. Его провожали завистливыми взглядами. На сданные бутылки он купил молока, две сайки по шесть копеек, и пачку кукурузных хлопьев. На обратном пути Родион увидел, как шедшая метрах в двадцати впереди тётка что-то выронила. Это был кошелёк с деньгами. Там было около трёхсот рублей десятками, солидная по тем временам сумма. Родион поднял кошелёк, догнал эту раззяву, и вернул ей потерю. Женщина оказалась благодарной, и вознаградила честного парня десятью рублями. Родион тут же вернулся в магазин, и на всю десятку купил настоящей еды, то есть колбасы, хлеба, консервов, а на десерт взял поллитровку сладкого вина «Улыбка». Зайдя в комнату, он выложил продукты из набитой авоськи, и пригласил всех к столу. Мужики оживились, сели за стол, и с аппетитом набросились на еду. Практичный Жора спросил у Родиона, сколько он стрельнул денег, чтобы потом отдать долг. Родион ответил, что никто ему ничего не должен, потому что десятку он получил в подарок, и рассказал о возвращении кошелька. Жора со Славкой отругали его, и называли дураком. Родион психанул:

– Да вы чего? За кого меня держите? Ведь если бы я присвоил этот кошелёк, то значит, я бы его украл. Вот только мне воспитание не позволяет воровать у людей. Меня учили жить на честно заработанные деньги. Да и ты Жора не на большой дороге, а за станком деньги добываешь. А эти халявные десять рублей ничего не значат. Вот если бы я их заработал, тогда с каждого из вас по два пятьдесят высчитал бы.

У Родиона с самого начала была репутация нормального парня, а после этого случая его авторитет значительно вырос. Несмотря на это, Родион не был идеалом, и некоторые его привычки сильно раздражали соседей по комнате. При тесном общении трудно что-то утаить, и хотя Родион позволял себе расслабиться лишь во время пирушек, его прожорливость была замечена. В свободное от работы, учёбы, и любовных свиданий время, жильцы развлекались чисто по-мужски – играли в карты, домино, шахматы или нарды. В общежитии, где обретался Родион, была популярна игра в домино под названием «телефон». И, конечно же, время от времени организовывались пирушки, которые иногда плавно переходили в добрые попойки. Родион был компанейским человеком, и участвовал в этих развлечениях. Особенно он любил играть в шахматы. И хотя он был непьющим, от пирушек не увиливал. Если в комнате организовывалось такое мероприятие, а Родион оказывался дома, то волей-неволей приглашался и он. Оказавшись за столом, Родион не пил, а налегал на закуску. И сколько бы еды не было на столе, за считанные минуты от неё не оставалось и следа. Его ругали, но для серьёзных упреков не было повода, потому что Родион вместе со всеми вкладывал свою долю в расходы. Он довёл соседей до того, что они с пирушками переместились на третий этаж до дяди Колиного товарища Бори Хана, а в своей комнате выпивали только при отсутствии Родиона.

Гонцом он тоже оказался неважным. Однажды Родион вернулся домой поздно ночью, и застал попойку в той стадии, когда выпивка закончилась, а хотелось ещё. За столом сидело человек шесть. Родиону обрадовались, скинулись деньгами, и, как самого молодого, командировали в ночной магазин за догоном.

Да, в те времена были и такие, но они не рекламировались. В каждом крупном магазине и гастрономе работали ночные продавцы. Основной их задачей был приём товара, а в остальное время они торговали продуктами с небольшой наценкой. Бутылка кефира вместо двадцати восьми копеек у них стоила тридцать, а бутылку водки, стоившую два восемьдесят семь, отдавали за три рубля. Подобно многим холостякам Родион часто покупал там что-нибудь на ужин после второй смены. Нужно было только подойти к магазину со двора, и постучать в дверь, после чего открывалось, так называемое «Окно».

Родион не стал отнекиваться, взял деньги, большую сумку, и отправился в «Окно». Там он купил одну полулитровую бутылку портвейна, а все остальные деньги потратил на еду. Когда всё это он принёс в комнату и выложил на стол, мужики подумали, что он над ними издевается, и хотели даже его побить, но не решились на это, потому что было неизвестно, кто кому навалит. Оправдываясь, Родион сказал:

– Надо чётко формулировать задание. Сказали бы купить пять бутылок, я бы и принёс вам пять. А вы сказали купить вина, вот я вам его и купил. Я подумал, что вам на посошок надо.

Жора грустно посмотрел на него, и спросил:

– Родион, ты знаешь, что такое «Ни то, ни сё»?

– Нет.

– Это чекушка на семерых. Водка вроде бы и есть, а практически её и нету.

С той поры Родиона за выпивкой не посылали.

Из-за редкого имени у Родиона первое время не было клички. Но в мужском коллективе нужно быть очень невзрачной личностью, чтобы не заработать прозвища. Пришло время, когда на работе и в общежитии все стали звать его «Артистом». А кое-где его называли «Нечистым духом». Эти прозвища возникли не на пустом месте, но об этом ниже.

Родиона удручал его бедный гардероб, из-за которого он был робок и скован в общении с девушками. Но пока он работал в отделе, о хороших вещах нечего было и думать. Возможности открылись только с переходом в сборочный цех, где он стал получать значительно больше. В одежде Родион был довольно консервативен. Моды он придерживался, но осторожно, и без крайностей. У него была давняя мечта справиться костюм из хорошего материала чёрного цвета

классического покроя. Для него этот костюм был не просто хорошей вещью, а неким символом взрослости и самодостаточности. Но вот пришло время, и эта мечта обернулась реальностью.

Трёхэтажное общежитие было сравнительно небольшим, а потому уютным. Располагалось оно не в центре, но и не на окраине, всего в двадцати минутах ходьбы от завода, что являлось несомненным удобством. В просторной комнате с балконом на втором этаже кроме Родиона обитали ещё трое жильцов.

Самым старшим был дядя Коля, мужик под пятьдесят, работавший на заводе шофёром самосвала. В своё время ещё при Сталине он оттянул срок, и поэтому был авторитетным человеком. Родиону он преподавал знание городской жизни, и научил многим вещам. Например, тому, что собственное достоинство важнее всего, и в каких случаях для его сохранения нужно сразу бить оппонента в морду, не думая о последствиях, и ещё кое-чему. Дядя Коля был человеком с устоявшимися привычками. Каждую субботу вечером к нему приходил живущий на третьем этаже сорокалетний приятель Боря Хан, они крепко выпивали, и шли к своим давнишним любовницам. В общежитии их никогда не видели, и знали только, что у дяди Коляной дамы была кличка «Бабушка», а у Бориной дамы «Глухая». Отправляясь на свидание, он каждый раз потирал руки, и говорил, что идёт чистить слуховые проходы. Судя по всему, у женщины была некоторая тугоухость, но Боря говорил, что в любви ему это не мешает. Ходили они туда уже не первый год.

Другими жильцами были Жора Короедов и Слава Метис. Они были молодыми, но в армии уже отслужили. Жоре было двадцать семь лет, и он активно подыскивал будущую супругу. Критерии отбора у него были строгие, и все виденные Родионом претендентки уходили в отсеб. Он им даже зубы пересчитывал. Одна не далась, так он её к дантисту за справкой отправил. Зубы у неё оказались идеальные, а забраковал он её из-за отсутствия фаланги на пальчике ноги. Родион ему как-то заметил, что у него подход к женщинам какой-то чересчур уж рациональный. Примерно так на базаре корову выбирают. Жора объяснил:

– Не на один год беру, товар должен быть в комплекте.

Родион до сих пор в сомнениях, а может в чём-то он и прав?

У Славы была фамилия Четвергов. Он воспитывался в Ростовском детдоме, и такой фамилией, скорее всего, его наградили по дню поступления. Метис была кличка. Возникла она из-за того, что в его внешности не было ничего славянского, а какой он нации не знал никто. В том числе и он сам. Своими грубоватыми чертами лица Слава действительно напоминал какого-нибудь бразильца, но с равной долей вероятности он мог оказаться татарин, венгром, или даже болгарин. Впрочем, человеком он был хорошим и компанейским, ведь по большому счёту Слава являлся коренным ростовчанином. Демобилизовался он всего за год до появления Родиона. Поселившись в общежитии, он сразу сказал, что в детдоме его звали Метисом, он привык к этому прозвищу, и попросил других кличек не придумывать. Слава устроился работать не на самом заводе, а во дворце культуры водителем автобуса. Это было очень удобно. Сей автобус марки «ПАЗ» жильцы двадцатой комнаты с приятелями часто использовали в личных целях, например, ездили на нём отдыхать на так называемый «Лебердон», то есть левый берег Дона. В общем, другим жильцам на зависть свой транспорт.

По мере привыкания к городской жизни Родион всё реже ездил в станицу, а общежитие стало для него настоящим домом, хотя и не таким тихим и комфортным, как на родной улице.

Глава V. Серьги с бриллиантами

Таня была первой городской девушкой, с которой подружился Родион. Они встретились в фотоателье, куда Родион пришёл за своими фотографиями шесть на девять. (Одна из них чудом сохранилась). Он отдал квитанцию фотографу, и подошёл к столику с готовыми снимками. Там стояла молоденькая девушка, и, наморщив лоб, рассматривала его фотографию. Родион сказал:

– Девушка, в живом виде я выгляжу лучше.

Девушка ничуть не смутилась, посмотрела на оригинал, и задумчиво сказала в ответ:

– Странно, вас я вижу первый раз, а на фотке вы мне кого-то напоминаете, а кого именно, не могу вспомнить.

– Это «Дежа вю». Ложная память. Типичный случай.

Из ателье они вышли вместе, и оказалось, что им по пути. Познакомились, и как-то сразу перешли на «ты». Таня была среднего роста пухленькой брюнеткой, но некоторая полнота девушку нисколько не портила, потому что у неё имелась ярко выраженная талия, да и всё остальное было в порядке. Полненькие ножки красивых очертаний ритмично цокали маленькими каблучками по асфальту. Родион даже приотстал, чтобы полюбоваться на Танину выразительную фигурку. Она это почувствовала, и зарделась, то ли от смущения, то ли от удовольствия. По дороге Родион в качестве ритуального рассказа изложил газетную статью на затронутую тему о «Дежа вю». По окончании рассказа, Таня остановилась, смерила взглядом Родиона, и сказала:

– Совсем молодой, а уже умный. А с виду и не подумаешь.

– Ну, если честно, то не такой уж я и умный. Просто у меня память хорошая. Эту статью я только позавчера в газете прочитал, и ещё не успел её забыть.

– Слава богу! А то уж я подумала, что ты этот самый, как его ..., вундеркиндер. Меня от них со школы тошнит. А память у меня не ложная, а самая настоящая. Я вспомнила, что видела тебя в спортзале «Трудовых резервов». Меня подруга туда зазвала на её парня посмотреть, а ты как раз с ним боролся.

Родион пригласил Таню в кино, она согласилась, и они начали встречаться. Дружили они целомудренно, и дальше поцелуев дело не заходило. Скорее всего, по той причине, что в городе кусты и прочие укромные места попадаются не на каждом шагу. Такого рода места, конечно, имелись, но Таня была предусмотрительна, и тщательно их избегала. Впрочем, этот роман оказался недолгим.

Танины родители были работниками торговли, и дочку соответственно пристроили в торговый техникум. У Тани имелся брат Игорь, учившийся в пятом классе. Он сразу признал Родиона за «своего». Жили они недалеко от вокзала «Сельмаш» на четвёртом этаже пятиэтажного дома. По меркам того времени Танина семья была зажиточной. Трёхкомнатная квартира была забита красивыми, и просто дорогими вещами, но речь пойдёт о принадлежащих Таниной матери серёжках с маленькими настоящими бриллиантами. Они хранились в оригинальной лакированной шкатулке вместе с прочими украшениями.

Когда Таня выросла, то однажды наведлась в эту шкатулку и пришла в восторг. А серёжки настолько её восхитили, что она под большим секретом показала их своей подруге однокласснице Светке, живущей в соседнем подъезде. Время шло, девочки выросли, и когда Таня познакомилась с Родионом, Светка безнадежно влюбилась в парня из соседнего двора. Приветливый юноша по имени Павлик всегда с ней здоровался, а иногда спрашивал о делах, но чисто из вежливости. Он не видел в ней девушку, как таковую. Позднее такую ситуацию покажут в знаменитом фильме «Афоня». Света изобретала всё новые способы обратить на себя внимание, но безуспешно. В этот день она приобрела два билета на вечерний сеанс в киноте-

атр «Юбилейный», и устроила передачу одного билета Павлу, чтобы побыть в кинозале с ним рядышком. А для усиления эффекта она попросила у Тани эти самые серьги на один вечер. Таня помялась, но решила выручить подругу, и ради такого дела принесла ей эти серьги. Проникнувшись идеей, она приказала Свете тут же идти в парикмахерскую, и сделать причёску, не закрывающую ушей. Света приступила к исполнению.

Танина мама месяцами не заглядывала в свою шкатулку, но по закону подлости именно в этот вечер она зачем-то её открыла, и сразу обнаружила пропажу ценных побрякушек. Начались разборки, к делу подключился отец, и Тане устроили допрос. Таня боялась своего отца, человека старой закалки, который в гневе запросто мог её отлупить, и поэтому ничего не сказала о Светке. Зато отец сразу решил, что серьги украла именно Светка, потому что из всех подруг она чаще всего бывала в гостях у Татьяны. Родители начали совещаться, что лучше – поговорить с предполагаемой воровкой, или сразу идти подавать заявление. Таня поняла, что дело пахнет керосином, ведь в любом случае всё откроется, и ей достанется на орехи. Тогда она сделала частичное признание в том, что сама взяла серьги из шкатулки примерить, а потом забыла, куда их положила. Начались поиски, которые, естественно, оказались безрезультатны. Таня тянула время. Полдевятого заканчивался сеанс, и она рассчитывала в тот момент сбежать до Светки, и забрать у неё злополучные украшения. Но всё оказалось сложнее, так как отец объявил ей домашний арест до тех пор, пока не найдётся пропажа. Таня засела в своей комнате, и начала думать, что ей делать. Можно было попросить сбежать до Светки брата Игорька, но это значило навеки попасть к нему в рабство. И не было гарантии, что он тут же не проболтается.

На улице уже стемнело, и, выглянув в окно, Таня вспомнила про Родиона. В этот вечер у них было свидание, и, скорее всего, он уже ждал Таню на обычном месте возле газетного киоска. У Тани отлегло от сердца. Она знала, что Родион её выручит, нужно лишь было сообщить ему о проблеме. Она быстро написала записку с инструкциями, заклеила её в конверт от любопытных глаз, и попросила Игорька отнести её Родиону. Родителям сказала, что это сообщение молодому человеку, чтобы он сегодня не ждал её напрасно. Игорь быстро выполнил поручение, и вернулся домой.

Родион прочитал записку при свете уличного фонаря, хмыкнул, и отправился действовать согласно полученным указаниям. Свету он нашёл сразу. Она стояла возле своего подъезда с мокрым от слёз лицом. Родион испугался, что её ограбили, но всё оказалось не так страшно. Павлик не заметил серёжек и новой Светиной причёски. Он с удовольствием посмотрел фильм «Дайте жалобную книгу», вежливо попрощался и ушёл. Родион знал от Тани о Светиных страданиях, и попытался её утешить:

– Это всё к лучшему. Ведь если бы он сегодня обратил на тебя внимание, то получилось бы, что ему понравились серьги, а не ты сама. Хотя, возможно, ты на правильном пути, но не знаешь его слабого места.

– А оно у него есть?

– Конечно, он же не робот. Знаю я твоего Пашку. Ребята давно заметили, что он всегда болеет за тех, кто в красной форме. Его на красный цвет тянет как быка. У него и кличка «Вежливый бык». Покрась волосы в морковный цвет, оденься во всё красное, и после этого от Паши батоном не отобьёшься.

– Да мне красный цвет не идёт. Я буду выглядеть как идиотка.

– Возможно. Зато Паша будет носить тебя на руках.

У Светы поднялось настроение и высоли слёзы. Она передала Родиону серьги, и вприпрыжку отправилась домой. Родиону осталось передать серьги Татьяне.

Окно Татьяниной спальни находилось недалеко от пожарной лестницы. Родиону нужно было забраться по ней до четвёртого этажа, и переправить серьги Тане в нужную форточку. Для молодого спортивного парня это не составляло труда. Вмурованная в торец жилого корпуса железная пожарная лестница располагалась на некоторой высоте. Под ней валялись две или

три половинки кирпича. Родион отодвинул их ногой в сторону, и, подпрыгнув, ухватился за нижнюю перекладину. Подтягиваясь на руках, он быстро забрался на лестницу, и начал карабкаться вверх. Лестница почему-то была не строго по центру, и правые окна находились к ней ближе, чем окна слева, где была Танина квартира. На уровне третьего этажа справа открылось окно, и сварливый женский голос сказал: – «Куда ты лезешь паразит? Сейчас я в милицию позвоню». Родион не стал тратить время на перепалку, и молча полез дальше. На четвёртом этаже слева в большой форточке торчала голова и рука Тани. Серьги Родион завязал в носовой платок, и, держась одной рукой за лесенку, попытался его передать, но не смог дотянуться до Таниной руки. Тогда он сказал: – «Лови», и бросил ей платок, но она не сумела его поймать, и серьги упали вниз. Пришлось спускаться на землю. Родион нашёл платок, а потом выломил из какого-то куста лозину, взял её в зубы, и снова забрался на лестницу до Таниного окна. На этот раз передача драгоценностей прошла удачно.

Но как только он начал спускаться, внизу вспыхнул фонарик, и раздался голос:

– Эй! Верхолаз! Немедленно слезай оттуда! Ты окружён!

Стало ясно, что вредная тётка всё-таки позвонила в отделение. Родион милиционеров не испугался, потому что был трезв, и преступлений не совершал. Он крикнул вниз:

– Я и так спускаюсь. А вы товарищи будьте осторожны! Там кирпичи под ногами, не покалечьтесь в темноте.

Поравнявшись с третьим этажом, Родион увидел в правом окне силуэт вредной тётки, которая язвительно сказала ему:

– Попался ворюга, теперь не убежишь.

Родион вспомнил детские соревнования, на секунду задержался, и смачно плюнул тётке в лицо. В ответ прозвучала нецензурная ругань, подтвердившая, что он не промазал. Родион не успел спуститься до второго этажа, когда рядом пролетел, едва не зацепивший его какой-то предмет. Как потом выяснилось, это был небольшой глиняный горшок с цветком. Внизу раздался глухой удар, звук падения, затем ещё один удар и стон, а потом фонарик погас, и наступила тишина.

Сержант и рядовой, задрав головы, смотрели на спускающегося Коновалова, чтобы в нужный момент его скрутить. Но тут сверху прилетел цветочный горшок, и врезался в сержанта, ободрав ему правое ухо. От удара его кинуло в сторону рядового. Тот хотел его поддержать, неловко отступил, и подвернул ногу на половинке кирпича. В ноге что-то хрустнуло, от дикой боли рядовой потерял равновесие, и упал на землю вместе с сержантом. Спрыгнув на землю, Родион увидел двух сидящих на земле милиционеров. Сержант всё ещё пребывал в шоке от удара горшком, а рядовой осторожно щупал свою пухнущую на глазах ногу. Родион споткнулся о горшок, осмотрел его, и сказал:

– Ты гляди, какая баба злая! Цветка не пожалела, горшком запустила. А он и не разбился.

Сержант отозвался:

– Самортизировал об меня. Что ещё за баба?

– Я с ней незнаком. Её окно рядом с лесенкой на третьем этаже. Она меня без всяких оснований ворюгой обозвала. В кого она горшком целилась, сказать трудно. Может быть в меня, а может и в вас, если подумала, что вы мои сообщники. Потом с ней разберётесь:

– Ты-то сам чего там делал?

– В этом доме моя подружка живёт. Сегодня родители её из дома не выпускают. А брат её меньший передал мне, что она хочет меня увидеть, и, что её комната недалеко от пожарной лестницы. В общем, получилось свидание на высоте.

С помощью фонарика Коновалов определил у сержанта перелом ключицы, а у рядового что-то нехорошее, скорее всего разрыв связок голени. Правая рука у сержанта не действовала, и Коновалов помог ему встать на ноги. Худощавого рядового Коновалов без труда взвалил

на плечи, и они пешком отправились в отделение милиции. Впрочем, идти было недалеко, и Коновалов даже не запыхался.

Дежурный по отделению капитан Бубнов думал, что перевидал всё, но когда задержанный нарушитель добровольно приволок на закорках своего конвоира, понял, что жизнь ещё способна удивлять. Он тут же позвонил в госпиталь, и вызвал опергруппу, ведь покушение на милиционера дело серьёзное. В ожидании медиков сержант доложил о случившемся, а Коновалов повторил рассказ о причине своего нахождения на лестнице. Затем Родион отвёл опергруппу из двух человек на место происшествия. Цветочный горшок был найден и приобщён, а площадка под лестницей сфотографирована. На обратном пути оперативник Дмитрий Никитин спросил Родиона:

– А чего ты не скрылся с места происшествия?

– Ну, вы даёте! Эти люди пострадали из-за меня, а я не так воспитан, чтобы человека в беде оставить.

Работа в милиции делает людей циниками, и Дима Никитин не был исключением:

– Ты глянь, благородный, какой! Не ищи дурней себя Коновалов. Ты же сразу просчитал, что если скроешься, то тебя будут искать, а когда найдут, то всё на тебя и свалят.

– Товарищ опер, да ведь я ничего такого не совершал. Зачем мне было убежать?

– Возможно, так оно и было, но я тебе устрою проверку, а это нетрудно.

Никитин развил бурную деятельность, метательница горшка вскоре была задержана, и доставлена в отделение. Эта сорокалетняя толстая баба, работавшая в общепите в жизни разбиралась. Узнав, что за малым чуть не убила милиционера, она заявила, что горшок упал случайно, и в дальнейшем не меняла своих показаний. На Родиона она смотрела зло, но про pleвок благоразумно помалкивала. На другой день следователь, взяв подписку, отпустил её домой до суда.

В «обезьянник» Родиона не посадили, и он расположился на скамейке недалеко от деревянного барьера, за которым находилось рабочее место дежурного. В отделении шла обычная вечерняя суэта – кого-то приводили, обыскивали, и составляли протоколы. В начале одиннадцатого в дежурку завели Таню с отцом. Вообще-то вызывали одну Таню, но взволнованный отец решил её сопроводить. Увидев Родиона, Таня смешалась. Дома у неё всё уладилось. Серьги нашлись, и в семье воцарились мир и любовь. Но эту благодать внезапно нарушил вызов в милицию. Родион встал, и посмотрел на Таню с надеждой. Ему казалось, что дело идёт к концу. Никитин показал рукой на Коновалова, и спросил:

– Знаком ли вам этот человек?

Таня замешкалась, покосилась на отца, и, не глядя на Родиона, чётко произнесла:

– Я его вижу первый раз в жизни.

Родион дёрнулся, как будто его огрели палкой, но быстро пришёл в себя. Он сокрушённо пожал плечами, и произнёс:

– Да, товарищ опер, ошибка вышла. Я сейчас к ней присмотрелся, и понял, что раньше эту девушку не знал.

Никитин оживился, и радостно заговорил:

– Вот ты и попался Коновалов! Сейчас я тобой займусь по-настоящему.

Затем повернулся к Тане, и сделался образцом вежливости:

– Спасибо вам большое. Вы нам очень помогли. Можете быть свободными.

Таня как-то неуверенно пошла на выход, и Коновалов услышал, как отец ей сказал:

– Правильно дочка! Нам ещё уркаганов знакомых не хватало.

Родиона тщательно обыскали. У него изъяли пропуск, три рубля денег, и Танину записку, про которую он в суматохе забыл. Никитин мельком прочитал записку, положил её в карман, и отвёл Родиона в свой кабинет на втором этаже. Кабинет был рассчитан на троих сотрудников, но в данный момент там никого не было. Оперативник Дима сел за стол, и усадил Роди-

она напротив. Затем начал изучать записку более внимательно. Родион заикнулся, что чужие письма читать не принято, но Дима только хмыкнул. Немного помолчав, он сказал:

– Вот теперь всё ясно! Я с самого начала не поверил в эту любовную романтику. Олух ты Коновалов! Ты её стерву выручал, покрывал, а она тут же от тебя отказалась. Подставила, и даже не раздумывала.

– Она своего отца боялась. Но вы правы, жёны декабристов были из другого теста.

– Какие декабристки? Сейчас вокруг одни аферистки!

– Товарищ лейтенант ...

– Старший лейтенант.

– Товарищ старший лейтенант, вы по работе общаетесь с аферистами, вот поэтому вам и мерещатся одни стервы, а только нормальных девушек всё равно больше.

– С такими понятиями ты всегда будешь жертвой всяких мерзавок.

– Понятия здесь роли не играют, ведь от мерзавок никто не застрахован.

– Я застрахован. Я их всех сразу насквозь вижу.

– Товарищ старший лейтенант! Вы же ещё молодой, и всё у вас впереди.

– Что впереди?

– Встреча с той, которая обведёт вас вокруг пальца. Всякую косу поджидает её камень.

– Не дождёшься. Корчишь из себя умника, а рассказал бы сразу, в чём дело, так давно бы тебя отпустили. Ладно, иди домой, но жди повестки в суд. Пойдёшь свидетелем.

Так Родион познакомился с опером Димой Никитиным, и после этой встречи они расстались вполне дружелюбно. Напряжённость в отношениях возникла немного погодя. К Тане Родион совершенно остыл. Она искала встреч, и пыталась что-то ему объяснить, но Родион всякий раз говорил, что видит её в первый раз, а затем шёл дальше. Таня поняла, что её бросили, но винить было некого.

Танина подруга Света некоторое время колебалась, но всё-таки послушалась Родиона. Она выкрасила волосы в ярко-красный цвет, и купила в тон красную блузку, а красные туфли конфисковала у матери. Вежливый Бык Паша немедленно прозрел, и принялся за ней ухлёстывать. Он буквально не давал ей проходу. Света помариновала его для порядка, однако, в конце концов, через полгода они сыграли свадьбу. Но менять цвет своих волос она не рисковала.

Глава VI. Шпион

С Акимом Ласкирёвым Коновалов знакомился как-то постепенно. Ласкирёв в ту пору был освобождённым секретарём комсомола главного сборочного цеха. Его кабинетик находился на третьем этаже административного крыла цехового корпуса. Вот там Родион и увидел Ласкирёва в первый раз, когда становился на комсомольский учёт. Народу в цеху работало много, и с первого раза Ласкирёв его не запомнил. Он вышел на Коновалова во время посещения библиотеки заводского Дворца Культуры. Сам Аким ходил туда подбивать клинья к библиотечарше Люсе. Конкурентов у него не имелось, потому что Люся была некрасива. Но для Акима её внешность значения не имела, так как Люсин отец занимал большой пост в горисполкоме. А ради высокопоставленного тестя он был готов любить кого угодно. Впрочем, Аким тоже в красавчиках не ходил. Люся работала в читальном зале, и, кивнув на Родиона, сидящего за столом с книгой в руках, сказала Акиму:

– Вот этот юноша из чистого интереса читает Ленина. Кстати, он работает в твоём цеху.

Поражённый Ласкирёв тут же подсел к Родиону, и завёл политическую беседу. Сам-то он не одолел даже первого тома сочинений классика, и для всяких случаев пользовался специально изданным цитатником вождя. После беседы Ласкирёв решил, что этого деревенского эрудированного простака нужно завербовать в свою команду, чтобы управлять им в будущем. Ласкирёв принялся агитировать Коновалова стать комсоргом бригады с ближайшей перспективой занять его место комсорга цеха. Аким был старше Родиона лет на восемь, и его комсомольский возраст был на исходе. Но он уже проходил кандидатский стаж в партию, с окончанием которого ему светила учёба в ВПШ, и дальнейшая партийная карьера. Но, к удивлению Ласкирёва, Коновалов наотрез отказался от заманчивых предложений.

Люди судят о других по себе, ведь эталон всегда под рукой. Большинство просто не могут иначе, и в этом основная причина человеческого взаимонепонимания. Беспринципный человек просто не в состоянии постичь мотивацию поступков порядочных людей, и поэтому считает их дураками. Карьерист Ласкирёв считал окружающих людей умелыми или не очень карьеристами, разбавленными небольшим количеством недалёких идеалистов, то есть тех же дураков. Родион на идеалиста не походил, особенно внешне, и Ласкирёв решил, что Коновалов по своей деревенской тупости просто не понимает собственной выгоды. При всяком удобном случае он стал заглядывать на участок, и уговаривать Родиона заняться общественной работой. Вдобавок он подговорил начальника участка и сменного мастера, чтобы они повлияли на Коновалова со своей стороны. Анатолий Иванович замучил Родиона советами насчёт учёбы во ВТУЗе, мол, ему туда открыт зелёный свет. Саня и Миша причин не знали, однако с интересом наблюдали за процессом. Родион не поддавался на эти провокации, и однажды сказал мастеру, что уговаривают только девушек, а он как-нибудь сам решит за себя. А в один прекрасный день весь этот агитпроп разом прекратился.

Случилось это уже после большого пожара, в котором практически сгорел весь сборочный цех. Родион и ещё человек пятьдесят видели, как занялось, но сделать что-либо они были не в состоянии. От электрической искры загорелся пропитанный отработкой мусор под конвейером. Через считанные минуты огонь распространился по всем подземным коммуникациям, а цех заполнился густым чёрным дымом, в котором не было видно собственной руки. Пожарные команды собрались со всего города, но возгорание смогли ликвидировать только прибывшие из Новочеркасска военные пожарники. Родиону, с детства ценившему каждый болтик и каждую дощечку, ущерб от огня показался ужасающим, ведь кроме оборудования и материалов сгорело больше сотни стоявших на конвейере комбайнов. От цеха остались одни закопчённые стены, и железные конструкции искореженные температурой. Но гораздо больше его потрясло

то, что на следующий день к десяти часам утра цех был восстановлен, а главный конвейер запущен. У советской власти недостатков хватало, но концентрировать людей и средства она умела.

Все комсомольские функционеры в какой-то мере были стукачами. В конце концов, это была часть их профессиональных обязанностей, и вопрос был именно в мере исполнительности. Большинство комсоров этой обязанностью не злоупотребляли, но встречались и любители этого дела. Ласкирёв привык ябедничать ещё в школе, за что ему не раз доставалось от одноклассников. В институте по его доносу отчислили двух разговорчивых студентов, которые видели своими глазами подавление Новочеркасского бунта, и нелояльно его комментировали. После этого у Ласкирёва появился товарищ из «конторы» по фамилии Свистков. Нет, Ласкирёва официально не вербовали, ничего такого. Просто время от времени он встречался со Свистковым, и, посиживая в каком-нибудь кафе, они беседовали о всяких разностях. Ласкирёв Свисткова не любил, но выбора у него не было. Никакой реальной пользы от дружбы с сотрудником КГБ не было, и не предвиделось, зато Ласкирёв твёрдо знал, что в случае чего, Свистков запросто испортит ему карьеру.

Хотя в пожаре не было криминала, а его последствия были ликвидированы в рекордный срок, антисоветский «радиоголос» прокомментировал это происшествие. Чекисты напряглись. «Корреспондент» вряд ли работал на заводе, но было решено проверить там политический климат. Одним из исполнителей был старший лейтенант Свистков. Он встретился с Ласкирёвым, который в беседе сказал, что есть у него на примете идеологически перспективный юноша. Паренёк добровольно изучает Ленина, но довольно ограничен и упрям. Свистков ожил, и выразил желание познакомиться с Коноваловым. Он считал себя опытным вербовщиком. После некоторого согласования беседу с Коноваловым было решено организовать прямо на территории завода в кабинете Ласкирёва, но этот план пришлось корректировать.

Ласкирёв не учёл, что Родион выходит в первую смену только со следующей недели, и беседу перенесли на грядущий понедельник. Но как на грех в кабинете Ласкирёва начался долгожданный ремонт помещения. Ласкирёв на время ремонта переместился в красный уголок, где со своим архивом по аналогичной причине ютился профорг. Первыми в кабинет пришли два электрика, и, расковыряв стены, заменили допотопную наружную проводку на новую скрытую. А в понедельник в кабинете уже всю работало звено штукатуров-маляров, состоящее из двух разбитных женщин лет сорока. Однако Свистков в ремонте помехи не увидел. Он пришёл на завод, отыскал Ласкирёва, и сказал ему, что вполне успеет переговорить с Коноваловым во время обеденного перерыва, когда маляры уйдут в столовую.

Перед обедом Ласкирёв пришёл на участок, и попросил Коновалова зайти в красный уголок, мол, с ним желает поговорить очень важный человек. Родион про себя чертыхнулся, но дисциплинированно кивнул головой. Уходя на обед, женщины замкнули кабинет, но у Ласкирёва был запасной ключ. Он запустил туда Свисткова, и пошёл в красный уголок ожидать Родиона, оставив ключ в дверях. Коновалов не заставил себя ждать. Аким проводил его в кабинет, представил Свисткову, и, рационально используя время, отправился в столовую. Свою часть задания он выполнил, а остальное зависело от профессионализма вербовщика.

Зайдя в кабинет, Родион вежливо поздоровался, и быстрым взглядом окинул это небольшое помещение. Мебели не было. Справа возле стенки лежало перевёрнутое небольшое корыто для раствора, вёдра, штукатурные инструменты и мешок алебастра. Слева невысокие подмости из двух деревянных «козлов» с прибитыми к ним досками. На подмостях стояли две пятилитровых жестяных банки краски салатного казённого цвета, рулон бумаги, и ведёрко с уайтспиритом, в котором торчали малярные кисти. Было заметно, что одна банка с краской вскрыта, и жестяная крышка только прикрывает отверстие. На замызанном полу там и сям валялись куски срезанных электрических витых проводов. Свистков был человеком среднего роста с лицом типичного контрразведчика, то есть невыразительным, и плохо запоминающимся. Несмотря на жаркую погоду, он был одет в некое подобие кардигана из тонкой белой

материи явно импортного происхождения. Должно быть, из-за наличия внутренних карманов. Он достал оттуда удостоверение, и мельком показал его Родиону, но тот успел прочитать, и подумал, что с такой фамилией только в органах и служить. Он вежливо спросил:

– А как мне к вам обращаться?

– Просто товарищ Иванов.

Времени было мало, и Свистков до минимума сократил предисловие:

– Я знаю, что ты Коновалов серьёзно готовишься к будущей партийной работе, и самостоятельно изучаешь труды Ленина. Но это теория, которая без практики ничего не даст. Ты находишься в рабочей среде, видишь и слышишь настроение масс и отдельных людей. Но этого мало. Ты должен уметь вовремя разглядеть идеологически вредные действия, и вовремя дать сигнал кому следует. Это и будет твоя практика.

Родион понял, что его вербуют в доносчики, и ему сделалось тоскливо. Почему интерес к произведениям Ленина воспринимается некоторыми как готовность к доносительству? Почему самая обычная любознательность в этом случае трактуется как лицемерие или, что ещё хуже, как умственная ограниченность? Русский человек любит на досуге порассуждать о «высоких материях», особенно выпивши, но те, кто серьёзно интересуется этими «материями» считаются людьми странными, и чуть ли не юродивыми. Поэтому Родион не афишировал своего интереса к трудам классиков марксизма-ленинизма.

Этот интерес пробудил работавший с Родионом в одной бригаде Федя Пышечкин. Подобно большинству советских людей, Родион воспринимал коммунистическую пропаганду как пустой, но обязательный элемент общественной жизни. Пропаганда давно стала ритуалом, потому что и ораторы, произносившие словесные формулы, и те, кто их слушал, одинаково не верили в коммунизм. Диссиденты, критикующие коммунистическую идеологию, на самом деле воевали с призраком. Однако иногда встречались чудaki, искренне верившие в коммунистические идеалы. Одним из них был рядовой слесарь-сборщик Фёдор Пышечкин, единственный член партии в бригаде. Феде не было ещё и тридцати. Он был женат, и имел двух детей. Приземистый круглоголовый и ширококоротый Федя был типичным холериком, он заводился с полуборота, и в любой момент был готов перейти к рукопашной. Федя был слишком правильным для нашего мира человеком. Он не пил, не курил, и заочно учился на философском факультете университета. Большинству людей излишняя грамотность не даёт ничего хорошего, а только приносит вред. Изучая философию, Федя сделался ярым до фанатизма поклонником В. И. Ленина. В жёны ему попала застенчивая сельская девушка родом, как тогда фигурально выражались, из «Бычьего Хутора». Подавленная его учёностью, первое время она ходила перед ним на цирлах, и даже не пикнула, когда Федя назвал первенца Кампанеллой. Имя в бытовом общении оказалось страшно неудобным, и вскоре сам Федя вслед за женой стал звать ребёнка Колей. Жена его быстро освоилась в городе, осмелела, и когда Федя вознамерился дать новорождённой дочери имя Коммуна, она не стала разводить дискуссий, а просто двинула мужа чугунной сковородкой по физиономии, и девочка стала Валентиной.

Федя был не доносчиком, а бойцом, драться умел, и за анекдот про вожда запросто мог дать по морде. Любой разговор он переводил на политику, поэтому его все избегали. А кому захочется разговаривать с человеком, который употребляет слова «имманентный», «модальность», или «импликация»? Кроме того Федя в сердцах мог обозвать собеседника каким-нибудь Леви-Строссом, Дюрингом, или хуже того «Махистом». На партийных собраниях Федя вёл себя очень активно. Любой практический вопрос он переводил на теоретический уровень, и ленинскими цитатами загонял президиум в тупик. Мало того, отстаивая свою точку зрения, пару раз он даже подрался. За это его прорабатывали на бюро, лепили выговоры, но в милицию не сдавали, ведь это был не пьяный, а идеологический дебош.

С появлением в бригаде Родиона, в его лице Фёдор обрёл благодарного слушателя. Родион видел чрезмерную увлечённость собеседника политикой, но Федина эрудиция вызы-

вала уважение, и пробуждала интерес к Ленину. Сколько себя помнил, Родион со всех сторон только и слышал, что Ленин величайший гений всех времён и народов. Это утверждение сделалось настолько общим местом, что над ним мало кто задумывался, в том числе и Родион. После разговоров с Фёдором Родиону стало интересно, в чём же конкретно заключается гениальность вождя, и он прямо спросил об этом у философа заочника. Федя ответил несколько расплывчато. Он сказал, что масштаб гениальности Владимира Ильича раскрывается по мере изучения его творений. Сам он уже проштудировал одиннадцать томов полного собрания сочинений, но главное ещё впереди. Родиона одолело любопытство, и он, не желая светиться с такими книгами в общежитии, записался в читальный зал.

Родион не изучал Ленина. Он знакомился с его трудами методом дайджеста. Перелистывая страницы очередного тома, он не вникал в подробности, и задерживал внимание лишь на интересных статьях и примечаниях, попутно обогащая личный словарный запас. В подобного рода сочинениях примечания бывают интереснее самого текста. Он искал гениальные научные открытия В. И. Ленина, но ему всё время попадалась нудная публицистика начала века, анализ трудов прогрессивных мыслителей, а также критика инакомыслящих и консерваторов.

Владимир Ильич очень любил писать. Он насочинял столько, что на его письменном наследии кормится целый институт. Изучают они труды Ленина, скорее всего догматически, как исторический документ, или новую огромную, и противоречивую библию, ведь наука не стоит на месте, и за прошедшие десятилетия многие ленинские выводы просто-напросто устарели. Родион, в конце концов, пришёл к выводу, что Ленин действительно гений. Гений политической интриги. Не каждому политику достаётся такая слава за разрушенное государство и невыполненные обещания. У Родиона были подозрения, что икону из Ленина сделал Сталин. Этот тиран созидатель по части политической интриги был куда талантливее Ленина. Секретарь не самая престижная должность. По своей значимости он ниже бухгалтера, но выше курьера. Между тем именно товарищ Сталин изобрёл систему управления, в которой секретарь был главным. Сталин умер, но система осталась, и страной по-прежнему правила целая армия секретарей. И никому не приходило в голову, что это нелепо, и добром не кончится. Впрочем, Л. И. Брежневу однажды за границей намекнули, что в качестве секретаря он никто. Тогда он срочно отправил официального главу государства товарища Подгорного на пенсию, и взял себе его должность. Секретарям рангом пониже такие финты были ни к чему.

Вскоре Родион убедился, что в изучении трудов вождя избрал правильную стратегию, так как чрезмерное погружение в материал оказалось занятием рискованным, и даже опасным для здоровья. На этой почве у Федя поехала крыша, и он на месяц угодил в психдиспансер. Его выводили из ленинских цитат как алкоголика из запоя практически теми же лекарствами. Вернулся он на работу бледным и притихшим. С учёбой пришлось расстаться. Для разговоров о бабах он так и не созрел, но в беседах о футболе начал принимать участие.

Родиону и в голову не приходило, что его бескорыстный интерес к политической литературе обернётся таким неприятным для него следствием. Нужно было как-то выкручиваться из этой ситуации, причём так, чтобы исключить повторения раз и навсегда. А Свистков тем временем продолжал:

– Между прочим, о недавнем пожаре в цеху недавно передавал вражеский радиоголос. Это значит, что кто-то сообщил туда эту информацию. Мало того, есть люди готовые из ненависти к советской власти специально устроить пожар, или ещё какую-нибудь диверсию. Ты Коновалов случайно не знаешь людей с такими настроениями?

У Коновалова заблестели глаза, он приблизился к оперу, и тоном заговорщика спросил:

– Товарищ Иванов, значит, вы даёте мне задание найти поджигателей?

– Да, но аккуратно, без шума.

И тут совершенно неожиданно для Свисткова Родион обхватил правой рукой его за шею, и, проведя классический бросок через бедро, со всего размаха приложил спиной о пол. От

сильного удара у Свисткова спёрло дыхание, и на несколько секунд он утратил контроль над телом. Родион умело воспользовался этими секундами. Он перевернул вербовщика, упёрся в него коленом, и, завернув руки за спину, связал их валявшимся электрическим проводом. Затем подтащил Свисткова за шиворот к малярным подмостям, усадил его на полу, и ещё одним куском провода приторочил связанные руки к доскам этих подмостей. Свистков начал приходить в себя, издал носовой стонущий звук, и с трудом заговорил:

– Ты с ума сошёл?

– Это ты с ума сошёл диверсант, когда с моей помощью решил завод спалить. Не на того нарвался. Я за родной завод любому башку отобью.

– Щего ты несёшь?

– Что, уже на попятный? Ты же минуту назад подговаривал меня найти поджигателей, а потом сделать всё тихо, и аккуратно. Слово не воробей, теперь уже не выкрутишься.

– Не переинащивай! Я говорил в другом смысле.

– Мне эти смыслы ни к чему. Будешь рассказывать о них товарищам из КГБ.

– А я, по-твоему, откуда? Ты же видел удостоверение.

– Оно у тебя фальшивое. Откуда у шпионов настоящее возьмётся? На нём ты и проколотся. Ведь у тебя фамилия Иванов, а удостоверение на Свисткова выписано. Накладка вышла.

– Да это же служебный псевдоним!

– Как у вас у шпионов всё сложно – псевдонимы, явки.

– Какой на ... шпион?

– Какой, какой. Неважный из тебя шпион. Замаскироваться под советского человека не догадался, в буржуйских шмотках ходишь. Ты даже русский язык не выучил, как следует, всё пришепётываешь, и вместо «чего» говоришь «щего».

– Это я при падении язык прикусил. Не дури Коновалов! Если сейчас меня не развяжешь, знаешь, что тебе будет?

– Знаю. Медаль дадут.

– Хороших п...лей тебе дадут пень деревенский, а не медаль!

Коновалов слегка наклонился к Свисткову, и, пристально глядя на него, сказал:

– Время покажет кто из нас пень. Я с тобой вежливо обращаюсь, потому что не сотрудник КГБ, и не знаю их правил. В фильмах тоже не показывают, как они действуют: сразу на месте зубы выбивают, или потом в кабинете на допросе это делают. Но если ты будешь обзывать, то я избавлю ребят из «конторы» от хлопот с твоими зубами. Сейчас я пойду звонить, чтобы тебя забрали, а ты сиди тихо и не рыпайся, это опасно для здоровья. Крики не помогут, сейчас обед, в коридоре никого, а стены здесь толстые.

От бесстрастного, и в то же время зловещего тона этих слов Свистков пришёл в беспокойство. Он вдруг понял, что этот сын колхозных полей не притворяется. Коновалов в самом деле считает его диверсантом, и лучше его не раздражать. Свистков обеспокоенно спросил:

– Куда ты собрался звонить?

– Известно куда. В милицию. Да ты не переживай. Я слышал, что КГБ они уважают, и работают с ними согласованно. Я про это в книгах читал. Приедут, сделают обыск, и как только найдут в твоих карманах антисоветские материалы, так сразу же и передадут тебя куда положено.

– погоди Коновалов. Не звони в милицию, я тебе сейчас дам телефонный номер КГБ.

Свистков назвал шестизначное число. Коновалов усмехнулся, и сказал:

– Врёшь, наверное, империалистическая морда. Надеешься сбежать, пока я буду звонить неведомо куда. Не надейся, не сбежишь.

Родион вышел из кабинета, запер дверь на ключ, и быстрым шагом направился к проходной. Там в вестибюле на стене висел обычный городской телефон. Народу было мало, и суровая вахтёрша выпустила его на минутку для важного разговора по этому телефону.

На память Родион не жаловался. Он набрал телефонный номер, который продиктовал Свистков, и услышал чёткий баритон – «Суворов у аппарата». Родион тут же повесил трубку. Он понимал, что связался с могущественной организацией, которая могла легко его размазать, и чтобы подстраховаться свидетелями, принялся звонить в милицию.

Родион назвал себя, место работы, цех, участок, а затем без передышки доложил о задержании империалистического диверсанта Свисткова по кличке Иванов, который хотел спалить завод. В данный момент шпион зафиксирован в кабинете комсорга цеха.

Повесив трубку, Родион посмотрел на вахтершу и решил, что заводская охрана тоже сгодится. Он подошёл к солидной женщине в синей форме и сказал:

– Тётъ, до милиции дозвонился, а они почему-то медленно реагируют.

– А в чём дело?

Зная, что на «шпиона» эти здравомыслящие люди не клонут, Родион пояснил:

– Там в кабинете комсомольском один тип хулиганит. Похоже, что пьяный.

– Чего сразу нам не сказал? Надо будет, мы сами патруль вызовем. Где это?

Родион дал ей координаты, и отправился обедать. Голодный желудок на время заслонил все проблемы. Подходя к заводской столовой, он столкнулся с Акимом. Ласкирёв спросил:

– Что, уже? Всё нормально?

– Да. Хорошо, что я тебя встретил. Теперь наверх идти не нужно. Кабинет я запер, возьми свой ключ. Сейчас туда уже, наверное, маляры пришли, ждут.

– Ничего страшного, у них запасной ключ имеется.

Коновалов отправился утолять голод, а Ласкирёв поднялся в красный уголок, взял приготовленные бумаги, и пошёл с ними в заводоуправление. Проходя мимо своего кабинета, он услышал какой-то стук, но подумал, что это работают малярши, и проследовал дальше.

Свисткова душила злость. Более глупое положение трудно было вообразить. Время шло, но никто не приходил. Иногда слышались шаги в коридоре, но он не обзывался. Горланить «Караул» было как-то не к месту, да и лишние свидетели были ни к чему. Боли в ушибленном теле притихли, пальцы на руках шевелились, и Свистков решил для начала отвязаться от подмостей. Для этого нужно было из неудобной позы встать на ноги. Однако сделать это оказалось не так-то просто. Привязь, сделанная бывшим шорником, сильно ограничивала манёвр. Свистков поджал одну ногу, приподнялся, и встал на одно колено. Но при попытке развернуться, он стукнулся головой о доску, нога скользнула по полу, Свистков дёрнулся вслед за ней, и этим движением завалил на себя подмости, которые больно ударили его по спине. Вдобавок он приложился лицом о грязный пол. Нос не разбил, но физиономию вымазал. Именно эти звуки слышал уходящий Ласкирёв. Но всё это были мелочи по сравнению с тем, что на него упала открытая банка с краской, и он оказался в центре воняющей уайтспиритом лужицы салатного цвета. В попытках избавиться от упавших подмостей, он ещё больше вымазался в краске, и теперь его стало трудно узнать. Импортные вещи оставалось только выбросить на помойку.

Коновалову хотелось посмотреть на дальнейшие события, но едва он покушал, как перерыв закончился, и нужно было идти на участок крутить гайки. Подходя к цеху, Родион заметил вывернувшийся из-за угла милицейский бобик, и понял, что всё идёт как надо, лишь бы кто-нибудь не освободил Свисткова раньше времени. Маячить на глазах у прибывших блюстителей не стоило, и он заторопился на рабочее место. Всё-таки Родион нервничал. Саня это заметил, и предложил ему сигарету, которую он машинально закурил, чего обычно не делал. Родион знал, что за ним обязательно придут.

Между тем события наверху развивались немного иначе, чем предполагал Коновалов. Он выпустил из виду звено маляров. Когда эти женщины зашли в кабинет, то при виде странного человека, учинившего разгром, застыли от удивления на пороге. Раздражённый Свистков приказным тоном рявкнул, чтобы они немедленно его освободили. Женщины подошли, и начали поднимать козлы, но, заметив, что мужчина к ним привязан, испугались, и поло-

жили всё обратно. Всякие непонятные ситуации легче всего объясняются состоянием опьянения. Полная малярша сказала худенькой: – «Подруга, да он пьяный! Развяжем, а он на нас бросится. Надо сообщить в милицию. Целую банку краски разлил, скотина». Свистков усугубил своё положение тем, что обозвал женщин суками, и обещал им всякие неприятности. Малярши были привычны к пьяным выходкам мужиков, и ответили ему в том же стиле. Выходя из кабинета, они столкнулись с двумя вохровцами прибывшими по сигналу Коновалова. Вахтеры посмотрели на зелёного матерящегося человека, решили, что здесь какой-то криминал, и уже хотели вызвать милицию, но в этот момент прибыл вызванный Родионом наряд. Зелёного человека развязали, поставили на ноги, и после проверки документов увезли в отделение. История выглядела странно, но все, кто видел измазанного в краске Свисткова, пришли к выводу, что это был просто пьяный дебошир. Но кое-кто знал, что Родион замешан в этом деле.

За Родионом пришли часа через полтора. Оба сотрудника КГБ выглядели молодцевато. Им было слегка за тридцать. Они показали документы мастеру Анатолию Ивановичу, и предложили Коновалову пройти с ними для беседы. Никуда они его не повезли, а поднявшись наверх, устроились в небольшом кабинете начальника отдела кадров, который деликатно испарился. Оперативники работали по правилам. Один из них устался на Родиона тяжёлым неподвижным взглядом, и вёл в допросе основную партию. Родион про себя обозвал его Суровым. Второй старательно изображал простецкого парня, а в беседе участвовал в основном хмыканьем и саркастическими смешками. Родион дал ему кличку Весельчак. На вопросы Родион отвечал охотно, а лицо его выражало удовольствие от допроса. Но узнав, что Свистков не шпион, огорчился, и с досадой сказал:

– Эх, не повезло! Я всегда мечтал шпиона поймать, в детстве все рассказы о Карацупе прочитал. Я-то думал, что вы меня позвали благодарность объявить, а оно вон как. Я понимаю, что задержание товарища Свисткова на медаль не тянет, но я и почётной грамоте был бы рад. У меня их всего две, да и то со школьных времён.

– За шпионов?

– Нет. Какие в станице шпионы? В одной грамоте сказано, что я образцовый пионер тимуровец, а другую я получил уже в комсомоле за борьбу с пожарами.

– Кого-то из огня вытащил?

– Нет, за профилактику. Золотое было времечко. Я тогда этим занимался вместе с товарищем Худяковым. Вернее под его руководством.

– Пожарным инспектором Худяковым?

– О! Вы тоже его знаете? Выдающийся человек! Он для меня во всём пример. Жаль, что его быстро от нас перевели, а без него мой кружок сразу закрыли. Не успели мы до конца район на ноги поставить.

– Или на уши?

– Понимаю. Ирония. А между тем за три месяца нашей деятельности число пожаров снизилось на ноль шесть процента. И вот так всегда: делаешь людям добро, а они недовольны, да ещё и обзываются. Но были и понимающие люди. Тогдашний секретарь комсомола отнёсся ко мне объективно. Мы накануне райком комсомола оштрафовали, так он вызвал меня и давай ругать за это, а потом выдал мне грамоту, хоть и через силу.

– Почему?

– Потому что я всё делал строго по Уставу. С другой стороны ему деваться было некуда, потому что про меня с Худяковым газеты печатали, и даже в «Правде» была заметка.

После этих слов сотрудники переглянулись, Весельчак подался вперёд, убрал с лица ухмылку, и спросил:

– А с чего ты решил, что товарищ Свистков шпион?

– Так он с самого начала повёл себя как вылитый шпион. Одет в заграничное барахло, по-русски плохо разговаривает, пришепётывает и глазами прядает по сторонам прямо как в

кино. Настоящий Пинкертон, только без шляпы. Ходит вокруг да около, намёки делает на радиоголоса и корреспондентов империализма. А я бдительность не утратил, до сих пор не забыл «Коричневую пуговку». Там по одной пуговице шпиона разоблачили, а на товарище Свисткове таких шпионских меток не сосчитать. Или он всё-таки Иванов?

– Не имеет значения. Продолжай.

– А потом он на часы поглядел, и даёт мне задание найти поджигателей. Прямо так и бухнул. Это мне-то, принципиальному борцу с пожарами. Я ушам своим не поверил, и переспросил, а он отвечает, что, да, только тихо и аккуратно. После этого все сомнения отпали, и я начал действовать. Связал его ...

– Как ты его связал?

– Легко. Я тогда ещё подумал, что если бы на его месте был настоящий сотрудник КГБ, то мне пришлось бы повозиться. Но если честно, то я его врасплох захватил, и пошёл звонить.

– А потом?

– Его должно быть маляры обнаружили. Я в суматохе про них забыл. Кинулся искать товарища Ласкирёва, чтобы рассказать, а когда его встретил, то мне в голову пришло, что он может оказаться сообщником, и я промолчал. Расскажешь, а он испугается и сбежит. Думаю, приедут спецы, и разберутся во всём. Так оно и вышло.

Бывший весельчак спросил:

– Я слышал, что ты Ленина изучаешь?

– Да. Сейчас восьмой том в памяти освежаю. Там знаменитая работа Владимира Ильича «Шаг вперёд, два шага назад». Рассказать? Только я наизусть всю её не помню.

– Не надо. Ты поступать куда-то собрался?

Родион смущённо опустил глаза, и потёр рукой шею:

– Откровенно говоря, была у меня мечта. Когда я в детстве увидел кино «Подвиг разведчика», то захотел стать чекистом. А без знания трудов Ленина в наши органы безопасности нечего и соваться. Вы-то, должно быть, знаете их назубок. Я, конечно, сегодня опростоволохился, но ведь по неопытности. Может всё-таки замолвите там наверху за меня словечко?

Слово взял Суровый:

– Замолвим, не сомневайся, но результат не гарантирован. Ты кому-нибудь про сегодняшние события рассказывал?

– Да вы что? Никому ни слова. Я же себе не враг.

– Правильно понимаешь. Учти Коновалов, за длинный язык получишь длинные неприятности. Ты кто по специальности?

– В данный момент слесарь.

– Каждый должен заниматься своим делом. Давай на будущее договоримся, что ты будешь крутить свои гайки, а шпионов будут ловить профессионалы. На этот раз твоя выходка сойдёт тебе с рук, потому что ..., впрочем, неважно почему, но если ты ещё раз устроишь такой скандал, даром он тебе не пройдёт. КГБ организация серьёзная. Тебе всё ясно?

– Да, но если ...

– Если ты нам понадобишься, то мы тебя сами найдём. Досвидания.

Родион вернулся на свой участок. Анатолий Иванович был встревожен, но Родион успокоил его, сказав, что вызывали по ошибке. То же самое он сказал приятелям. Саня смотрел недоверчиво, а Миша посоветовал быть осторожнее с контриками, мол, они страшнее мусоров.

На следующий день Суровый и Весельчак сидели в кабинете своего начальника майора Гудкова, и обсуждали с ним личность Коновалова. Комментировал Весельчак:

– С виду парень нормальный, а порет чушь про «Коричневую пуговку», и всё прочее. Явный шпиономан. Сперва я думал, что он морочит нам голову, как попавший в контрразведку Буба из Одессы в фильме «Неуловимые мстители», но оказалось, что он такой и есть. Я сделал

пару звонков, и мне про него рассказали. Очень интересная у парня характеристика. В общем, это Худяков номер два, но в более тупом исполнении. Не зря они так ладили в своё время.

Суровый продолжил:

– Я тоже думал, что он притворяется, но после разговора с милицией, засомневался в этом. Оказывается, в сто седьмом отделении Коновалов знают. С первого раза запомнили. По какой-то своей надобности Коновалов забрался вечером на пожарную лестницу пятиэтажки. Жильцы его увидели, подумали, что вор, и кто-то позвонил в милицию. Отделение было недалеко, и два милиционера пришли на место пешком. Освещение плохое, но они увидели нарушителя высоко на лестнице, и приказали ему спуститься вниз. Коновалов беспрекословно подчинился. Подробностей я не знаю, но пока он спускался, какая-то чокнутая баба цветочным горшком с высоты зашибла милиционера. Когда этот деятель прыгнул с лестницы, то оказалось, что у одного милиционера был перелом ключицы, а у другого сильно повреждена нога. И, что вы думаете? Коновалов того с ключицей поставил на ноги, а того с ногой взвалил на плечи, и приволок в отделение. Дежурный от такого задержания был просто в шоке. Быстро выяснилось, что Коновалов не вор, и его отпустили, но дело не в этом. По большому счёту Коновалов совершил доброе дело, но ведь он был не обычным прохожим, а подозреваемым в преступлении, а значит, его поведение выглядело нелогично и глупо. На его месте любой советский человек, как преступник, так и невиновный, дал бы дёру.

Майор подвёл итог:

– Да, случай в милиции впечатляет. Не дай бог, если такой кадр к нам на службу попадёт. Или вступит в партию. Инициативный дурак в своих рядах страшнее врага. Хуже его только начитанный и чересчур бдительный дурак. Свисткову наука будет. Он видел, что юноша «с приветом», но размера этого «привета» не оценил. Этого «ленинца» следует всячески избегать в будущем. Давайте сюда этого комсомольского активиста.

Бледный Ласкирёв ожидал в коридоре. Когда его пригласили в кабинет, он почувствовал некоторую внутреннюю дрожь. Майор предложил ему сесть, заглянул в бумажку, и сказал:

– Аким Яковлевич слушайте внимательно. Вместо товарища Свисткова с вами на связь выйдет другой сотрудник. Он сам вас найдёт. Теперь, что касается Родиона Коновалова. Вы не должны ему давать никаких поручений и втягивать в общественную жизнь. А самое лучшее, не приближайтесь к нему ближе десяти метров. Всё, свободны. Досвидания.

На этом шпионская история и закончилась. Через несколько дней перед работой в раздевалке Саня в присутствии Миши устроил Родиону допрос:

– Давай колись! Что ты сделал Ласкирёву? Чем ты его напугал?

– С чего вы взяли?

– Не придуривайся! Уже все заметили, что он тебя боится, да так, что наш участок десятой дорогой обходит. Я вчера его на проходной встретил, и спросил в чём дело, так он как олень боком сиганул, и разговаривать не стал.

– Да вы сами подумайте, ну чем таким я могу его напугать? Да и нужды в этом нет. Человек он, конечно, нехороший, но это же не повод. Если он так сильно нервничает, то, скорее всего, его напугал кто-то по-настоящему страшный.

– Возможно, ты и прав, но без тебя тут не обошлось, хоть тресни. Ведь не нас же оперативники таскали на допрос, пусть и ошибочный. Не простой ты человек Родион.

После этого случая карьера у Ласкирёва пошла как-то не так, замедлилась, и начала петлять. В высшую партийную школу он так и не попал, должно быть подгадил злодей Свистков. Как только Ласкирёв сделался членом партии, его перевели работать в заводскую многотиражку. Там он не прижился, и проработал всего три месяца, но, благодаря тому же Коновалову, проявил себя в качестве журналиста. Его статья понравилась будущему тестю, и он, наконец, дал добро на свадьбу с Люсей. А уж после свадьбы он получил должность в заводоуправлении, и в дальнейшем укоренился в системе профсоюзов.

А Федя Пышечкин кончил плохо. Он не мог жить без политики, и через некоторое время стал диссидентом. Причём не банальным антисоветчиком, а диссидентом особого рода – «Подпольным комсомольцем». Сейчас про такую экзотику даже в интернете упоминаний не найти, но в своё время такие группы были, хотя и очень редко. Они состояли из молодых ортодоксов коммунизма. Эти ребята не признавали официальную политику партии, видя в ней отход от ленинских принципов, а себя называли борцами за чистоту ленинских идей. Как на эту группу вышел Федя неизвестно, возможно познакомился с кем-нибудь из них ещё в психдиспансере. Но, тем не менее, взгляды «подпольщиков» пришлись Феде по душе, и сам он там пришёлся ко двору. Борцы они были неумелые, и вскоре их всех скопом арестовали. Федю по-тихому исключили из партии за ультралевый уклон, и снова отправили в психушку, где он окончательно свихнулся, и остался там навсегда. Возможно из-за интенсивного лечения, но вероятнее всего у него с самого начала были проблемы с головой.

Глава VII. Костюм

Дядя Коля, подобно бабушке Фросе, учёность не жаловал, а чтение книжек считал пустым занятием. Бывало, он говорил:

– Ну чего ты Родька в книжки пялишься? Глянь, какая погода! Такие девушки ходят, что пальчики оближешь, а ты как монах в четырёх стенах засел. Книжки на пенсии будем читать.

Родион ему говорил, что девушка у него есть, но он встречается с ней только вечерами. А дружить сразу с несколькими, как это делали некоторые Дон Жуаны, вроде Виталика Горшкова из тридцать восьмой комнаты, он не хотел.

С этой девушкой Родион познакомился в нарсуде, куда его вызвали свидетелем по делу метательницы цветочного горшка. В ожидании начала процесса он примостился в коридоре на скамейку рядом с худенькой шатенкой примерно одного с ним возраста. Девушка заговорила первая, и они познакомились. Её тоже звали Таней. Это после Родион начнёт их избегать, а в ту пору он ещё не придавал значения этому имени. Как-то так получалось, что все девушки по имени Таня, которые встречались ему на жизненном пути, оказывались преданными папиными дочками, и это обстоятельство тем или иным образом приводило к разрыву отношений.

Не вдаваясь в подробности, он в двух словах объяснил, что является свидетелем того, как гражданка покалечила милиционера цветочным горшком. Таня пришла в восторг от поступка этой гражданки, что сильно его удивило. Но из её дальнейшего рассказа всё стало ясно.

Танин отец на дух не переносил милиционеров, и желал им всяческих несчастий. Таня всегда была на стороне отца, и разделяла его взгляды на жизнь. А в отношении милиции у них наблюдалось полное единомыслие. Началось это два года назад, когда Танина мать бросила семью, и ушла жить к милиционеру. Танин отец работал на крупной нефтебазе главным бухгалтером, но, несмотря на его высокую должность, капитан из особо ненавистой службы ОБХСС увёл у него жену. Недобрые чувства отец с дочерью перенесли с капитана на всех людей в милицейской форме. Эти два года Танин папа не давал бывшей жене развода из вредности, но недавно она сообщила ему, что беременна, и если он не даст согласия на развод, то она будет вынуждена записать его отцом будущего ребёнка. Время шуток закончилось, и Танин отец срочно организовал бракоразводный процесс, который в данный момент и происходил в судебном зале. Таня не хотела видеть мать предательницу, и ждала результата в коридоре. Суд был недолгим, и вскоре из зала вышла стройная женщина в сопровождении капитана милиции. Не глядя по сторонам, они прошествовали на выход. Таня презрительно скривилась. Затем появился её отец. Ему было около сорока лет, но солидная полнота и массивная оправа очков делали его старше. Таня вскочила с места, и рассказала отцу, что сейчас будут судить выдающуюся женщину, которая при всяком удобном случае глушит милиционеров цветочными горшками. Отца восхитили такие высокие душевные порывы этой буфетчицы, и он решил остаться посмотреть на героиню. Татьяна куда-то торопилась. Она дала Родиону свой телефон и быстро ушла.

Судья была полной женщиной лет сорока. Было заметно, что она сочувственно относится к подсудимой буфетчице, одинокой женщине своих лет. Возможно из женской солидарности. После вызова судья задала Родиону всего один вопрос, видел ли он, как подсудимая бросала горшок. Родион честно ответил, что не видел, и его тут же отправили на место. У него было, что сказать по этому поводу, но судья оборвала речь на полуслове, и строго ему приказала молчать. Он был ей неинтересен. Обвинитель задал Коновалову несколько уточняющих вопросов, но его ответы были проигнорированы. В конце концов, буфетчицу обвинили по статье за непредумышленное нанесение вреда здоровью, и, к досаде милиционеров, ей дали год условно с выплатой какого-то денежного возмещения. Танин отец заплодировал.

Забегая вперёд, надо сказать, что после суда он познакомился с этой буфетчицей, и в скором времени они поженились. Она забросит буфетное дело, и начнёт работать кассиром нефтебазы. По этому поводу Родион сказал:

– Вот вам и точка бифуркации! Кто бы мог подумать, что какой-то ничтожный плевок в окно породит такую сложную цепь следствий. Ведь если бы не он, то эти люди вообще никогда в своей жизни не встретились бы.

А вечером он позвонил Тане, и они начали встречаться. По большому счёту Таня красавицей не была. Даже хорошенькой её было не назвать, но ведь она была городской девушкой, ухоженной и приодетой. В её уверенных движениях, иронично изогнутой брови, разговорных интонациях и прочих манерах присутствовал кураж, свойственный потомственной горожанке. Рядом с нею Коновалов просто-напросто робел. Причина была в его более чем скромной одежде. Именно поэтому он старался встречаться с ней вечерами, потому что днём рядом с Таней выглядел голодранцем. Родион не водил её на пляж, потому что у него не было приличных плавков, а купаться в семейных трусах он стеснялся. На ту пору Коновалов ещё не разузнал про места, где можно было купить хорошие вещи. А в обычных магазинах никаких плавков не продавалось вообще. Однажды в главном универмаге он попал на крючок одной мошеннице. Восточного типа женщина прикинулась спекулянткой, работающей в этом же магазине, и приторговывавшей импортом с рук. Вряд ли Родион клюнул бы на что-то другое, но когда услышал от неё слово «плавки», то утратил здравый смысл, и пошёл вслед за тёткой в укромное место возле лестницы на второй этаж. По шпионски озираясь, лукавая торговка открыла сумку, и показала Родиону красиво упакованные в целлофан изделия. Плавки были из чёрного материала с разноцветным пояском. Внешне пакеты выглядели очень стильно. Родиона смутила непомерная цена – пятнадцать рублей, но женщина сказала, как отрезала:

– А ты, что думал? Это же импорт! Японский поролон!

Родиону показалось странным использование поролона в качестве материала для плавков, но ему так хотелось их купить, что он силой воли отнёс всякого рода сомнения, и приобрёл вожделенный предмет. В конце концов, поролон был не абы каким, а японским. Родион отложил все дела, завернул приобретение в газету, и отправился домой примерять обновку. Там его ожидало великое разочарование. Плавки оказались сшиты домашним способом из обрезков простой майки чёрного цвета размером на пятилетнего ребёнка. Над Родионом потешались дня три, и ещё долго звали «Японским Поролоном». Не смеялся один Горшок, то есть Виталик Горшков из комнаты Жоры Хана. Он вообще редко улыбался. На следующий день он познакомил Родиона с двумя настоящими спекулянтами, которые включили его в число своих клиентов. Переплату за товары они брали вполне терпимую. С той поры Родион подружился с Горшком. А этот случай стал ему уроком, и больше на таких делах он не попадался.

При всём этом Таню Родионова одежда несколько не смущала. Да, одет юноша простенько и без шика. Но рубашка у него всегда чистенькая, брюки наглажены, а туфли начищены. Таня замечала его робость, и подбадривала словами: – «Главное, что ты не милиционер». Она часто злилась на Родиона за его нерешительность, но время работало на неё.

И вот настал великий день. Родион скопил денег, и заказал первый в своей жизни костюм в ателье второго разряда. Хотел в первом разряде, но мудрый дядя Коля отсоветовал:

– Первый разряд уже на высоте, им стараться нет нужды, и поэтому могут сшить абы как. А второразрядники ещё только лезут наверх, им репутация нужна, а поэтому сошьют хорошо.

Готовый костюм стоил значительно дешевле, но швейные фабрики почему-то не любили длинноногих парней выше среднего роста, поэтому магазины были забиты швейными изделиями для невысоких толстячков. По этой причине, несмотря на пропорциональное сложение, Родион долгие годы был вынужден шить себе брюки в ателье.

Костюм строгого покроя с некоторыми модными деталями получился на славу. Родион сразу почувствовал себя в нём человеком, и обрёл уверенность. Однако с появлением костюма

начались связанные с ним всякого рода неприятности. А если быть точным, то они начались от одного только упоминания о нём. Но пусть об этом рассказывает сам Родион.

* * *

Я давно мечтал предстать перед Таней в приличном виде, и приступить к штурму, но не сбылось. Мы с ней как-то по-дурацки расстались. Другого слова трудно подобрать. В тот вечер пошли мы на танцы в Парк Островского. По дороге туда я сказал Тане, что её ждёт сюрприз, имея в виду мой костюм. Таня заявила, что сюрпризов не любит, и уже во время танца я намекнул ей, что скоро она увидит меня в новой одежде.

Тут у меня возникла деликатная проблема, то есть захотелось по малому в туалет. Я сказал Тане, что ненадолго отлучусь, и попросил её обождать, надеясь, что она догадается, в чём дело. Я с ней был ещё не на таком уровне общения, чтобы выражаться прямым текстом. Туалет был далеко, а вокруг темно, ну, и кусты. Я в них и завернул для экономии времени, да и поджимало крепко. А в этих кустах милиционер с фонариком сидел в засаде. Он ловил таких как я, и штрафовал на месте без квитанции. Во время процесса не убежишь, вот я ему и попался. Оказывать сопротивление и поднимать шум я не стал. Штраф в пятьдесят копеек того не стоил. Проще было заплатить, но как на грех у меня была только целая пятёрка. Стали в тупик. Ситуация была какой-то неестественной, но я тут же сообразил, что это милиционер по призыву, а не кадровый сотрудник, те ведут себя иначе.

В СССР не было безработицы, а за учёбу государство ещё и приплачивало. У молодёжи имелся богатый выбор будущих профессий, но служить в милиции охотников было немного. В народе эта профессия никогда не считалась престижной. Несмотря на героические книги и фильмы о доблестной милиции, её представителей боялись, иногда уважали, но никогда не любили. Дядя Стёпа-милиционер это одно, а реальный участковый, следователь, или сотрудник ГАИ, это совсем другое. К тому же в шестидесятые нижним чинам платили очень мало. На селе это сказывалось меньше, а в больших городах по этой причине возникла острая нехватка рядового состава милиции. Эту проблему решили в чисто большевистском стиле, не признающем научного анализа явлений. Вся его суть заключена в двух словах: – «Царь приказал». Поэтому вместо того, чтобы поднять оклады, и сделать службу более привлекательной, была введена срочная служба в милиции. То есть военкомат мог отправить призывника служить два-три года не только в армию или флот, но и в милицию. Вот на такого солдата в милицейской форме я и нарвался. Впрочем, к семидесятому году эту практику отменили.

Парня звали Игорем. Пятьдесят копеек стоили двести пятьдесят грамм вина, и стало ясно куда уходили «штрафы», поэтому я предложил стражу кустов просто угоститься за мой счёт стаканом портвейна в расположенной неподалёку «шайбе». Так назывались распивочные круглой формы. Игорь согласился, и по дороге даже пожаловался, что все его друзья попали в настоящую армию, а ему после дембеля про свою службу и рассказывать будет неудобно. Но до «шайбы» мы не дошли. Увидев кого-то на летней танцплощадке, Игорь остановился, повернулся ко мне, и говорит:

– Слушай! Я вижу, парень ты нормальный. Никакого штрафа не надо. Лучше выручи меня по-другому! Это займёт минут десять, не больше.

И он предлагает мне фантастический план. Месяц назад Игорь влюбился в красивую девушку. Он узнал, где она живёт, вычислил её маршруты, но не знает, как

с ней познакомиться. Всё дело в форме, ведь она может отпугнуть девушку, а личной гражданской одежды у него нет. Сейчас он увидел её с подружкой на танцплощадке, но милиционеру во время дежурства танцевать запрещено, а просто так к ней подойти нет повода. Игорь не хотел упустить момент, и попросил меня поменяться с ним одеждой. Мол, за эти десять минут, он пригласит её на танец, познакомится, и назначит свидание, а потом мы переоденемся обратно. Повторяю, настоящему милиционеру такая идиотская идея просто не пришла бы в голову. На моём месте любой послал бы этого Игоря подальше, но я посочувствовал парню, и согласился. Ведь как ни крути, а в какой-то мере он был моим товарищем по несчастью, поскольку тоже комплексовал из-за одежды. В полутёмном месте за эстрадой мы быстро переоделись. Проблем с одеждой не возникло, мы были примерно одинакового сложения. Игорь сказал: – «Ты здесь помаячь, вроде это я. Вечером не разберёшь, а я быстро», и убежал.

Я стал нервно топтаться в дальнем конце за оградой танцплощадки. Было не по себе. А когда я повернулся в сторону танцующих, то похолодел. Сквозь железную ограду на меня выпучил глаза Ласкирёв, державший библиотечаршу Люсю за руку. Та смотрела на меня тоже удивлённо. Аким сделал движение кадыком, и, запинаясь, спросил:

– Родион, ты ..., вы, это, почему?

Я не знал, что говорить, и на всякий случай важно произнёс:

– Так нужно!

Я начал перемещаться от него вдоль ограды, но Ласкирёв как намагниченный двигался за мной со стороны танцплощадки. Тут сзади раздался голос:

– Товарищ милиционер, вы не видели здесь парня в сиреневой тенниске?

Голос показался знакомым, я обернулся, и застыл на месте. Это была Таня. Встревоженная моим подозрительно долгим отсутствием, она бросилась на поиски. Узнала она меня сразу, после чего мгновенно пришла в ярость, и неприятным визгливым голосом завопила:

– Так вот он какой, твой сюрприз в одежде! Я дура! Считала тебя простым и открытым, а ты оказался с двойным дном! Забудь меня негодяй!

И, не дав мне сказать что-либо в оправдание, ушла. Навсегда. Ласкирёв слушал это, изумлённо раскрыв рот. Громкие вопли привлекают зевак, и несколько человек стали глазеть на меня из-за ограды. Но в это время на другом конце танцплощадки случился дебош, что было явлением частым, и всё внимание переключилось туда. Прибыл наряд, похватал драчунов, а заодно и тех, кто стоял рядом. Я всё ждал, и, наконец, понял, что никто не придет. У меня возникло подозрение, которое потом подтвердилось, что Игорь попался под руку, и его, не разбираясь, замели с остальными. Пришлось в таком виде идти домой.

Но, что оставалось делать? Не идти же по городу в одних трусах. На улице было нормально, но когда я зашёл в общежитие .... Вахтёрша тётя Нина от изумления зажмурилась, и потрясла головой. А в комнате вообще случилась немая сцена из «Ревизора». И если бы не форма, то в мою историю никто бы не поверил.

Но всё это было ерундой по сравнению с утратой пропуска. Он был надёжным удостоверением личности, и подобно многим, я постоянно таскал пропуск с собою, что иногда выручало.

Переодеваясь с Игорем, я инстинктивно забрал из кармана пятёрку, а о пропуске не позаботился, и теперь он был неведомо где. Совершенно аналогично поступил Игорь, потому что я обнаружил в его кармане документы. Надо думать, его

положение было много хуже, чем у меня, но и мне утеря пропуска не сулила ничего хорошего. Нужно было срочно найти Игоря.

Ранним утром, пока все спали, я завернул в газету милицейскую форму, и отправился искать её хозяина. По дороге мне встретился мастер Анатолий Иванович, и спросил:

– Ты куда? Проходная в обратном направлении.

Встреча показалась мне очень кстати, и я ответил:

– Мне нужно в милицию заскочить, поэтому, возможно, я сегодня немного опоздаю.

– Зачем?

– Пропуск забрать. Он случайно туда попал.

В этот момент газета слегка надорвалась, и в прореху вылез милицейский погон. Анатолий Иванович удивлённо поднял брови, но я обещал рассказать обо всём позже, и быстрым шагом отправился дальше. Подойдя к отделению милиции, я расположился недалеко от парадного входа, и стал ждать. Минут через пять из помещения вышел молодой плотный сержант, осмотрелся по сторонам, зевнул, и закурил сигарету. Я окликнул его, и приблизился. Услышав, что я ищу милиционера Игоря, он цыкнул на меня, и велел подойти к воротам за углом здания. Когда я подошёл туда, он уже ждал меня там, и, приоткрыв створку ворот, затащил в милицейский двор. Узнав, что я принёс форму и документы, он вздохнул с облегчением, и сказал, что таких ослов, как мы с Игорем, надо поискать, и, что я пришёл вовремя. Оказывается, у милиционеров существует корпоративная взаимовыручка, а в данном случае сержант переживал за Игоря ещё и по той причине, что они были земляками с кучей общих знакомых.

Дебош на танцах организовал Игорь. Зайдя на танцплощадку, он увидел, что к его девушке пристаёт какой-то длинноволосый пьяный хлыщ. Она не хочет с ним танцевать, отбивается, но он не отстаёт, и, хватая её за руку, пытается силой навязать девушке свое общество. Игорь, не раздумывая, заступился за девушку, и сцепился с волосатым. У того оказались дружки, но Игорь их не испугался, и завязалась общая драка. Игорь оказался хорошим бойцом, и подпортил физиономии неприятелям, но ему тоже разбили нос. Тут налетели дружинники, и прибыл наряд. Кого-то задержали, кто-то смылся, но Игорю сбежать не удалось, его схватили за руки двое дружинников, и вскоре он очутился в «обезьяннике». С измазанным в крови лицом его никто не узнал. При обыске изъяли мой пропуск, и этого Игоря зарегистрировали под моим именем. Но это инкогнито могло раскрыться в любой момент, поэтому нужно было как можно скорее поменять нас местами.

Мне казалось, что обменять форму на мои вещи и пропуск дело нехитрое, но эта задача решалась не так просто. Сержант в двух словах растолковал мне, что пропуск можно будет получить только после распоряжения начальника милиции, прибывающего на работу к девяти утра. Кроме того, если я не подменю Игоря в обезьяннике, то рискую угодить под суд, так как за неправомерное ношение милицейской формы и пользование документами имеется статья. Дело было нешуточным, и я согласился. Сержант отвёл меня в какую-то кладовку с метлами, вёдрами и лопатами, и велел там ждать. Как это часто делалось, сержант выбрал арестанта для подметания двора. Выбрал он, естественно, Игоря, и вскоре привёл его в кладовку. Мы лихорадочно переоделись. Я натянул тенниску и брюки прямо на свою одежду. Игорь умылся под краном, с чувством пожал мне руку, и исчез за воротами. А я, в качестве подставного арестанта, взял метлу, и начал подметать двор. Сержант меня утешил:

– Ты Коновалов не переживай, могло быть хуже. Телега на производство к тебе придёт, тут ничего не поделаешь, а от штрафа я тебя отмажу.

Затем отвёл меня в камеру задержанных. Когда я проходил мимо дежурного, он сказал:

– Во! Умылся, и человеком стал. А то ведь на свою фотографию был не похож.

Другие задержанные маялись в полудрёме, и на меня внимания не обратили. Но через полчаса ко мне подошёл длинноволосый парень, и спросил:

– Слышь, а это точно ты?

– Я, это я, точнее не бывает. А в чём дело?

– Так ведь по всему выходит, что вчера на танцах я тебе по сопатке двинул. Вон даже кровь на рубашке твоей осталась. А теперь гляжу, гляжу, а ты совсем другой, и волосы не такие, и вообще.

– Вот ты постригись, умойся, и тебя тоже перестанут узнавать.

Парень отошёл, и ещё долго разглядывал меня с недоумённым выражением лица.

В девять часов явился начальник, и начал разбираться с нарушителями. Первыми он выпустил тех, у кого были с собой деньги, оштрафовав их на месте. Те, у кого не было денег, подвергались более крупным штрафам от десяти до пятнадцати рублей, и тоже отпускались. А двое, в том числе и волосатый, были направлены в суд. Должно быть, они попались не в первый раз, и им грозили десять или пятнадцать суток ареста. Не знаю, каким образом сержант действовал, но меня и в самом деле не оштрафовали. Начальник посмотрел на меня, затем на фотографию в пропуске, и, не сказав ни слова, махнул рукой на выход. Я поспешил на работу.

Поскольку я не раскрывал деталей, то Анатолий Иванович из моего объяснения ничего толком не понял, махнул рукой, и отправил работать. Но этим дело не кончилось.

В тот вечер кроме Ласкирёва меня видела в милицейской форме контролёрша с соседнего участка, и кто-то ещё из рабочих цеха. Поползли нелепые слухи, что в свободное от работы время, я подрабатываю милиционером, штрафуя народ за брошенные окурки. Масла в огонь подлил Ласкирёв. Встретив Саню на территории, он стал его обо мне расспрашивать. Акима интересовало, когда я ушёл служить в милицию. Саня удивился, и сказал, что слышит об этом первый раз, а я по-прежнему работаю на участке. Ответ привёл Ласкирёва в смятение.

Саня с Мишей в тот же день после смены устроили мне допрос. Попросив о неразглашении, я им всё рассказал. На этот раз парни не смеялись. Саня наморщил лоб, и сказал:

– У тебя Родион прямо талант попадать во всякие бредовые ситуации. Бедного Ласкирёва в транс вогнал. Теперь понятно, чего он тебя боится.

Тут пришла на меня «телега» из милиции. Эти уведомления на хулиганов и пьяниц, приходившие из милиции на производство, были задуманы как воспитательная мера воздействия, но быстро превратились в дополнительное наказание. К милицейскому штрафу добавлялось лишение премии, а то и тринадцатой зарплаты. Форма была стандартная: такой-то гражданин, такого-то числа, там-то, в пьяном виде совершил что-то нехорошее, или же просто попал в вытрезвитель. И за это был оштрафован на пять, десять или тридцать рублей. В серьёзных случаях эти уведомления разбирались на профсоюзных собраниях, но, в конечном счете, всё зависело от решения начальника цеха.

Через несколько дней с утра меня вызвали к начальнику цеха. Стало ясно, что пришла злополучная бумага из милиции. Я зашёл в кабинет, и поздоровался.

Начальник был не злой, а, скорее, удивлённый. Взяв в руки уведомление, он прочитал его вслух:

– Гражданин Коновалов в трезвом виде был задержан в общественном месте за участие в беспорядках. Проведена профилактическая беседа.

Некоторое время он меня рассматривал, а потом сказал:

– За всё время я первый раз вижу человека, который попал в милицию, и его там не оштрафовали. Это своего рода рекорд. Беседа интересной была?

– Да не было никакой беседы. Это всё нечаянно получилось.

– Ну, раз так, то и я тебя премии лишать не буду, а беседу считай проведённой.

Глава VIII. Артист

С какого-то момента Родион подружился с Метисом, и немало времени стал проводить у него на работе. Вначале Метис его упраскивал, а потом Родиону и самому стало интересно кататься на его автобусе по городу, а в перерывах околачиваться во Дворце Культуры. Лучше всего для такого времяпровождения подходили дневные часы до начала второй, вечерней смены на заводе. Но частенько он посещал дворец и в свободное время после первой смены, заканчивающейся в три часа дня. Всё дело было в особенностях работы на дворцовом автобусе. Рабочий день у Метиса практически был ненормируемым. Иной раз он часами болтался без дела, а порою задерживался до самого вечера, или даже до полуночи. Контингент был соответствующий – администрация дворца, бухгалтерия, чиновники, артисты всякого звания, и другие причастные к искусству люди. География поездок тоже была соответствующей – профильные государственные учреждения, какие-то странные конторы, театры, и другие очаги культуры, а также частные адреса важных людей. Сегодня здесь, завтра там, и каждый день не похож на другие. Во время поездок по городу Метис частенько томился в ожидании своих начальников возле какого-нибудь учреждения. Вот он и начал таскать с собою Родиона, чтобы не скучать в такие минуты, которые иногда складывались в часы. В таких случаях они играли в шахматы или в карты, а если позволяла ситуация, то подрабатывали извозом, бензин-то был халявным. Причём специализировались на транспортировке больных животных, в основном собак, в одну из ветлечебниц. Однажды волей случая они подвезли туда женщину с большой собакой, и познакомились с ветврачом, который в дальнейшем подгонял им клиентов. Личных автомобилей у людей было немного, а автобус для перевозки животных подходил идеально. Метис боялся собак, и без Родиона этим не занимался.

С течением времени Родион до того примелькался во дворце, что персонал начал считать его «своим». Его знали в лицо администраторы и бухгалтеры, поэтому он стал вхож в служебные помещения. А капельдинеры бесплатно пускали его в кино и на танцы. И вот Родион, человек далёкий от искусства, незаметно превратился в какую-то разновидность «богемного жучка». Так обозвал его Саня, играющий на саксофоне в дворцовом ансамбле «Молодость». Время от времени они встречались на территории Дворца.

Родион стал ходячим справочным бюро, поскольку всегда знал, кто куда уехал, и, будучи в курсе внутренней жизни учреждения, дисциплинированно выдавал информацию. Многие думали, что он вообще там работает, и порою выговаривали: – «Ты где вчера был». Метис над этим только смеялся. Иногда Родиону давали поручения, которые он по мере сил выполнял.

И вот, в один прекрасный день Родион появился в костюме. Всё-таки одежда влияет на психологию человека. В новом костюме Родион начал чувствовать себя по-другому, более уверенно, а в его манерах появилась некая солидность. Окружающие тоже начали воспринимать его по новому, а кое-кто стал обращаться к нему на вы. Но были и не совсем приятные для Родиона следствия. На него вдруг обратил внимание режиссёр самодеятельного Народного театра Евгений Ильич. Он и раньше видел Родиона сто раз, но не выделял его из массы, а тут как будто прозрел.

Участие в этом театре было ступенькой к профессиональной карьере, и поступить туда было не так-то и просто. Многие известные артисты начинали свой творческий путь в самодеятельных кружках и театрах.

Встретив одетого в костюм Родиона, Евгений Ильич вдруг увидел в нём образ положительного героя, и начал уговаривать его стать артистом. Родион упирался, он говорил режиссёру, что лишён способностей к лицедейству, чем сильно его расстраивал. Возможно, Родион и не был полной бездарностью в данной области, и будь у него желание, он поддался бы на уговоры, но всё было иначе. По своему характеру он чурался любой популярности, в том числе,

и заработанной кривлянием на сцене, хотя других за это не осуждал. Родион честно говорил Ильичу, что никогда не мечтал о сцене, но тот ему не верил. Ему казалось, что Родион кокетничает, или просто не понимает своей удачи, и продолжал его агитировать. Евгений Ильич существовал в артистической среде, где каждый стремился стать звездой, или хотя бы звёздочкой, поэтому люди, не стремящиеся к этому, казались ему странными, и подозрительными.

Такое равнодушие к искусству Евгения Ильича временами даже злило, особенно если он был под градусом. А под ним он бывал регулярно. На забулдыгу ещё не тянул, но был уже крепким любителем. Родиона он тоже пытался подпоить, но тот не вёлся, он просто не любил алкоголь. В дворцовом буфете водку открыто не продавали, но сотрудников обслуживали. Ильич, бывало, зазовёт Родиона в буфет, где ему нальют по благу сто грамм, и говорит:

– Вот ты лимонад пьёшь, а был бы артистом, значит, тебе здесь тоже водочки бы наливали, как своему.

– Попрошу, и мне нальют. Меня обе буфетчицы знают. Тоже мне, преимущество! Да в любом ресторане нальют, и даже не поинтересуются, артист ты, или нет.

– Эх, Родион! Тяжело с тобой разговаривать, всё у тебя по полочкам, и с выводами. Тонкости в тебе нет, понимания.

Ильич надежды не терял, и продолжал агитацию, но после одного случая, он изменил своё отношение к Родиону. Более того, на какое-то время они стали большими приятелями.

В один из тёплых весенних дней Метис на своём автобусе с утра подъехал к общежитию за Родионом. У Метиса было много знакомых солидных дам, и одна из них попросила его свозить заболевшего добермана в лечебницу. Но сначала пришлось доставить в отдел культуры горисполкома Евгения Ильича с каким-то неразговорчивым мужиком в белой шляпе, и с большим портфелем. Родион с Метисом сидели в автобусе, припаркованном недалеко от горисполкома, и коротали время за игрой в шахматы. Однако на сей раз, Ильич управился с делами за каких-то полчаса, и подошёл к автобусу в сопровождении трёх человек. Метис открыл двери, и они забрались в салон. Главного из новых пассажиров Родион знал. Это был худрук Драмтеатра Борис Леопольдович, личность в городе известная и значительная. Об этом говорил весь его облик крупного театрального деятеля – властный взгляд, благородная седина в пышных тёмных волосах, горделивая осанка, уверенные жесты, и внушительный бас. Такие люди в любом месте чувствуют себя главными. Другой был каким-то его помощником по имени Виктор. Среднего роста полноватый и круглолицый длинноволосый блондин с одной залысиной. Третьим был аккуратный, похожий на бухгалтера человек в очках и с папкой из кожзаменителя. Подобно своему коллеге в белой шляпе, за всё время он не произнёс ни слова. Ильич приказал Метису ехать к Драмтеатру, и автобус тронулся.

Евгений Ильич с внутренним трепетом ел глазами знаменитость, а Родион, как и положено богемному жучку слился с фоном, и замер. Худрук со своим помощником продолжили начатый ещё до автобуса разговор. Речь шла о репертуаре Драмтеатра. Звонкий тенор Виктора звучал с какой-то обидчивой интонацией, а солидный бас худрука его урезонивал:

– Успокойся Виктор. Не в первый раз, утрясётся понемногу.

– В театре «Камертон» из Д.К. «Химик», что хотят, то и ставят, никто им не указ.

– Виктор, не ссылайся на любителей, пусть и хороших, это несерьёзно. Да и недолго им своевольничать. Наверху перестраховщиков много, а они боятся свободы творчества. Найдут повод, и разгонят этот «Камертон». А жаль, молодёжь там хорошая.

– Борис Леопольдович, производственная тема важна, но ведь должна быть мера. Человек навкалывается на заводе, вечером дома книжку после ужина откроет, а там соцсоревнование, которое одновременно соперничество двух бригадиров за сердце девушки. Кто первый перевыполнит план, тому и принцесса в комбинезоне достанется. Включит человек телевизор, а там фильм о металлургах. Придёт в театр отдохнуть от всего этого, а на сцене опять производственное совещание. Волком завоешь.

– Не преувеличивай Виктор. Репертуар у нас хороший и разнообразный.

– Не спорю, только нет у нас сейчас старой доброй русской комедии. А, между прочим, наш театр открылся «Ревизором». Вот бы его поставить! В новой трактовке.

– Ты же знаешь, что он идёт в ТЮЗе. И ты знаешь мою точку зрения, что любая новая трактовка классики, это её уродование. А, что касается современных пьес, то люди ходят на них с удовольствием, ведь среди наших зрителей не так уж много производственников, которым приелась эта тематика.

Родион пошевелился, и тем самым привлёк внимание пассажиров. Экспансивный Виктор решил, что перед ним возможный среднестатистический зритель, и спросил Родиона:

– Юноша, ты любишь ходить в театр?

– Посещаю. Не очень часто, но гораздо охотнее, чем филармонию. В два раза охотнее. (На тот момент Родион побывал в театрах два раза, а в филармонии один раз).

– И, чтобы ты выбрал, современную пьесу на производственную тему, или что-нибудь из классики?

– Так это смотря, какая современность, и смотря, какая классика.

Борис Леопольдович встрепенулся, и произнёс:

– Слышал Виктор? Лучше не скажешь! Неважно когда вещь написана, вчера или сто лет назад, а важно качество постановки.

– Мне кажется, он имел ввиду другое.

Юноша, а что ты смотрел последний раз?

– «Ревизора» в этом самом ТЮЗе.

– И как впечатление?

– Откровенно говоря, не очень.

– Актёры не понравились, или игра?

– К актёрам претензий нет, за исключением роли Хлестакова. Но это режиссёр виноват, уж очень неудачную фактуру выбрал. Хлестаков должен быть худым, голодным и нервным зверьком, а не толстеньким бесшабашным весельчаком.

– Почему?

– Только полный кретин в его положении останется беззаботным, не опасаясь неминуемого разоблачения, а Хлестаков вовсе не глуп. Он достаточно опытен, хитёр и ухватист. Любой человек, бывавший в такой ситуации, подтвердит вам, что жизнь под чужим именем и в чужой личности занятие малоприятное, и весьма нервное.

Борис Леопольдович обратил внимание на гладкость речи, и спросил:

– Молодой человек, у тебя имеется соответствующий опыт?

– Да. Я знаю, о чём говорю. Но это всё ерунда. Дело не в артистах, а в неправильной трактовке самого произведения. По правде говоря, эту ошибку совершают все, кто берётся ставить Гоголя. Простите, вам, и в самом деле интересно моё мнение по этому вопросу?

Раздался голос Виктора:

– Да уж, просвети нас тёмных насчёт Гоголя.

Однако Борис Леопольдович пересел ближе к Родиону, посмотрел на него, и сказал:

– А вот мне интересно. Не обращай на него внимания, выкладывай своё мнение.

Должно быть, случился эффект «заговорившего пенька», когда статист неожиданно превращается в действующее лицо. Готовность выслушать пробудила у Родиона приступ красноречия. И хотя это было его первое такого рода публичное выступление, в нём уже имелись проблески того странного очарования, характерного для его речей. Вначале Бориса Леопольдовича удивил книжный слог в устах обычного паренька, но затем выводы Родиона так его заинтересовали, что когда автобус прибыл к драмтеатру, он махнул на всех рукой, и, не вылезая из транспорта, продолжил беседу. Мнение Родиона о творчестве Н. В. Гоголя в целом, и о «Ревизоре» в частности, оказалось довольно оригинальным:

– Всё дело в том, что «Ревизор» не комедия, а его всё время пытаются играть комедийно.
– Молодой человек, перечитай книгу, там, на обложке напечатано слово «комедия».
– Я это знаю. Дело не в написании, а в содержании этого термина. Вот у Данте в его «Божественной комедии» это слово имеется прямо в названии, но книгу весёлой не назовёшь. Она больше напоминает фельетон, потому что Данте описал реальных лиц и деятелей той поры, а это представляло интерес только для его современников. Должно быть, в те времена слово комедия имело несколько иное значение.

Мы привыкли судить о былом с точки зрения сегодняшнего дня, и забываем, что время меняет значение слов и смысл понятий иногда до неузнаваемости. Примеров тьма-тьмущая. Слово идиот вначале было совершенно нейтральным, и не имело никакого унижительного содержания. Так греческие священники называли обычных прихожан, не имеющих духовного звания, а сейчас это медицинский термин. Сервантес писал Дон Кихота как роман-пародию на литературный жанр, где его придурковатый герой был всего лишь средством выражения. Но время превратило Дон Кихота в символ бескорыстного мужского благородства, и его имя стало нарицательным.

Восприятие юмора, комического содержания в литературе со временем тоже меняется, и порою очень заметно. Так некоторые действительно юмористические произведения древних авторов в наше время считаются вполне серьёзными, и даже героическими сочинениями. Если непредвзято взглянуть на знаменитую «Одиссею», то в ней можно увидеть собрание историй про любящего хорошо выпить и складно приврать человека. Древние греки верили в богов и духов, но и простаками, верящими в досужие выдумки, они тоже не были. Однако послушать краснобаев они любили, а моряки во все времена славились умением травить байки... Произведение и начинается с весёлой истории о том, как Одиссей с командой по пьянке заблудились в хорошо известном греческом мореходам районе. То есть это описание не героических подвигов, а весёлых и увлекательных походов.

В какой-то мере Одиссей является предтечей барону Мюнхгаузену, Но ведь никому не приходит в голову считать «Приключения барона Мюнхгаузена» героической сагой. Я думаю, что комедийный дар у Гомера просто ещё не разглядели.

Автобус стоял возле драмтеатра, Метис ушёл куда-то по своим нуждам, а Виктор и Борис Леопольдович с некоторым изумлением слушали Родиона. Ильич от удивления приоткрыл рот, и только чиновник с портфелем был невозмутим. А оратор, вдохновлённый таким вниманием, шпарил, как по писаному:

– Но, что вспоминать древность, ведь ещё каких-то сто пятьдесят лет назад слово комедия означало не совсем то, что оно означает в наше время. Типичный пример комедии тех лет – «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Произведение гениальное, только неясно, где там хохотать, а где улыбаться. Это всё из-за того, что на самом деле поэма сатирическая, а не юмористическая. Сатира жанр серьёзный, в отличие от лёгкого юмора, без которого современная комедия просто немыслима. «Ревизор» того же поля ягода. Называется комедией, а на деле это острая социальная сатира, в которой единственный комедийный приём её только подчёркивает.

Доподлинно известно, что сюжет «Ревизора» Гоголю подарил Пушкин. Считается, что по дружбе. Но уж очень хочется при этом вспомнить поговорку «Дай вам боже, что нам негоже». Почему? Ответ в списке произведений Пушкина. В нём практически нет комедий. Александр Сергеевич, безусловно, гений и в поэзии, и в прозе, а вот в жанре комедии не преуспел. Чувство юмора у него было о-го-го, но оно реализовалось в срамных стишках да остроумных эпиграммах. Впрочем, есть у Пушкина «Граф Нулин», но эта комедия получилась какая-то не очень весёлая, хотя сюжет в ней забавный. Должно быть, Александр Сергеевич понял, что это не его стихия и других попыток в этой области больше не делал. Почему он обратился именно к Гоголю? Ответ прост. Ниша профессиональных российских комедиографов пустовала. Фон-визина уже не было, а Сухово-Кобылина и Островского ещё не было. Гоголь в ту пору закан-

чивал свою первую комическую пьесу «Женитьба», и поэтому Пушкин считал его хотя и начинающим, но многообещающим комическим драматургом.

Николай Васильевич был образованным человеком, знакомым с творчеством Лопе де Вега, Бомарше, Мольера, и других европейских комедиографов. Он знал законы драматургии, но в своих сочинениях не очень их придерживался. Вольная, невольная, случайная или вынужденная подмена действующего лица кем-нибудь другим является самым распространённым комедийным трюком от «Золотого осла» Апулея до современных кинокомедий типа «Весёлых ребят». «Инкогнито» единственный комический элемент в «Ревизоре». Если его убрать, то получится сатирический рассказ в духе Салтыкова-Щедрина, и не более того. Но принципиально другое. По законам жанра все комедии имеют «хэппи энд», счастливый конец, иначе они уже не комедии, а трагедии. В комедиях Гоголя хэппи энд отсутствует. Кроме того, в любой комедии есть положительные герои, которым зритель сочувствует в их борьбе с враждебными силами и обстоятельствами. В комедиях Гоголя положительных героев нет вообще. Даже отсутствующий на сцене друг Хлестакова Тряпичкин не вызывает симпатии. Тогда возникает естественный вопрос: а комедии ли это?

Но эти отклонения от канонов были, в сущности, запрограммированы. Гоголь не мог сочинять иначе, потому что не мог изменить свой внутренний мир.

Гений неповторим, он всегда один в своём роде. А Гоголь именно таков. Я думаю, что его уникальность ещё как следует не разглядели. В девятнадцатом веке жил в Америке шахматный гений Пол Морфи. Он обнаружился случайно. В ту пору Америка была шахматными задворками, и тамошних шахматистов европейские мастера не воспринимали всерьёз. По каким-то своим делам Америку посетил один известный венгерский шахматный мастер. Как-то на досуге его уговорили сыграть в шахматы с сыном высокопоставленного судьи двенадцатилетним Полом Морфи. К своему изумлению мастер проиграл. Перед ним был гениальный самоучка. В те годы шахматная теория уже существовала, но варившийся в собственном соку Пол Морфи её просто не знал. Он играл в своей собственной неповторимой и парадоксальной манере. Его сохранившиеся партии впечатляют. Через несколько лет он приехал в Европу, и с разгромным счётом, как детей обыграл всех знаменитых шахматистов, после чего выставил унижающее условие матча-реванша, и отбыл домой. К сорока годам он сошёл с ума и умер, но такое с гениями происходит довольно часто. Возможно, это плата.

Николай Васильевич Гоголь был таким же самородком, но в области литературы. Личность автора, его внутренний мир отражаются в его произведениях, хочет он того, или нет. И чем сильнее талант, тем ярче это отражение. Гоголь здесь не исключение. Его творчество чётко разделено на украинскую и русскую составляющую, и это не случайно. Известно, что он любил русских людей, но всей душой ненавидел Российскую империю. Эта внутренняя раздвоенность мучила его всю жизнь. Гоголь считал себя и украинским, и русским писателем, дружил со славянофилами, и хотел сделать своё творчество единым целым, но внутренний конфликт этого не позволял, и рукописи летели в огонь. На самом деле в душе он был украинским патриотом, о чём красноречиво говорят его произведения украинского цикла.

В его изображении Украина предстаёт сказочной страной, этаким малороссийской Аркадией. Там нет крепостничества, голода, и чиновного произвола, а зажиточные селяне работают в поле, веселятся на ярмарке, и играют свадьбы. Как ни удивительно, но в украинских рассказах и повестях Гоголя среди горожан и хуторян нет отрицательных героев. Конфликты случаются, но это размолвки между хорошими в целом людьми. Даже чёрт в «Ночи перед Рождеством» какой-то особенный, чисто хохлацкий чёрт, больше похожий на джинна из бутылки, если его, конечно, оседлать. Перебежчик Ондрий из «Тараса Бульбы» вызывает неподдельное сочувствие, ведь он предал своих товарищей не из трусости или каких-то низменных побуждений. Он стал жертвой безумной страсти, внушённой ему прекрасной полячкой, то есть игрушкой слепого рока. Это его не оправдывает, но смерть он принял мужественно и достойно, как

положительный герой. Злодеи в этих произведениях имеются, но не свои доморощенные. Чаще всего это представители нечистой силы, реже внешние враги – турки или поляки.

В русском цикле всё совершенно наоборот. В этих произведениях очень наглядно видна ненависть Гоголя к России, и к её порядкам. В них вообще нет положительных героев. Ни единого. Создать такое под силу только гению. Юмор отсутствует. Вместо него справедливая, но очень злобная сатира. Должно быть, Николай Васильевич наслаждался, выдумывая русским персонажам уродские фамилии. Его украинские фамилии тоже придуманы, но они звучат скорее смешно, чем злобно. Надо полагать, что когда зрители аплодируют словам «Над кем смеётесь?», они не догадываются, что этой фразой Гоголь издевается над ними самими. Он издевается над москалями, создавшими этого государственного монстра по имени Российская империя, а затем ставшими его рабами.

Поэтому я думаю, что если бы действие «Ревизора» происходило где-нибудь в Полтаве или Миргороде, то у Гоголя из него получился бы искромётный водевиль, в котором главный герой бедный жених Хлестаченко, благодаря ошибке женится на дочке городского головы.

После этой речи на полминуты воцарилось молчание, прерванное возвратившимся Метисом, который громко стукнул дверцей автобуса. Он с недоумением смотрел на пассажиров, но дисциплинированно помалкивал. Борис Леопольдович очнулся, и сказал Виктору:

– Слышал? Вот тебе и новая трактовка «Ревизора». Да ещё и новый взгляд на «Одиссея».

– Да уж. Как-то всё неожиданно.

Худрук вытащил блокнот и авторучку, что-то написал, а затем обратился к оратору:

– Молодой человек, как твоё имя?

– Родион.

– Слушай сюда Родион. Если ты надумаешь сходить в наш театр, то билет не покупай. Вот этого молодого человека зовут Виктор Коломойцев, его в театре знают все, достаточно спросить. Вот он и организует тебе контрамарку. Но с условием, что после спектакля будет обсуждение. Мне будет интересно ещё раз услышать твоё мнение.

– Спасибо. Только если я надумаю, то буду не один, а с приличной девушкой.

– Хорошо, договорились. А ты сам откуда?

Родион уже открыл рот, чтобы рассказать, откуда он родом, но Евгений Ильич его опередил. Он вскочил с кресла, подошёл к Родиону, хлопнул его по плечу, и сказал:

– Это мой кадр, Борис Леопольдович.

– Молодец Женька! Умеешь людей подбирать.

С этого дня Евгений Ильич стал относиться к Родиону по другому. Он больше не агитировал его в артисты, а сделал своим внештатным консультантом. По его просьбе Родион стал ходить на просмотр репетиций и на прослушивание кандидатов в артисты. Ильич научил Родиона соответствующим званию консультанта манерам. Он объяснил, что скромность хорошее качество, но в некоторых случаях она неуместна, и вредит делу. А затем наглядно показал, как нужно изображать актёрский кураж. Родион науку освоил, и во время консультаций стал держаться раскованно, хотя какого-то особого удовольствия от этого не получал. Евгений Ильич к замечаниям своего консультанта прислушивался, а мнение Родиона было для него решающим. Из-за этого временами было непонятно, кто из них главный. В этот период Родион и получил кличку «Артист». Вначале это прозвище звучало иронично, но спустя некоторое время приобрело иной оттенок.

Однажды Сане саксофонисту зачем-то понадобилась пианистка Вера Андреевна, и он отправился к ней в студию. Приоткрыв дверь, он застыл на месте. В студии шло прослушивание кандидатки в артистки. Саню поразило то, что одним из экзаменаторов был Родион. И не так сам Родион, как его манеры. Вальяжно развалившись на мягком стуле, со скрещенными на груди руками, и надменным выражением лица Родион как бы через силу слушал юную брюнетку, исполняющую неестественно высоким голосом «Огней так много золотых». На середине

песни консультант замахал руками, и певица смолкла. Родион сказал усталым тоном, сидящему рядом Евгению Ильичу:

- Поёт гладко, а голос противный. Скажет «Кушать подано», и никто ей не поверит.
- Всё ясно, бракуем. У вас нет данных барышня. До свидания. Следующий!

Барышня ударилась в слёзы, и, спотыкаясь, пошла на выход. Дождавшись Родиона, Саня сказал ему:

- Ну, ты даёшь! Сам в музыке ни уха, ни рыла, а берёшься судить.
- Не скажи. Я не меньше твоего песен знаю. У меня дома целая гора пластинок.

Прозвище «Артист» озвучил Саня. На работе он поведал бригаде:

– Наш Родион артист ещё тот. Втёрся Ильичу в доверие, и стал у него помощником, да таким, что его бояться начали. Тёмная история какая-то. Вот если бы они бухали на пару, тогда было бы понятно. Так нет, буфет посещают, а совместно не пьют. Загадка.

На Родиона обратили внимание артистки, а с двумя из них у него случилась мимолётная ни к чему не обязывающая связь. Родион был не против более продолжительного романа с кем-нибудь из них, но они по очереди доходчиво ему объяснили, что это был всего лишь минутный каприз артистической души. Одна из кандидаток открытым текстом предложила ему секс за благосклонность на прослушивании. К такого рода отношениям Родион был не готов, и брезгливо отказался. Подруга этой девушки по имени Лина поступила хитрее. Вначале она соблазнила Родиона, а затем явилась на прослушивание, уверенная в его поддержке.

В те годы соблазнить Родиона было очень легко, потому что он и сам был готов заняться любовью едва ли не с каждой встречной девушкой. Гормоны не всегда в ладу со здравым смыслом. Лина как бы случайно познакомилась с Родионом на танцах, девушки это умеют. Формами её бог не обидел, да и тонкобровым личиком тоже. Родион сразу же на неё запал, проводил домой, и договорился о встрече. А уже на следующий вечер Лина бесшумно провела Родиона в уютную плющом беседку в своём дворе, сделала вид, что изнемогает от страсти, и уступила его домогательствам.

Когда Лина зашла в студию на прослушивание и подмигнула Родиону, он понял всё. Его взяла досада, но он решил оставаться принципиальным до конца. Лина держалась уверенно, и с выражением прочитала басню «Стрекоза и муравей». Ильич вопросительно посмотрел на своего консультанта. Родион немного подумал, и сказал:

– Дикция хорошая, а теперь пусть она изобразит какие-нибудь эмоции. Удивление, например, и ярость.

Лина удивилась такому заданию, и её лицо само собой приняло нужное выражение. А вот ярость она изобразила очень неумело. Родион сказал Ильичу:

- Не пойдёт. Лицо неживое. Удивление ещё ничего, а ярость курам на смех.

Ильич не успел ещё ничего сказать, как вдруг Лина сорвалась с места, подскочила к Родиону, и с криком: – «Ах ты, сука!», вцепилась ногтями ему в лицо. Ильич вскочил с места, оттащил её в сторону, и, глядя в искажённое яростью лицо девушки, сказал:

- Ну, ведь можешь, когда захочешь! Очень натурально изобразила. Правда, Родион? Тому ничего не оставалось делать, как ответить:

- Высший класс! Станиславский бы поверил.

Увидев кровь на лице Родиона, Евгений Ильич сказал Лине:

- А ногти, это лишнее. Девочка, в следующий раз при перевоплощении будь сдержанней.

Лину приняли в артистки, а Родион неделю не показывался на людях. Из этих историй он извлёк урок, и больше с артистками не связывался.

Однажды Родион увидел во Дворце братьев Бочкарёвых. На ту пору они были студентами Машиностроительного института, но творческий зуд не давал им покоя, и братья решили попробовать себя на артистическом поприще. Узнав Родиона, они подошли, и поздоровались:

- Привет Коновалов!

Разговор вёл старший:

– Ты чего здесь делаешь?

– Да так, разное. Я часто тут бываю. А вы?

– Хотели в театр поступить, да, наверное, ничего не выйдет.

– Почему?

– Слухи ходят, что у режиссера помощник какой-то есть. Жутко строгий тип, всех режет.

Ты не в курсе, сегодня он здесь?

– Да, здесь.

– Ты его случайно не знаешь?

– Знаю. Это я.

– Да ладно тебе! Я же серьёзно спрашиваю.

– А я серьёзно отвечаю. Не переживайте, я вам помогу, только не ляпните, что мы знакомы. Поняли?

Бочкарёвы недоверчиво посмотрели на Родиона, и отошли в сторону. У Родиона заиграла совесть за давнюю шутку над братьями, и он решил загладить вину, хотя они об этом и не догадывались. Всё-таки братья не поверили однокашнику. Зайдя в студию, и увидев Родиона в вольной позе на мягком стуле, они раскрыли рты от удивления. Родион обратился к Ильичу:

– Это что-то новое, сразу двое явились. Эдак скоро труппами повалят.

– Ничего, послушаем. Они братья, привыкли выступать в паре.

– А чего их слушать? Артист должен быть артистом во всём. Вот пусть они спляшут, пусть докажут, что не только языком и выражением лица владеют.

Евгений Ильич удивился:

– Чего спляшут?

– Да, что угодно. Яблочко, например.

Тут аккомпаниатор Вера Андреевна сказала, что у неё нет таких нот. Вера Андреевна могла бы сбавить эту мелодию без всяких нот, но она не любила новоявленного помрежа, и не желала исполнять его прихоти. Однако это не остановило Родиона. Он сказал:

– Под сопровождение любой дурак спляшет. Пусть без него попробуют.

И он подмигнул братьям. Они переглянулись, и старший Бочкарёв сказал:

– Ладно.

Многолетние тренировки не прошли даром. Задав темп хлопаньем в ладоши, братья лихо исполнили матросскую пляску. Евгений Ильич пришёл в восторг:

– Берём, ребята, что надо! Интересный у тебя Родион подход к делу.

– Это не я придумал. При отборе актёров так делал кто-то из великих.

– Вспомни кто именно, я потом перечитаю.

Старший Бочкарёв действительно стал профессиональным актёром. Он бросил институт и поступил в театральное училище, после которого много лет проработал в театре музыкальной комедии. Встретившись через много лет с Коноваловым, он вспомнил этот случай, и сказал:

– Знаешь Родион, ты, конечно, человек неглупый и авторитетный, но в искусстве, если честно, в молодости был дуб дубом. И если бы кто-то сказал мне тогда, что именно ты будешь принимать у меня творческий экзамен, я бы умер от смеха. В станице и сейчас этому не верят.

Родион ответил с сарказмом:

– Я, конечно, не такой эстет, как ты, но у меня хватило проницательности заметить твой талант, и вовремя его поддержать.

Бочкарёв задумался.

Наблюдая вблизи нравы творческих людей, Родион сделал для себя определённые выводы. Мир искусства, это особый мир, к нему нельзя подходить с обычными мерками. Актёры, актрисы, певицы и певцы, в том числе и самодеятельные, сделаны из другого теста, чем обычные люди. Они живут страстями, оттого постоянство в любви и дружбе в их среде, ско-

рее исключение, чем правило. Наиболее циничны музыканты, но они умеют дружить. Больше всего Родиону нравились художники. Как правило, они тонко чувствовали окружающий мир, и при этом были хорошо воспитанными доброжелательными людьми.

Через Евгения Ильича Родион познакомился с двумя писателями, причём один из них, по фамилии Силков, был настоящим, так как имел удостоверение члена Союза Писателей. Родион был поражён его глубокими познаниями в области рыбной ловли. Писатель был страстным рыболовом, с этой целью он объездил почти всю страну, но книг на эту тему почему-то не писал, хотя они наверняка имели бы успех. Другой писатель был самоучкой драматургом, творившим под псевдонимом Ян Цекавый, и Родион его не уважал. В обычной жизни Цекавый был Иваном Семёновым. Он работал в штамповочном цеху контролёром, а в свободное время сочинял идеологически правильные пьесы, из-за чего отвяжаться от него было непросто. Псевдоним он взял от аббревиатуры ЦК. Его дед был в тридцатые годы членом какого-то республиканского Центрального комитета. Ильич драматурга большевика не любил, но совсем от него избавиться не мог. Однако в скором времени Родион нашёл средство от этого назойливого творца назидательных и очень скучных пьес. Примерно в это же время драматически прекратилась его дружба с Евгением Ильичом. Но об этих событиях будет рассказано в соответствующей главе, а ниже ещё один рассказ о костюмных приключениях.

Глава IX. Свадьба

Благодаря костюму Родион сделался популярен и в общежитии. Его стали приглашать туда, куда ему не очень-то и хотелось. В иных случаях приглашался, собственно, костюм, а Родион шёл к нему в комплекте. Бесцеремонный, почти коммунистический быт общежития предусматривал прокат чужих вещей, и если бы костюм подходил по фигуре кому-нибудь, то его просто брали бы у Родиона на время. Но он хорошо сидел только на нём, вот и приходилось брать в прокат и его самого. Речь идёт о свадьбах, на которых Родиону довелось быть свидетелем, и он приобрёл немалый опыт в этом деле. Иной раз приходилось бывать на свадьбах вообще незнакомых людей. Особенно ему запомнилась свадьба Артура.

Однажды в конце сентября к нему приходит Николай из соседней комнаты, и просит:

– Поехали на свадьбу. Артур, дружок мой по работе женится:

– А я тут, с какого боку? Вот если б ты женился, тогда другое дело. Я твоего Артура не знаю, и невесту его в глаза не видал. И вообще, какого чёрта? Артур женится, а приглашаешь на свадьбу ты?

– Чего тут непонятного? Он же тебя не знает, вот я и хлопочу. Завтра роспись, а свидетеля нет. Всё было в порядке, и свидетель был, да только он сегодня с утра по телеграмме на похороны уехал. Выручай Родион!

– А ты сам?

– Да я бы с радостью, и Артур тоже, так мне одеться не во что. Это же торжество, не пойдёшь ведь в Загс щеголять в старом костюме или свитере. Артур учудил, неделю назад свой костюм уютгом спалил, вот я ему свой новый костюм и арендовал на время свадьбы. А невеста со Ставрополя, и основная свадьба там.

– А, что? Будет и дополнительная?

– Будет, да. Прямо сегодня молодёжный вечер в общежитии на втором посёлке Орджоникидзе. Там и познакомишься с Артуром и его невестой. Родион, я ж тебя не вагоны грузить зову! Прокатимся, повеселимся, автобус уже наняли.

В конце концов, Родион согласился, и ближе к вечеру они отправились в общежитие Артура. По дороге к ним присоединились две подруги Николая, и Жора Короедов со своей очередной пассией Лидой. Они тоже были в числе приглашённых. Эта девушка оказалась для Жоры крепким орешком. Лида не была наивным юным созданием. Она утверждала, что ей двадцать четыре, но скорее всего, врала. Её зрелые формы тянули лет на двадцать восемь, если не больше. Соответственно возрасту опыт и хватка у неё имелись. Учтя опыт предшественниц, она полностью запретила Жоре доступ к своему телу. До свадьбы. Мол, потом всё твоё. Сложилась патовая ситуация. Жениться, не обследовав товар, Жора опасался, но и отбраковать кандидатку повода не было. Так и маялись.

Жениха звали Артур Кузьмич Шашкин. Зарубежное имя плохо вписывалось в этот ряд, к тому же сам носитель звучного имени, плюгавенький невысокий шатен, совершенно не походил на «Овода» Войнич, в честь которого мадам Шашкина назвала сына. Его невеста Валя была плотной широкоплечей девушкой с правильными чертами лица, и короткой причёской. Она была вполне симпатична, но назвать её миленькой не поворачивался язык. Суровое выражение лица красноречиво говорило о деспотичном характере, что сулило Артуру безрадостное будущее. Впрочем, он уже был сформировавшимся подкаблучником. Артур заметно побаивался будущей жены, так как она могла бесцеремонно при людях отвесить ему добрую затрепину, а рука у неё была тяжёлая. Родион видел, как Николай с трудом удержался на ногах после того, как Валя поощрительно хлопнула его по плечу, и предложила стать тамадой. Лицо невесты откуда-то было Родиону знакомо, но только на второй день он вспомнил, что видел её толкающей ядро на соревнованиях в спортивном обществе «Трудовые резервы». Из старшего

поколения присутствовали родители невесты и горластая свашка распорядительница Ганна, приходившаяся Валентине родной тётей. Она оказалась хорошим руководителем торжества.

Вечеринка была организована по всем правилам. Часть коридора отделили занавеской, а все смежные комнаты были задействованы с разными целями. Комнату, где жил Артур, превратили в ресторан, и снесли туда все столы и стулья. Соседняя комната в ожидании жаркой молодёжной ночи была сплошь заставлена кроватями. Ещё одна комната была предназначена для жениха с невестой, её родителей и прочих важных гостей. А очищенная от мебели комната предназначалась для танцев. Всё было продумано до мелочей. Во избежание недоразумений, и, чтобы сразу расставить точки над «и», одиноких парней и девушек тут же знакомили, и составляли из них пары. Этим занимался Николай со своей девушкой и её подругой. Было заметно, что они в этом деле имеют опыт, и знают толк в вечеринках. В некоторых случаях они действовали методом Суворова, то есть делали прямые замеры и подбирали пары по росту. Именно так Родиону досталась в пару рослая девушка Надя. Должно быть этой симпатичной дылде не всегда везло на рослых партнёров, и она вцепилась в него бульдогом. Впрочем, она Родиону понравилась. Никакого особенного разврата во всём этом не было, такие спонтанно возникшие пары часто становились постоянными, а затем шли под венец.

Коновалов не любил алкоголь, особенно водку. Однажды, ещё в подростковом возрасте он по ошибке вместо воды хлебнул водки. От неожиданности он поперхнулся, и долго откашливался. После этого случая у Родиона выработалось стойкое отвращение к водочному вкусу и запаху. Вино и коньяк не вызывали у него омерзения, и он выпивал их без насилия над собой, но страсти к ним не проявлял. Дело в том, что Родион не понимал так называемого «кайфа», и поэтому никакого удовольствия от выпивки не испытывал. К тому же, с годами он стал замечать, что любое возлияние заканчивалось для него сюрпризом, и, чаще всего, неприятным.

Свадебным застольем рулила тётя Ганна. Родители невесты, осанистые стеснительные колхозники, чинно восседали на почётном месте. Это был молодёжный вечер, поэтому Родион ещё не приступил к своим обязанностям шафера. Он сидел далеко от жениха, и ухаживал за Надей. В качестве ритуального рассказа он поведал ей о свадебных обрядах полинезийцев, а сам во время рассказа вместо водки незаметно подливал в свой стаканчик нарзан. Надя это заметила, но разоблачать его не стала. Никакие усилия для её соблазнения не потребовались, потому что как только объявили танцы, она показала Родиону ключ от «комнаты любви», и предложила, не теряя времени, посетить её.

Открыв дверь, они зашли в тёмную комнату. Лампочка предусмотрительно была выкручена, и только отблески ночного города в окне позволяли разглядеть смутные контуры сдвинутых вместе кроватей. Они присели на стоящую возле стенки железную кровать. Слова были излишни, Родион поцеловал Надю, и полез к ней под юбку, а она стала расстёгивать пуговицы на его рубашке, предоставив его рукам полную свободу действий. В этот волнующий момент кто-то настойчиво забарабанил в дверь. Надя попросила Родиона дать по тылке стучащему придурку. У него тоже возникло это злобное желание. Он сжал кулак, рывком открыл дверь, и с правой закатил в лоб стоящему за ней человеку. Это был Николай. Он взмахнул руками и попятился, но тут сбоку вынырнул Метис, ухватил Родиона за руку, и принялся его успокаивать. Николай догадался, за что получил, и принялся ругать Метиса, якобы он, зная дурной характер Родиона, специально подговорил Николая постучать в дверь. Назревала драка. Метис не был участником свадьбы, его никто не знал, и возбуждённые гости собрались ему навалить, но конфликт погасила невеста. Она провожала родителей в гостевую комнату, и, увидев разгорающийся дебош, подхватила Николая под руку, и силой утащила с места событий. А без него ссора заглохла сама собой.

Метис явился на свадьбу в поисках Родиона. Он попал в неприятную, и в какой-то мере абсурдную ситуацию, из которой его мог выручить только Родион. Увидев Николая, он попросил найти его, что тот и сделал на свою голову. Романтическое настроение у Родиона не про-

пало, но угодивший в беду товарищ был важнее. Он сказал Наде, что ненадолго отлучится по важному делу, но вернётся к ней обязательно. Родион с Метисом спустились вниз, и пошли к автобусу, стоящему недалеко от общежития. Суть дела Метис изложил по дороге.

Собственно говоря, в беду попал начальник Метиса зам директора Дворца товарищ Федотов, и выручать требовалось в первую очередь его.

Тёща зам директора, проживающая в Таганроге, овдовела три года назад, и после этого обзавелась собакой. Причём не каким-то там пекинесом, а чистокровной сукой породы «Боксёр» по кличке Стелла. У Стеллы имелась родословная, поэтому щенки её стоили дорого, и вполне окупали её содержание. Для пожилой женщины она стала хорошей компаньонкой. Жизнь товарища Федотова текла своим чередом, семейные бури давно миновали, и казалось, что устоявшийся быт ничто уже не поколеблет. Но месяц назад его тёща неожиданно сделала финт, и в свои шестьдесят пять вышла замуж по любви. Новобрачный оказался мужиком с характером. Он не любил комнатных собак, и поставил свою новую жену перед выбором – либо он, либо собака. Тёща выбрала молодого шестидесятилетнего мужа, а Стеллу отдала дочери.

Жена товарища Федотова подарку обрадовалась, и заставила мужа перевезти животное домой. Сам Федотов собак не любил, но, как это часто бывает, он был командиром только на работе. В семье командиром была его супруга домохозяйка. И в эту самую пятницу он объявил Метису, что после обеда они едут в Таганрог за собакой. Метис боялся собак, но зам директора его успокоил, сказав, что с собакой знаком. Она, мол, только с виду страшная, а на самом деле спокойная и безобидная.

На место доехали без происшествий. Товарищу Федотову хотелось посмотреть на чудака, польстившегося на старую жилистую зануду, но того не было дома. Душераздирающей сцены прощания тоже не было, ведь Стеллу отдавали не в чужие руки. Первым в автобус зашёл товарищ Федотов, а за ним проследовала его тёща с собакой на поводке. Тёща поцеловала свою четвероногую подругу, привязала поводок до кресла в салоне, попрощалась, и ушла домой. Стелла улеглась в проходе, а товарищ Федотов, чтобы её не перешагивать, уселся позади в одно из кресел. На обратном пути под мягкое потряхивание Федотов придремал, но внезапно был разбужен переливчатым воем Стеллы. От неожиданности Метис притормозил, и обернулся к собаке. Она больше не выла, но казалась возбуждённой. Именно в этот момент Стелла поняла, что хозяйка бросила её. Метис занервничал, но они уже въезжали на окраину Ростова.

Наконец они заехали во двор пятиэтажки, где проживал товарищ Федотов. Он встал с кресла и потянулся. Собака тоже встала на лапы. Но как только он шагнул, намереваясь отвязать Стеллу, она зарычала. Зам директора по инерции сделал движение ногой, но собака, расценив это как нападение, бросилась на него, и, порвав брюки, загнала на заднее сиденье. Безобидной Стелла была только в присутствии хозяйки, а потеряв ее, решила не даваться в руки никому, и заняла круговую оборону. Товарищ Федотов оказался в ловушке. Капотный юркий автобус выпуска шестидесятого года, именуемый в народе «коробочкой», имел всего одну пассажирскую дверь, расположенную спереди. Водитель открывал и закрывал её специальным рычагом. Метис сходил в квартиру на втором этаже, и позвал жену зам директора, но она тоже не смогла приблизиться к собаке. Ситуация зашла в тупик. Пробовали прикормить животное, но ничего не получалось. Стелла упледа полкило колбасы, но агрессивности не утратила. Сосед милиционер предложил объявить собаку бешеной, и пристрелить. Товарищ Федотов охотно его поддержал, но его жена пришла в ужас, и потребовала выбросить эти мысли из головы. Время шло, на улице стемнело, а товарищу Федотову захотелось в туалет. Можно было выставить заднее стекло автобуса и вытащить его оттуда, но оставалась проблема с собакой, которая в непривычной обстановке нервничала всё сильнее. Всем стало ясно, что без специалиста не обойтись, но ветлечебницы откроются только в понедельник. Метис сказал, что их мог бы выручить Родион, только он на свадьбе. Зам директора был в таком состоянии, что хватался за любую возможность освободиться. И он приказал Метису ехать на поиски Родиона.

Метис забрался в автобус на водительское место, включил свет в салоне, и рукояткой открыл пассажирскую дверь. Всё произошло в течении десяти секунд. Родион зашёл в автобус и скомандовал зарывавшей Стелле: – «Фу!». От его уверенного голоса Стелла утратила агрессивность, и немного отступила назад. Родион не раздумывая, и не оглядываясь на собаку, быстро отвязал поводок, и вывел Стеллу из автобуса. Вслед за ними из салона опрометью выскочил зам директора, и бросился в тень за автобус. Облегчившись, товарищ Федотов почувствовал себя увереннее, и стал просить Родиона помочь водворить собаку в квартиру. Предлагал даже деньги, но Родион от них отказался. Он объяснил начальнику, что просто выручает товарища, то есть Метиса, и деньги тут ни при чём. Пришлось Родиону ехать к Федотовым, и обустроить Стеллу на новом месте. Он познакомил собаку с квартирой, заставил её обнюхать хозяев, и определил ей место обитания. Рассказал супругам, что первое время в тоске Стелла может завывать, и, что нужно делать в этом случае. Впоследствии Родион несколько раз помогал товарищу Федотову с собакой, но уже за деньги. На обратном пути Родион попенял Метису:

– Ты же видел, что я с девушкой! Мог бы и обождать. Куда ты спешил? Всё испортил.

– Извини. Я и вправду спешил, ведь зам директора мог не выдержать, и нагадить в салоне, а мне потом всё с хлоркой пришлось бы отмывать.

Метис подбросил Родиона на второй Орджоникидзе, и отправился в свой гараж. Родион вернулся на вечеринку, и сразу попал в лапы Николаю и его приятелям. Николай признал свою вину, и он решил её загладить. Они притащили Родиона к столам, и стали его уговаривать выпить в знак уважения. Родион сказал, что водку не любит, и ему налили стакан хереса. Чтобы отвязаться от назойливых собутыльников, он выпил этого чудесного напитка, и пошёл к заветной комнате. Нади нигде не было видно, и он подумал, что она всё ещё ждёт его на своём месте. Дверь была незапертая, а ключ торчал в замочной скважине изнутри. Родион зашёл, и повернул ключ. Двое упившихся гостей спали у дальней стенки, а на знакомой кровати лежала девушка. Родион нагнулся к ней, и вполголоса сказал: – «Дорогая, я вернулся. Раздевайся». Девушка послушно разделась, и они занялись любовью. После этого она прошептала, что ей нужно в туалет, и стала быстро одеваться. Родион тоже начал одеваться, и не заметил, когда она выскользнула в коридор. Тут в комнату завалились сразу две парочки, и Родион покинул это уютное пристанище. Культурная стадия вечеринки превращалась в обычную попойку. Родион некоторое время ждал Надю, а затем стал искать её, чтобы проводить, и договориться о будущих встречах. В конце концов, один паренёк сказал ему, что Надя обиделась на какого-то Родиона, и ещё час назад отвалила домой. Коновалов понял, что произошло какое-то недоразумение. Интерес к вечеринке у него пропал, и вместе с Жорой Короедовым, который в этот вечер окончательно разругался со своей каменной подругой Лидой, они отправились домой.

Бракосочетание состоялось на следующий день в одиннадцать часов. Первомайский Загс в те годы выглядел скромнее, чем сейчас, но узы Гименея скреплял по всем правилам. Родион, свеженький как огурчик, явился туда загодя. Следом пришёл немного помятый Николай с подругой. Вскоре на «москвиче» за два рейса прибыли молодые с родителями и тётей Ганной. За рулём «четырёхсотки» находился дядя невесты. Кучка людей возле входа оказалась родственниками невесты, прибывшими из деревни в двадцатиместном автобусе марки «ПАЗ», стоявшем неподалёку. Родион поздоровался с родственниками, а увидев дружку свидетельницу, забыл про Надю, и про всё, что с ней связано. И лицом, и фигурой девушка походила на Джину Лоллобриджиду в молодости. Она сильно понравилась Коновалову, но упомянутого сходства кроме него никто не замечал.

Родион сразу обратил внимание, что со стороны жениха родни не было вообще, хотя Артур вовсе не был сиротой. Из-за этого свадьба шла совершенно не по правилам. Это родители жениха должны были встречать и благословлять молодых в своём доме, а не наоборот. Тётя Ганна объяснила Родиону, в чём дело.

Сбой процесса случился на стадии знакомства с родителями жениха. Жарким воскресным днём Артур с Валентиной приехали в Кагальник Азовского района, где жили родители жениха. Едва они зашли во двор, как навстречу им вышли радостные отец с матерью, а также старшая сестра Артура со своим мужем, главным механиком автохозяйства. Сестра Артура работала там же диспетчером, и как большинство диспетчеров, была резка в суждениях. После взаимных приветствий, она сказала Артуру, что у него не хватит силёнок носить такую невесту на руках. Ответила ей Валентина. Она отодвинула Артура в сторону, и залепила его сестре такую оплеуху, что у той полдня звенело в голове. Муж бросился на защиту, но мощным ударом кулака в челюсть Валя уложила его на землю. Мать Артура начала причитать и ругаться, но близко не подходила. Потенциальный свёкор, учтя опыт зятя, решил помалкивать и не вмешиваться. Валя схватила Артура за руку и выдернула на улицу, где поставила его перед выбором – или родственники, или она. Глядя на злобно прищуренные глаза невесты, Артур понял, что в случае неправильного выбора, он будет жестоко избит на глазах соседей, и выбрал Валю. Взявшись под руку, они отправились на автостанцию. Относительно этой истории, Валя сказала тёте Ганне, что когда они, то есть родственники Артура, опомнятся, то сами приползут на коленях просить прощения. Родиону такое заявление показалось странным, но разве можно угадать причудливые зигзаги женской логики?

Артур быстро надоел Родиону. Его интересы не распространялись дальше выпивки, и когда рядом не было невесты, он рассказывал о своих алкогольных подвигах. Торжественный обряд прошёл без накладок.

Расписываясь в книге, Родион узнал, что свидетельницу зовут Оксана Наливайко. В принципе свадьба получилась не хуже, чем у других, и её естественным продолжением была бы гулянка в ресторане или столовой, но Валентине хотелось показаться в фате землякам, и провести первую брачную ночь в родном доме. Да и подарки никто не отменял. После поздравлений и фотографирования был организован отъезд на родину невесты.

Неправильная свадьба вступила в завершающую фазу. У Родиона никак не получалось пообщаться с Оксаной, но он надеялся, что момент для этого ещё подвернётся. Из-за пышного наряда невесты в «москвиче» поместились только она с женихом, и Оксана на переднем сиденье. Все остальные, в том числе и Родион, загрузились в автобус.

Станица Ивановская располагалась недалеко от границ Ростовской области, но добираться туда пришлось не меньше трёх часов. В просторном дворе молодых ждали расставленные столы, и полсотни гостей. Большой дом, крытый розовым шифером, и гараж с двумя тяжёлыми мотоциклами говорили о зажиточности родителей невесты.

Посмотреть на Валю сбежалась вся улица. Жениху и шаферу на свадьбе не очень весело, для них она не развлечение, а мероприятие. Невеста с подругами действием наслаждаются, ведь это процесс социальной трансформации. Для женщин этот день наполнен особым смыслом, поэтому они всю жизнь помнят дату и всё, что связано с этим днём.

Наконец торжественная часть и вручение подарков завершаются, народ расслабляется, и начинает просто угощаться. Наконец грянул баян, и начались танцы с песнями. Артур выглядел невесёлым. В этот день Валентина наложила ему строгое табу на алкоголь, и внимательно за ним следила. Наклонившись к Родиону, он пожаловался:

– Что за жизнь? На собственной свадьбе выпить нельзя. Это как?

– Нормально.

Валентина начеку:

– Родион, чего он спрашивает?

– Да так, риторические вопросы.

Наступали сумерки. Родион, наконец, подсел к Оксане, и выдал ритуальный рассказ о перелётных бабочках. Рассказ неожиданно произвёл на девушку впечатление, и она сказала:

– Як вы культурно беседуете. Зразу видно, що з городу.

– Разве вам никогда не рассказывали о бабочках?

– Яки ще бабочки? Наши хлопцы тильки самогоном дыхают, та к грудям лезутъ.

И она доверчиво прижалась к Родиону горячим бедром. Он понял, что нужно искать укромное место, потому что осада и штурм в данном случае были не нужны. Сказав Вале, что идёт в туалет, он направился в сторону хоздвора, но Валя навязала ему своего новоиспечённого:

– Ему тоже надо. Присмотри там за ним, чтобы не вильнул, куда не надо.

Артур поплёлся следом за ним, недовольно бормоча что-то себе под нос. Деревенский хоздвор, особенно вечером, это нечто: всякие сарайчики, клетушки, свинарники, курятники, навесы и катухи, разделённые заборчиками. Заблудиться можно. Они и заблудились. Родион искал дорогу к примеченному ранее сеннику. Артур спросил:

– Чего ты ищешь?

– Укромное место.

Увидев нужный проход, Родион повернул назад, но тут Артур наткнулся на то, чего меньше всего ожидал. Проходя мимо невысокого сарайчика, он заметил в нём свет, открыл дверь, и застыл на месте. Полки вдоль стен были заставлены бутылками с водкой, самогоном, и магазинным вином. На земляном полу стояли две десятилитровые бутылки с домашним вином, и молочная фляга с пивом. Этот арсенал был предназначен для празднования «весёлого утра». Кто-то здесь уже выпивал, потому что на стеллаже стояло два пустых стакана, а возле входа сиротливо притулилось к деревянной бочке ведро с жёлтыми огурцами. Вылупив глаза, Артур стал похож на Али-Бабу, очутившегося в пещере с драгоценностями. Родион попытался его образумить, но Артур был в экстазе, и, глядя на вожаемые напитки, сказал:

– Ты иди Родион, иди, если выпить не хочешь, а я наконец-то вздрогну.

– Тебе сегодня нельзя. Потерпи хотя бы до завтра.

– Ничего, я немножко. Она и не заметит. Иди, я скоро буду.

Родион пожал плечами и ушёл.

Вернувшись, он хотел подсесть к Оксане, но Валентина усадила его рядом с собой, и учинила допрос:

– Где он?

– Задержался:

. – Вы там не это? Нигде?

Не покривив душой, Родион ответил:

– Когда мы расстались, он был ни капли.

Артура не было, и невеста заметно нервничала. Скорее всего, она послала бы Родиона на поиски, но тут появились две запоздавшие девушки. Должно быть, это были её подколодные подруги, так как Валя напряглась и своей мощной рукой вцепилась в Родиона. Девушки отдались, свашка тётя Ганна объявила имена, а затем, согласно обычаю, налила им по стопочке водки. Девушки выпили, и в очередь по традиции крикнули «горько». Следовало целоваться, но было не с кем. Валя закусил губу. Видимо в глазах этих двоих отсутствие жениха сильно подрывало её авторитет. Но Валя была спортсменкой, и реагировала быстро. Она встала, рывком подняла Родиона, обхватила его за шею, и жарко поцеловала в губы. Притихшие было гости, вспыхнули хмельным энтузиазмом, и гулянье с новой силой пошло своим чередом. К изумлению Родиона никто из гостей ничего не заметил. Оксана от удивления открыла рот, но Валентина показала ей свой большой кулак, и она вобрала голову в плечи. Валя сказала Родиону:

– Побудешь дублёром, пока этот козёл не заявится. Ну, я ему устрою!

– Валя, так это же ....

– Родион, не обращай внимания. Гостям всё равно, лишь бы мужик в костюме сидел. Вы ведь здесь приезжие, чужие, и сейчас для них на одно лицо.

Так внезапно Родион стал женихом на чужой свадьбе. Они поцеловались ещё раз, но хотя жених на глазах вырос и сменил цвет волос, подмены никто не заметил. Кроме родителей. Николай, сидевший на другом конце стола, был слишком пьян, и плохо воспринимал происходящее. Его девушку куда-то утащил местный парень, но он этого не заметил.

Артура всё не было, а тут настало время провожать молодых ночевать. Здоровый краснолицый дядька схватил Родиона за руку, и принялся нахваливать невесту:

– Сокровище тоби досталось хлопец! Чисто сокровище наша Валя! То надо бачить, як вона мешки с дертью ворочае! А як вона пни корчуе! Це картина!

И мужик прослезился:

– Береги Валюшу! Не давай ее в обиду.

Родион подумал, что если кого и нужно оберегать, так это окружающих от самой Вали. Опасаясь, как бы дублёр не задал стрекача, Валя крепко вцепилась ему в другую руку, и, оторвав от краснолицего дядьки, рывком затащила его в спальню. Следом заскочила её мать с вопросом:

– Доню, шо це такэ?

– Мамо, всё нормально.

Валя что-то объяснила матери тихим голосом на ухо, та успокоилась, кивнула головой, и вышла к гостям. Валя закрыла дверь на крючок, села на кровать, и задумалась, уперев подбородок в кулаки. Родион смотрел в потолок, и ни о чём не думал. Его несла волна, и он решил не трепыхаться. Валя перевела на него взгляд, и спросила:

– Ты сегодня пил?

– Нет.

– Дыхни.

Родион дыхнул. Валя закрыла глаза, принялась, и сказала:

– Хорошо. Всё должно быть по правилам. Всё-таки первая брачная ночь. Раздевайся!

Она погасила свет, и стала раздеваться сама. Родиону осталось выполнять приказы.

В эту ночь ему не дали толком поспать. В четыре утра его разбудил удар в бок, и Валин голос сказал ему в ухо:

– Я поняла, где он! Давай, одевайся, и за ним, пока все дрыхнут.

– Куда?

– Не доходя до туалета, сверни направо, там сарай, а в нём выпивка на завтрашний день. Эта сволочь по нюху находит такие места.

Родиону очень не хотелось вставать с нагретого места. Валя это заметила, и раздумчиво протянула:

– Хотя .... Я вот думаю, ... Народ вчера к тебе уже привык, так может, пошлём этого Артура к чёрту?

Родион вскочил с постели так, как будто его окатило холодной водой. Он оделся в бешеном темпе, и кинулся к двери. Послышался задущенный окрик:

– Куда? Окно, давай в окно! Найдёшь, так сюда и подашь.

Родион вылез в окно, сориентировался, и вскоре нашёл злополучный сарай. Первую брачную ночь Артур проводил лёжа на земляном полу в обнимку с огромной винной бутылкой. Он был никакой, только мычал. Родион взгромоздил его на плечи как убитого оленя, и, крадучись, пошёл к знакомому окну. Там ждали. Родион сказал: – «Принимай», и головой вперёд стал запихивать Артура в проём. Приняли молча. Он ещё постоял возле окна, слушая звуки. Вначале оттуда доносилось какое-то бормотание, а затем послышались глухие удары, сопровождаемые «хэканьем» на выдохе. Родион пошёл досыпать в автобус.

По большому счёту Родион никому был не нужен, и он благополучно проспал на заднем сиденье автобуса до самого отъезда. «Весёлого утра» не получилось. Это мероприятие к неудовольствию гостей скомкала Валентина, озабоченная скорым отъездом. Впрочем, угоще-

ния было навалом, и гости утешились богатым опохмелом. Валя была Артура не по милицейски, поэтому синяки на его лице были хорошо заметны. Они же создали жениху популярность.

На деревне свадьба без драки, это полсвадьбы. Накануне драка была, но она случилась в другом месте, и не имела отношения к свадьбе, однако молва объединила эти события. Прошёл слух, что жених тем вечером подрался с бывшим Валиным ухажёром, что было авторитетным подтверждением статуса. То есть неважно, кто кому накладал, был важен сам факт участия, а синяки рассматривались как зримое свидетельство доблести. Но тема была очень скользкой, могли возникнуть нежелательные слухи, ведь не все гости были пьяны, они могли вспомнить некоторые странности, и сделать выводы. Поэтому от греха подальше Валентина поторопилась организовать отъезд. Родион подозревал, что у Вали отродясь не бывало на родине ухажёров. Зная её характер и спортивную злость, ребята вряд ли рисковали. Родион увидел Валю из окна автобуса уже перед отъездом. Она усаживалась к дядюшке в «москвич», и, заметив Родиона, помахала ему рукой, но при этом даже не улыбнулась. В салон загрузились Валины городские родственники, и автобус отправился в Ростов. Но история на этом не заканчивается.

Примерно через полгода Родиона вызвали к телефону. Он спустился на первый этаж, где на тумбочке вахтерши находился аппарат, и взял трубку. Незнакомый девичий голос предложил ему встретиться в парке Островского возле одного из павильонов. Якобы по важному делу. Заинтригованный Родион отправился в парк. Было довольно холодно. В назначенном месте стояла худенькая русоволосая, но вполне симпатичная девушка лет восемнадцати. Родион поздоровался и спросил:

- Так это вы мне звонили?
- Да. Нам надо серьёзно поговорить.
- А кто вы такая?
- Меня зовут Марина, я сестра Лиды.
- Какой Лиды?

Оказалось той самой недоступной для Жоры Короеда взрослой девушки Лиды. Далее эта милая барышня поведала странную историю, которую Родион воспринял как идиотский розыгрыш. Якобы тогда на свадьбе в общегитии он переспал с Лидой, и она после этого забеременела, чему есть свидетели. Сейчас у неё немалый срок этого интересного положения.

По словам Лиды, она в тот вечер поругалась с Жорой в той самой комнате. Жора ушёл, а она прилегла на ту самую кровать, где раньше была Надя, которая психанула на Родиона и ушла. Родион в потёмках не разобрался, что это другая девушка, и грубо овладел ею, чуть ли не изнасиловал. Она не успела даже пикнуть, как всё произошло. И вот теперь Марина явилась парламентом для улаживания ситуации, а чтобы всё уладить, Родион должен жениться на Лиде. Выслушав всё это, Родион сказал:

– Слушайте девушка, до уровня Спинозы мне далеко, но неужели я похож на идиота, способного поверить в эту ахирию? Да, бывало, меня разыгрывали, но чтобы так тупо?

Девушка неподдельно волновалась:

– Родион, но это же правда!

– Пусть даже и так, хотя всё это из разряда чудес. Пусть твоя сестра Лида не успела пикнуть, хотя могла просто обзваться, да указать на ошибку, а после этого только она меня и видела. Не царица она моих грёз. Ну да ладно. Пусть она забеременела с одного раза, допустим и это чудо. Но даже если это правда, то всё равно с какой стати я обязан на ней жениться? Она старше меня лет на десять. Никаких чувств у меня к ней нет, я же практически с ней незнаком, да и она меня толком не знает. Тогда зачем этот огород? Главное, вам-то Марина это зачем?

– Она моя сестра.

– Ну и что? Тоже мне аргумент! Если бы я надумал жениться, то выбрал бы вас Марина. Вон вы, какая симпатичная, и по возрасту мне подходите. Давайте обсудим это подробнее.

Девушка густо покраснела, и потупила глаза. Затем через паузу сказала:

– У нас родной дядя следователь, он вас всё равно заставит. Досвидания.

И она ушла. Это не было розыгрышем. Дядя следователь не был выдумкой. Он и в самом деле начал преследовать Родиона. Из-за него Коновалов перешел, чуть ли не на подпольный образ жизни. Мужики в общежитии постепенно от того же дяди узнали в чём дело, и потешались над Родионом, но были на его стороне, и помогали скрываться от назойливого милиционера. Больше всех злорадствовал Жора Короедов, но вскоре преследование закончилось. Позже стало известно, что у самого этого следователя загуляла жена, и ему стало не до племянниц.

Глава X. Подставной кавалер

Карьера подставного жениха у Родиона началась в родной станице. Причём самый первый раз это была роль даже ещё не жениха, а только воздыхателя ухажёра. Поселившись в городе, Родион стал бывать в станице не чаще раза в месяц. Лишь во время отпуска он гостил дома несколько дней, отъезжаясь деликатесами бабушки Фроси. Интрижек в станице старался не заводить, ему хватало городских знакомств, но некоторые истории такого рода всё-таки случались, причём иногда помимо его воли.

На роль подставного ухажёра его уговорил друг детства Максим. Он к тому времени вырос, поправился, и приобрёл солидный внешний вид, но, по словам Родиона, от первобытной дури ещё не избавился.

Это был последний случай, когда он втянул Родиона в идиотскую историю. Узнав, что Родион приехал домой на выходные, он пришёл к нему с просьбой о помощи в одном деликатном деле. Познакомился он с девушкой по имени Тоня, ходит к ней на свидания, и всё такое, но дело продвигается туго. На ухаживания Тоня почти не реагирует, сидит как колода и молчит. Она Максиму нравится, он и так, и эдак, а она ни поцеловаться, ни приласкаться. Максима это беспокоит, он начинает искать причину, и, как ему кажется, находит. В книге.

Родион напрягся: если у Максима в руках книга, следует быть настороже. Он спросил:

– Что за книга?

– Справочник по психологии. Два дня читал. Тоня больна фригидностью. Все признаки как на ладони.

Родион ещё не знал этого слова, и переспросил:

– Чем-чем?

– Фригидностью. Так называется чувственная холодность к мужчине.

– Тоже мне, врач нашёлся!

– Да, ты прав. Я тут не потяну, вот поэтому к тебе и пришёл. Лечить будешь ты!

– Я? С какого панталыку? Свихнулся ты на своих книгах.

– Да успокойся. Я ж тебя не землю копать прошу. Сходишь разок со мной к ней на свидание и всё. Тяжело тебе что ли?

– Зачем?

– Сейчас объясню. Понимаешь, ей нужен толчок, чтобы пробудилась чувственность, а у тебя в этом деле опыта намного больше, чем у меня. Вот ты и сделаешь этот толчок.

– Интересно, а как ты всё это себе представляешь?

– Ничего сложного нет. План такой – приходим, я тебя знакомлю, и вроде по какой-то надобности ухожу. На самом деле я буду ждать недалеко под забором. Ты начинаешь её пробуждать. Целовать, обнимать, и всё такое прочее, в общем, приводить в настроение. И когда она разогреется и войдёт в нужный градус чувств, ты подаёшь сигнал, я прихожу и включаюсь в процесс, а ты свободен.

Родион наотрез отказался участвовать в этой глупости. Но когда Максим посулил за это отдать динамик «колокольчик», он дрогнул. Ему давно хотелось занять такую вещицу. Когда он согласился, Максим тут же авансом приволок этот динамик, чтобы Родион до вечера не передумал. Вечером они отправились на свидание, и вышло как в песне. Даже имя девушки совпало. Одно время была популярна шуточная песня «Поручение» из фильма «Испытание верности». Начиналась она словами:

В Москве, в отдалённом районе
Семнадцатый дом от угла
Чудесная девушка Тоня

Согласно прописке жила.

Это был маленький рассказ о нерешительном парне, который никак не мог открыть свои чувства девушке, и, как ему кажется, нашёл выход из положения:

И как я додумался братцы
Я сам до сих пор не пойму
В любви перед нею признаться
Доверил дружку своему.

Друг в просьбе не отказал, пошёл к Тоне и признался в любви. Беда в том, что девушка с другом и осталась. Песня заканчивалась моралью:

В любви надо действовать смело
Задачи решать самому
И это серьёзное дело
Нельзя поручать никому

Сейчас эту песню мало кто помнит, а Максим, похоже, и в те годы её не знал.

Всё шло по плану. Пришли к Тоне, познакомились, и Максим якобы ушёл. Девушка Родиону не понравилась, но его чувства в данном случае никого не интересовали. Они присели на крылечке, и у Родиона автоматически выскочил ритуальный рассказ. Это была романтическая и жутковатая новелла Анри Барбюса «Вместе» о большой любви, растоптанной изощрённым способом злым и коварным тюремщиком. Эта история взволновала Тоню до слёз. Она прошептала – «Господи, как это страшно», и взяла Родиона за руку. А ему только этого и было надо. Он тут же её поцеловал, и залез под юбку. Никаких холодных отклонений у Тони не было.

Действовал Родион отбывательски, а поскольку результат был ему безразличен, то и повёл он себя бесцеремонно, скорее даже нагло, но, как ни странно, Тоне именно это и понравилось. Минут через десять он понял, что Тоня уже в нужной кондиции, и готова вот-вот отдаться, но отбивать её у товарища он не собирался. Задание было выполнено, и он подал условный сигнал, крикнув: – «А вот и Витя идёт»! Через несколько секунд Максим был тут как тут, но дальше всё пошло не по плану. Максима Тоня грубо отшила, а Родиону повесилась на шею, причём в буквальном смысле. Она оказалась очень прилипчивой, и Родион с трудом от неё отвязался.

После этого случая дружба с Максимом и кончилась. На следующий день Максим потребовал динамик назад, но Родион сказал, что он свою работу сделал добросовестно, и динамик не отдал. Максим обиделся, и долго с ним не разговаривал. Но это был всего лишь повод, ведь у них и раньше бывали размолвки, но на дружбе это не отражалось. Просто ребята выросли, и их дороги разошлись. Нет, они не стали врагами. Потом они ещё много общались, но просто как старые добрые знакомые. Исчезла та самая закадычность, характерная для близкой дружбы.

Глава XI. Первое возлияние

В этот же год осенью Родион впервые в жизни напился. Одно и то же спиртное действует на людей совершенно по-разному. Кто-то смеётся, кто-то дерётся, кто-то плачет, а кого-то просто тянет поспать. На Родиона алкоголь оказывал своеобразное действие. Его могучий организм утилизировал выпитое спиртное так хорошо, что на следующее утро, а то и раньше, он просыпался в хорошем настроении, не испытывая при этом каких-либо неприятных ощущений, тем более похмелья. Именно поэтому выпить он мог очень много, но его слабым местом оказались мозги.

От двух-трёх стаканчиков веселящего напитка Родиону ничего не делалось, но если он переходил некую грань в количестве выпитого, то его сознание переходило в режим «автопилота». Со стороны это было незаметно, он вёл себя адекватно, не краснел, не бледнел, не шатался, и не распускал слюни. Он вообще не был похож на пьяного, и только внимательный наблюдатель заметил бы у него некоторую остекленелость взора. Язык у него не заплетался, но речь становилась односложной, и какой-то механически вежливой. В такие моменты критическое отношение к окружающей действительности у Родиона снижалось, и временами он делал то, что в трезвом виде делать бы не стал. Впрочем, нравственный предохранитель в сознании работал исправно, поэтому Родион даже в пьяном состоянии рефлекторно вёл себя прилично, и не нарушал законов.

И всё бы ничего, если бы не алкогольная амнезия. Время, проведённое в состоянии автопилота, выпадало у Родиона из памяти. В зависимости от количества выпитого это состояние длилось от нескольких минут, до нескольких часов. Этот процесс казался Родиону неким скачком во времени и пространстве, а выход из состояния автопилота всякий раз оборачивался для него сюрпризом, и чаще всего, неприятным. Вот он сидит за праздничным столом, а потом вдруг оказывается в поезде, который едет неизвестно куда. Или просыпается в чужом доме у совершенно незнакомых людей. Но это ещё ничего. Однажды после банкета на дне рождения своего начальника, он пришёл в себя идущим по пустынной ночной дороге неведомо куда. Вокруг была глухая степь, а плечи оттягивал мешок неизвестного происхождения с двумя живыми поросятами. Только на другой день он узнал, что находится в восьмидесяти километрах от дома. В станицу он смог вернуться лишь через неделю. Очнувшись в незнакомом месте, Родион замирал, и начинал вспоминать предыдущие события. Это удавалось не всегда, и во многих случаях ему приходилось вести расследование с изучением улик и опросом свидетелей. Но даже это помогало не всегда, и некоторые события для него навсегда остались тайной. Однако выпивал он крайне редко, и в молодости этим явлениям особого значения не придавал.

Родион приехал в станицу на выходные как раз к началу сезона консервирования овощей и фруктов на зиму. Мать ему обрадовалась, и после обеда отправила его до одной своей торговой подруги за дефицитными в ту пору крышечками для закатывания стеклянных банок. Эта подруга работала на автолавке, и жила довольно далеко. Крышечки были упакованы в картонную коробку средних размеров. Взяв коробку подмышку, Родион зашагал домой. На Январской улице его захватил дождь, и коробка подмокла. Некогда самую грязную улицу замостили, но тротуаров ещё не проложили. Переждав дождь под большой акацией, промокнувший Родион заторопился дальше, но большого дома за синим забором коробка лопнула, и часть крышечек упала в грязь. Но не успел он за ними нагнуться, как из калитки выскочила корпулентная тётка лет сорока, и, невзирая на свои немалые габариты, проворно начала собирать крышечки в фартук, приговаривая: – «Не переживай Родя, сейчас помоем твои крышечки, и они станут как новенькие». Собрав крышечки, напористая женщина схватила ошалевшего Родиона под руку, и едва ли не силой затащила его в дом. Вырваться и убежать от явно ненормальной тётки Родиону помешала мысль о попавших в плен крышечках. Энергичная женщина с редким именем

Манефа суежилась как на пожаре. Она высыпала крышечки в тазик и приказала вымыть их двенадцатилетней дочери Фаине. Старшей дочери восемнадцатилетней Тамаре было приказано ухаживать за Родионом. Своим длинным носом, скошенным подбородком и гладко зачёсанными светлыми волосами она напоминала Родиону гусыню, и совершенно ему не нравилась.

Вскоре Родион сидел за столом укрытый пледом. Тётя Манефа приняла все меры, чтобы промокший Родион не простудился. Он пытался уверить мнительную хозяйку, что промокал под дождём сто раз, и не болел после этого. Что он вообще ни разу в жизни не болел, в том числе и простудой, но тётя Манефа его не слушала. Она чуть ли не силой укутала его пледом, и ловко накрутила ему на ноги байковые портянки. А для гарантированного предотвращения возможного насморка было решено дать Родиону выпить. На его отговорки тётя Манефа сказала: – «Я знаю Родион, что водку ты не любишь, а уважаешь коньячок», и на столе тут же появилась бутылка трёхзвёздочного напитка. Такая осведомлённость посторонней женщины сильно его удивила, и он начал подозревать, что здесь не всё так просто. Первый стаканчик он выпил в надежде отвязаться от назойливой хозяйки, но не тут-то было. Всё завертелось в бешеном темпе, и не успел Родион что-либо предпринять, как стол оказался уставлен тарелками с холодцом, колбасой, пирожками и фруктами в большой вазе. На зов тёти Манефы из недр дома появился её муж с бутылкой самогона в руке. Было заметно, что этот худой мужичок сорока с лишним лет давно смирился с ролью статиста при своей энергичной супруге. За весь вечер он не сказал ни слова. За исключением Фаинки, надраивающей Родионовы крышечки, все расположились в горнице за столом, и тётя Манефа объявила тост за дорогого гостя. Пришлось выпить ещё один стаканчик. Родиону подливали коньяк, а тётя Манефа с мужем довольствовались самогоном.

Ласково улыбаясь, тётя Манефа спросила:

– Родион, как тебе наша Тамара? Симпатичная?

Родион покосился на сидящую рядом Тамару, затем глянул на её внушительные ногти, и ответил как можно дипломатичнее:

– Да ничего так девушка. Вполне.

Тётя Манефа всплеснула руками, и заголосила:

– Ой, как хорошо! Ведь наша Тamarочка тоже тебя любит! Правда, доча?

– Да, мамочка.

Тамара густо покраснела, повернулась к Родиону, и неловко чмокнула его в щёку. Родион сделал движение увернуться, но было уже поздно. В двери заглянула Фаинка, и позвала мать. Тётя Манефа вышла из комнаты, но быстро вернулась. Родион уже поднялся уходить, но она посадила его на место, и сказала, что крышечки перемыты, уложены в новую коробку, и отправлены с Фаиной к нему домой. Он снова сделал попытку удалиться, но тётя Манефа сказала, что сейчас к ним придёт его мать, и ему не надо никуда уходить. Родион спросил:

– Зачем?

– Как это зачем? Мать должна знать на ком сын женится.

– Кто женится?

– Ой, Родион! Ну не надо так поворачивать. Только что чувства открыли, перед родителями поцеловались, всё яснее ясного. Чего тебе ещё надо? Господи! Да какая ж вы красивая пара! Вот уж Гавриловне радость будет. Где она такую невестку ещё найдёт? Наша Тamarочка такая рукодельница искусница, каких поискать!

К великой радости тёти Манефы Родион только кивнул головой. Она поняла, что коньяк начал действовать, и победа не за горами. Впервые в жизни Родион выпил триста грамм крепкого алкоголя, с непривычки опьянел, и перешёл в состояние «робота». Он утратил волю к сопротивлению, и общение с внешним миром свёл к размеренным кивкам головой.

Фаина отдала крышечки Родионовой матери Полине Гавриловне, и на вопрос о том, где сам Родион, ответила, что он сейчас женится на её сестре Тамаре. Родионова сестра Нина ска-

зала: – «Ух, ты», и побежала на огород сообщить горячую новость бабушке Фросе. Мать подумала, что ослышалась, и начала спрашивать девочку

– Как это, женится?

– Обыкновенно. Все сидят в горнице за столом, празднуют, и вас ждут.

– А он давно вашу Тамару знает?

– Нет. Сегодня познакомились.

– И вот так сразу же и свадьба?

Фаина по-взрослому вздохнула, сморщила лоб, и повторила чьи-то слова:

– А чего ждать? Пока молодость пройдёт?

У Полины Гавриловны закружилась голова, и она села. История выглядела полным бредом. Иногда люди женятся быстро, но всё-таки не по дороге из магазина домой, и вдобавок на незнакомой прежде девушке. Матери стало ясно, что Родион куда-то влип. Она сняла фартук, и в чём была пошла вслед за Фаинкой. В отличие от Родиона мать знала тётю Манефу, и знала не с хорошей стороны. Тётя Манефа встретила её во дворе, и заголосила:

– Здравствуй свашенька дорогая! Как хорошо, что ты пришла! У нас такая радость, такая радость! Но не обессудь Полина, Родион теперь у нас будет жить, уж не обижайся.

– Чего ты городишь Манефа? Он в городе живёт, на заводе работает, и в понедельник ему на смену выходить.

– И на что ему тот завод сдался! В станице работы хватит.

Зайдя в дом, и увидев сына за столом, Полина Гавриловна сразу поняла, что Родион не в порядке. Таким она его ещё не видела. Родион был каким-то деревянным. Даже холодец он ел как-то механически. Он делал это без отвращения, но и без удовольствия. Посмотрев на мать пустым взглядом, он отложил вилку, и степенно кивнул ей головой. Полине Гавриловне даже в голову не пришло, что Родион просто-напросто пьян, так как внешне он не походил на обычного пьяного человека. Тётя Манефа назойливо приглашала сестр за стол, но мать не обращала на неё внимания. Глядя на Родиона через стол, она спросила его:

– Родион, ты и правда здесь остаёшься жить?

Родион важно кивнул головой, и вернулся к холодцу. Мать поняла, что в этом балагане можно свихнуться, и пошла на выход. Тётя Манефа шла позади, и тараторила что-то укоризненное, но Полина Гавриловна её не слушала, и, выйдя за калитку, ушла не попрощавшись.

Дома её ждала встревоженная бабушка Фрося. После рассказа матери она запричитала:

– Ах, ты ж змея ползучая, чтоб тебе бесенюкой подавиться! Опоила унучека маво, одурманила ангелочка доверчистого, чтоб тебя причина взяла!

Полина Гавриловна была здравомыслящей женщиной, и ко всяким таким колдовским штучкам относилась скептически, но в этот раз с выводом бабушки Фроси согласилась, уж очень странно вёл себя Родион. Требовалась помощь специалиста, и Нинку отправили к бабушке Анфисе с тревожным сообщением. Бабушка Анфиса прониклась, бросила все дела, и начала готовить в качестве противоядия отворотное зелье. Готовый отвар она обещала рано утром доставить сама. Вечер и ночь прошли в напряжённом ожидании.

Родион очнулся на рассвете, когда все ещё спали. Он лежал в незнакомой комнате в чужой кровати с какой-то девушкой под боком. Минут пять он смотрел в дощатый потолок, и пытался вспомнить события предыдущего вечера. На этот раз, хотя и фрагментарно, к Родиону память вернулась, и он понял, что угодил в ловушку, из которой надо немедленно бежать. Стараясь не разбудить Тамару, он вылез из постели, быстро оделся, и тихо покинул чересчур гостеприимный дом. Очутившись во дворе, он цыкнул на собаку, прошёл к туалету, облегчился, и огородами задал дёру.

Увидев Родиона в нормальном состоянии, мать с бабушкой, не спавшие всю ночь, обрадовались, и посадили его завтракать, оставив вопросы на потом. Едва он встал из-за стола, как

пришла бабушка Анфиса с готовым отваром. Родион коротко поведал о случившемся накануне. Баба Анфиса спросила:

– Ты пил из её рук?

– Ну да. А потом всё плохо помню. Такое со мной первый раз.

– Родя, а сейчас тебя не тянет к этой Тамаре?

– Нет, баба Анфиса, наоборот отталкивает, да так, что хочется как можно быстрее отсюда смыться, и не видеть больше этих рож.

– Дура энта Манефа! Нашла, кого привораживать! К нашему Родиону никакая порча не пристанет, потому как он и сам на такие вещи горазд, только не знает, как энтим пользоваться.

Со временем бабушка Анфиса научит Родиона некоторым приёмам внушения, но в этот раз его занимали другие вопросы:

– Самое удивительное – я их раньше не знал, а вот тётя Манефа меня откуда-то знает. Даже мои привычки знает. Тут какая-то тёмная история. Зачем я им нужен вообще? Причём именно я, а не кто-то другой. Прямо загадка. Вот кто мог ей про меня рассказать, и зачем?

Для бабушки Фроси никакой загадки во всём этом не было. С её точки зрения в желании любым способом заполучить дорогого внука в зятя, не было ничего удивительного и неестественного. Но мать более трезво оценивала ситуацию. Подумав, она сказала:

– Если кто и мог ей про тебя рассказать, так это твой крёстный. Он с этой Манефой когда-то шашни крутил.

Родион нахмурился. Речь шла о материном брате Дмитрие, приходившемся Родиону крёстным отцом. Поссорившись, Родион уже полгода не разговаривал со своим дядей. До этого они всегда были в хороших отношениях, и Родион при случае без всяких церемоний навещал дядю Митю, а при нужде выручал его чем-нибудь.

В последнее время за какую-то провинность дядю Митю перевели из шоферов в слесари, и тем самым оказали ему медвежью услугу. В зарплате он немного проиграл, зато сильно выиграл на шабашках. Однако со слесарями часто расплачивались магарычом, и дядя Митя начал спиваться. По этой причине у него бывали неприятности, но дядя Митя был везучим человеком, и всякий раз каким-то образом выкручивался. Однажды подвернулся добрый магарыч, дядя Митя не рассчитал силёнок, и вырубился прямо на рабочем месте. Товарищи по работе решили убрать его с глаз долой. Они затащили его под ремонтируемый грузовик, и привязали его руки к кардану, якобы он что-то там делает. Только сели они перекурить, а тут сам директор автохозяйства нагрянул, и давай ругаться. Увидел, что дяди нет, и спрашивает, где Дмитрий Егоров. Ну, ему и показали. Заглянул начальник под машину, выпрямился, и, обозвав всех лодырями, лишил месячной премии. Всех кроме дяди Мити, которого на ближайшем профсоюзном собрании поставил в пример остальным слесарям. Но дома ему так не везло. В семье начались скандалы, и тётя Надя, жена дяди Мити, принялась бороться с его пьянством всеми способами.

В то мартовское воскресенье Родион с утра решил провести крёстного, и подарить ему собственноручно изготовленный кухонный нож. Дядя Митя был дома один, но из-за сильного помелья он не мог даже встать с постели. Ни денег, ни выпивки, чтобы опохмелиться, у него не было. Родион ему посочувствовал, но помочь тоже не смог, так как денег у него с собой тоже не было. Тогда дядюшка попросил его принести хотя бы свеженькой холодненькой водички. Чтобы не таскаться с кружкой туда-сюда, Родион взял сразу трёхлитровый бидончик, и вышел во двор. Бассейна в ту пору у дяди ещё не было, и его роль играла двухсотлитровая бочка под водосток. Снег уже сошёл, но по утрам ещё подмораживало. Разбив лёд, Родион зачерпнул бидончиком воду, и вдруг заметил в замёрзшей лужице на земле что-то красное. Приглядевшись, он понял, что это вмёрзшие в лёд десять рублей. Пожав плечами, он вернулся в дом. Дядя Митя припал к бидончику. Почувствовав некоторое облегчение, он сел на кровати. Родион сказал:

- Жалко десятку.
- Какую десятку?
- Обычная десятка. Возле бочки во льду лежит. Она ж бумажная, пропала, должно быть.
- Ты не издеваешься надо мной?
- С чего бы?
- Ладно. Попробуй только набрехать.

Дядя Митя кряхтя надел телогрейку, и вышел во двор. Увидев деньги, дядя оживился, и велел Родиону принести топорик. Племянник энтузиазма не проявил, и дядя его отругал:

– Вырос с ёлку, а ума с иголку. Ничего с этой десяткой не сделается. Высохнет, и будет как новая. Выруби её аккуратно вместе с куском льда, а я пошёл электроплитку искать.

Лёд был растоплен в сковородке, купюра высушена утюгом, и Родион отправился в магазин за водкой. Для себя он купил полкило вкусной свиной колбасы, и вскоре они уселись с дядюшкой за стол. Дядя Митя хотел налить стаканчик водочки Родиону, но тот отказался, сказав, что не любит водочного запаха и вкуса. Дядя возмутился:

- Гляди, какая цаца! Водка ему не такая! А, что ж тебе такое? Может коньяк?
- Ну, если выбирать, то коньяк лучше. От него меня не тошнит.
- Извиняйте ваше благородие, на коньяк мы не богатые! Перебьётесь и так.

Родион не ответил, а приналёг на колбасу. Опохмелившись, дядя Митя обрёл живость, и завёл осмысленный разговор:

- Откуда там взялась эта десятка?
- Тут и думать нечего, её водой принесло. Снег таял её и вымыло.
- Откуда? Там кроме бочки ничего нету.

После этих слов дядя хлопнул себя по лбу, вскочил с места, и сказал: – «Пошли». Вооружившись ломом, они сдвинули бочку с места, и нашли под ней ещё четырнадцать десятков. Это была потерянная заначка. Полгода назад дядя Митя запрятал под бочку левый заработок, а наутро забыл про это место. От приятного сюрприза дядя впал в экстаз. Родион заметил идущую к дому тётю Надю, и, не желая присутствовать при скандале, отправился восвояси.

Зайдя во двор, тётя Надя увидела, что муж уже под хмельком, и набросилась на него с руганью, а дядя Митя не нашёл ничего лучшего, как свалить вину на Родиона. Якобы племянник, увидев, что дядя с утра трезвый, сходил в магазин за водкой, и насильно заставил его выпить. Тётя Надя прибежала до Коноваловых, и ругалась до тех пор, пока бабушка Фрося не прогнала её со двора палкой. А Родион с того дня перестал общаться с дядей. Впрочем, бог наказал дядю Митю. Он не успел куда-нибудь запрятать ещё мокрые найденные деньги, и эти сто сорок рублей были конфискованы тётей Надей.

Мать заметила, что при упоминании дяди Мити Родион поморщился, и сказала:

- Да сходи уже, помирись с ним. Он ведь тоже переживает, сколько раз мне каялся.

Родион махнул рукой, и отправился до крёстного. В дом он заходить не стал, а вызвал дядюшку на улицу. Дядя Митя Родиону обрадовался, попросил извинения за былое, и общение восстановилось. Но хотя они и помирились, былой сердечности в их отношениях не осталось. Родион расспросил дядюшку про тётю Манефу, и через пять минут ему стала ясна подоплёка случившегося, но в чём дело, он дяде не сказал, хотя тот сгорал от любопытства.

Последний раз Родион приезжал в станицу месяц назад. По дороге с автостанции он встретил бывшего одноклассника Витю Попа, и они поговорили о том и сём. Вите невероятно повезло, он выиграл по лотерейному билету «Волгу», но был в плохом настроении из-за разногласий с отцом. Витя хотел получить автомобиль, а его отец хотел загнать билет по двойной, или даже тройной цене машины. В те годы личные автомобили вообще были в цене, а выигранные по лотерее особенно, потому что в случае суда они не подлежали конфискации. Родион не подозревал, что на них смотрит его крёстный. Дядя Митя стоял недалеко возле обувного

магазина, и разговаривал со своей бывшей любовницей Манефой. Заметив Витю Попа, он с горечью сказал:

– Везёт же некоторым! Видишь, стоит? Недавно он «Волгу» по лотерее выиграл.

Тётя Манефа проследила за его взглядом, и сказала:

– Так этот высокий, он же вроде твой племянник.

– Племянник, черти б его забрали. Молоко на губах не обсохло, а туда же! Слова не скажи, обижается аристократ сопливый. Водка ему не подходит, коньяк подавай! Тьфу!

Дядя Митя раздражённо плюнул, повернулся, и зашагал по своим делам. А тётя Манефа из его слов поняла, что «Волгу» выиграл Родион. Это заблуждение и спровоцировало её дальнейшие поступки. Уж очень ей хотелось иметь зятя с машиной.

Вернувшись, Родион объяснил домашним причину интереса к нему тёти Манефы. Бабушка Анфиса хмыкнула, лукаво подмигнула Родиону и сказала:

– Успокойся Родя, я её отважу. Есть на неё средство.

И отвадила. Чем именно бабушка не призналась, но с того дня тётя Манефа при случайных встречах буквально шарахалась от Родиона.

Месяца через три по дороге с автостанции Родион снова повстречался с Витей Попом. Возле быткомбината Витя протирал бархаткой зеркало у новенькой «Волги». Родион поздоровался, и они обсудили машину, а также прочие новости. Родион хотел уже идти, но Витя его задержал. Виляя глазами, он спросил:

– Родион, ты знаешь Тамару Пронькину?

– Это какая Тамара?

– Живёт по Январской. У её матери имя чудное – Манефа.

– Вон ты про кого. А я и не знал, что у неё такая фамилия. А, что?

– Я слышал, у тебя с ней что-то было?

Витин тон не понравился Родиону, и он стал разговаривать осторожно:

– Нет, ничего серьёзного не было. Познакомились случайно, посидели вечеров, а про-должения не было. Ну не в моём она вкусе, да и я ей должно быть не понравился.

– Точно?

– С того вечера по сегодняшний день я её не видел. Она тебе нравится что ли?

– Ну, в общем да. Я с прошлого года не могу с ней познакомиться. Девушка скромная, на танцы не ходит, в кино только на дневной сеанс вместе с сестрой. Сто процентов девственница.

Родион подивился разнообразию мужских предпочтений, и сказал:

– Ты Витя ещё не привык к своему новому положению. Раньше ты был один из массы, а сейчас стал завидным женихом с автомобилем. Тебе уже не нужно дарить девушкам цветы, провожать до дому, уговаривать их родителей, и всё такое. Сейчас тебе достаточно шевельнуть бровью, и любая красотка будет в экстазе, что ты на неё внимание обратил. А про эту Тамару и говорить нечего. Только моргни, и она твоя навеки. Потом и захочешь, да не избавишься.

– Нет, Тамара не такая. Шевеление бровями на неё не подействует, потому что при встречах она вообще на меня не смотрит.

– Она просто не знает, что у тебя есть машина.

– Так ей об этом письмом надо сообщить?

– Нет, это грубо и неэтично. Ты просто покажи им свою машину. Припаркуйся возле их двора, выйди из машины, и начни искать на земле потерянный рубль.

– Да я ж его там не терял.

– Это не имеет значения. Выйдет тётя Манефа, и начнёт тебе помогать, а ты в этот момент попроси воды помыть коврик, мол, автомобилю всего неделя, а уже коврик вымазался. Больше тебе говорить не придётся. Всей семьёй они вымоют салон, и польют его духами.

– Они так любят машины?

– Просто обожают. Не успеешь оглянуться, как окажешься за столом рядом с Тamarой, а тётя Манефа назовёт тебя любимым зятем. Оттуда тебя уже не выпустят.

– Прямо сказка. А откуда ты знаешь, что всё так и будет?

– Витя, это сработает возле любого дома, где живёт не засватанная девица.

– Циник ты Родион. Только у меня коврики чистые.

– Это не беда.

Родион открыл дверцу, и оставил на коврике грязный след. От такого надругательства над «Волгой» хозяин машины болезненно сморщился, но Родион ему посоветовал:

– Не теряй времени, езжай прямо сейчас. Потом спасибо скажешь.

Витя последовал совету, и вскоре женился на Тамаре, но Родион так и не дождался от него благодарности. Более того, Витя перестал с ним здороваться.

Глава XII. Нечистый дух

Как-то вечером Родион с Метисом, Горшком и дядей Колей играли в домино. Вдруг в дверь постучали, и сказали, что Коновалова ждут на улице. Родион посмотрел с балкона, и разглядел под деревом две мужские фигуры. Пожав плечами, он отправился на улицу. Один из незнакомцев был худым и мелким, другой крупным и толстым. Разговоры вёл мелкий. Когда Родион подошёл, он спросил:

– Это ты Родион Коновалов?

– Ну, я. А вы кто?

– Сейчас узнаешь. Мы тебя уже какой день пасём возле Иркиного общежития, а ты не появляешься. Пришлось тебя разыскивать.

– Какой Ирки?

– У тебя их десяток что ли? Ирки Грачёвой. Чего ты такой жидкий на расплату? Собрался жениться, а теперь вдруг забыл, как невесту звать.

– Вы меня с кем-то перепутали.

– Не выкручивайся, она сама про тебя сказала.

– Чё вам надо?

Мелкий повернулся к здоровому, и скомандовал:

– Коля объясни ему!

Коля послушно развернулся, и с правой ударил Родиона. Но тот был начеку, и подставил под удар плечо. Противник попался не очень ловкий, но сильный, поэтому Родион старался держать дистанцию, но получалось это неважно из-за мелкого. Тот нападал с тылу, и отвлекал внимание. Родион отбивался от него локтями и пинками, но из-за этого пропустил пару скользких ударов по лицу с фронта. Но продолжалось это недолго. На улицу выскочили Горшок с Метисом, и с ходу вступили в драку. Расстановка сил резко изменилась. Метис отдубасил мелкого, а Родион с Горшком хорошенько отметелили здорового. Во время потасовки Родиону было не до расспросов, а когда он захотел узнать подробности, агрессоры уже скрылись из виду. Вернувшись в комнату, он рассказал, что двое чокнутых незнакомцев приходили отбивать у него неведомую Иру Грачёву, которой он приходится женихом в данный момент. Было ясно, что во избежание повторения нападения, необходимо разыскать эту самую Иру, и вывести у неё суть дела.

Расспросы знакомых ничего не дали. Ни Иру, ни здорового Колю с мелким приятелем никто не знал. На другой день на работе Саня Буров опытным глазом сразу определил происхождение ссадин на Родионовом лице, и приступил к расспросам. Узнав обо всём, он сказал:

– Ты Родион ведёшь странную и таинственную жизнь. Как можно ходить в женихах неизвестно у кого, и даже не знать о том, что ты жених. Началось ведь это не вчера.

– Тут и гадать нечего, наврала эта Ира. Вот только зачем? Надо быстрее её найти, а то она на меня ещё кого-нибудь натравит.

В бригаде Иру Грачёву не знал никто. Не знали её и во Дворце. Ира нашлась сама. На первом этаже столового комбината перед входом в диетический зал его окликнула девушка лицом и фигурой похожая на Тосю повараху из фильма «Девчата». Родион подошёл к ней, и услышал:

– Вы меня не знаете. Меня зовут Ира.

– Опаньки! Давай отойдём в сторонку подруга. Нам надо кое-что обсудить.

Есть сорт девушек обладающих природной склонностью к созданию конфликтных ситуаций. С милой непосредственностью они втравливают своих кавалеров в драки, и провоцируют их на всякие дурацкие поступки. Они способны превратить любую безобидную ситуа-

цию в драму или фарс. Через три минуты разговора с Ирой, Родион начал подозревать, что он нарвался именно на такую ходячую катастрофу.

Ира работала поваром в диетической столовой, а жила в заводском женском общежитии недалеко от Дворца культуры. Её настоящий жених Вася служил в армии, а Ира верно его ждала. Чтобы избежать соблазнов она не ходила на танцы вообще, а в кино бывала только на дневных сеансах. Но от жизни не спрячешься, и на неё положил глаз Коля, работавший грузчиком в хозяйственном магазине, куда иногда заходила Ира. Коля был немногословен, но весьма настойчив. Он выследил, где она живёт, и последнее время не стал давать ей проходу. Чтобы отвязаться от назойливого ухажёра, Ира не нашла ничего лучшего, как сообщить Коле, что у неё уже имеется жених Родион Коновалов, работающий на заводе, и живущий в общежитии. На удивлённый вопрос Коновалова Ира ответила, что вначале она просила кое-кого из знакомых парней сыграть роль её жениха, но ничего из этого не вышло. Ребята не отказывали, но они хотели быть её настоящими любовниками, а не фальшивыми женихами. Тогда она, чтобы избежать приставаний, решила подобрать на эту роль кого-нибудь незнакомого.

Родиона она заметила ещё раньше, когда работала в общем зале. Однажды она увидела, как оголодавший высокий юноша уплёл шесть порций биточков, и не поморщился. А когда возникла нужда, она про него вспомнила, и подумала, что если человек ест за шестерых, то он наверняка способен физически противостоять здоровому Коле. Навести о Коновалове справки, оказалось делом нетрудным, ведь он был на виду, и ни от кого не скрывался. Ира не ошиблась в Родионе, так как вчера она увидела Колю с наклейками на лице. Он подстерёг её на улице и сказал, что Коновалов парень неплохой, но кажется он не знаком с Ирой. И если это подтвердится, то он набьёт Ире морду за брехню. Поэтому Родион должен сегодня проводить её до общежития, чтобы убедить недоверчивого Колю. Коновалова разобрала злость:

– Да ничего я тебе не должен! Либо ты дура редкой породы, либо меня держишь за полумного. С какой стати я обязан охранять твою девственность для неизвестного мне Васи? Ведь это всё равно, что голодную собаку поставить охранять колбасу. Да и тебя я вижу впервые.

– Родион, значит, ты любишь колбасу?

Коновалов уставился на бесхитростное выражение лица собеседницы. В её широко распахнутых серых глазах и приоткрытом рте не было даже следа наигранности, и он ответил:

– Я люблю всё.

– Тогда давай сегодня вечером ты зайдёшь за мной в общежитие, мы сходим в кино, ты меня проводишь обратно, а потом я тебя накормлю.

– Одной колбасой?

– Нет, конечно. Я знаю, что ты покушать любишь, так большую сковородку картошки с луком тебе нажарю. С колбасой будет в самый раз.

Этим предложением Ира, сама того не подозревая, удачно загарпунила Родиона. В другое время он послал бы её подальше вместе с угощением, но жильцы двадцатой комнаты в очередной раз сидели впроголодь в ожидании получки. В этой ситуации обещание сытного ужина загнуло доводы рассудка, и Родион согласился.

Вечером он благородно отказался от скудного ужина и стал собираться на выход, сказав, что идёт на пищевое свидание. О таких свиданиях раньше никто не слыхивал, и дядя Коля спросил:

– А это как?

– Немецкий поэт Шиллер сказал: – «Любовь и голод правят миром». То есть, главное пищевого и полового инстинкта нет ничего. Свидания с женщинами продиктованы любовным интересом. Но из этого правила бывают исключения, вот как у меня сегодня. Одна девушка попросила сводить её в кино, а вместо любви обещала накормить меня колбасой и жареной картошкой. Ну, а если это не любовное свидание, значит оно пищевое. Честно говоря, после зарплаты я бы на это не согласился.

Жора задумчиво сказал:

– Вообще-то, за хороший ужин я бы тоже сводил куда-нибудь эту страхолюдину.

– Она не страшная. Эта Ира хоть и не красotka, но с виду девчонка ничего. Она любит Васю, который в армии, а я буду возле неё вроде телохранителя на вечер.

Родион с молодых лет был щепетилён в деньгах, он не позволял дамам платить за него, и никогда не требовал подарки назад. Одним словом старался быть джентльменом. В тот вечер с деньгами у него было туго, и он повёл Иру во Дворец, ведь там его пускали в кино бесплатно, чему его спутница сильно удивилась. Фильм был цветным, отличная датская комедия «Бей первым Фреди». На обратном пути Ира взялась Родиону под руку, и громко делилась впечатлениями. Ей было хорошо, потому что она заметила Колю. Он шёл следом, но не приближался. План удался, осталось рассчитаться с эрзац женихом. Подходя к общежитию, Ира сказала:

– Родион, я в общежитии сказала всем, что ты мой брат. Ты уж не проболтайся.

Родион даже сбился с шага:

– Ну, ты даёшь Ира! Где ступнёшь, там и сбрыхнёшь. Гляди, а то всё это враньё когда-то на тебя обрушится.

– Ой, какие громкие слова! Ну, придумала чуть-чуть, и что здесь такого? Кому от этого хуже стало?

Вахтёрша ничего подозрительного в «брате» не заметила, и пропустила их наверх. Ира жила на втором этаже. В комнате две девушки сидели за столом и гадали на картах. При появлении Родиона, они поздоровались с ним, но как-то снисходительно, и даже насмешливо.

Ира сняла пальто и повесила его в казённый фанерный шкаф, разделённый на четыре секции. Родиону она показала вешалку из обычных оловянных крючков на стенке за шкафом. Он повесил туда свое чёрное полупальто, а также чёрную из толстого сукна кепку, и остался в коричневом джемпере. Ира покопалась в своих припасах, надела фартук, и ушла на кухню. Атмосфера в комнате была какая-то неуютная, Родион почувствовал себя лишним, и тоже отправился на кухню к Ире. Картошка была сноровисто начищена, и вскоре зашкворчала на большой сковороде с ручкой. Кроме них за соседним столом хлопотала полноватая женщина. Должно быть, она готовилась к какому-то масштабному кулинарному действию, так как время от времени ходила за какими-то ингредиентами. Под ногами шастал откормленный котёнок. Родион стоял возле окна и глотал слюнки от запаха жареной колбасы. Но как только Ира объявила, что картошка готова, в кухню заглянула какая-то девушка, и сообщила, что её вызвали к телефону. Ира сказала Родиону, чтобы он нёс сковородку в комнату, и со всех ног кинулась на первый этаж. Родион выключил газовую плитку и немножко обождал, пока масло чуть остынет и перестанет брызгаться. Затем правой рукой взял сковороду за ручку, развернулся к выходу, сделал пару шагов, и в этот момент общежитие целиком погрузилось во тьму.

Когда в людных местах неожиданно вырубается свет, это часто приводит ко всяким недоразумениям и происшествиям. Не стал исключением и этот вечер. Родион замер на месте, ожидая, когда глаза привыкнут к темноте. Последнее, что он видел перед выключением света, была зашедшая в кухню полноватая кулинарка. Она держала в одной руке блюдо с мукой, а в другой руке чайник, и что-то жевала. Она тоже замерла на месте, адаптируясь к темноте. Вскоре Родион разглядел тёмный силуэт женщины, и начал передвигаться к дверям в коридор. Женщина тоже его увидела, и шагнула в сторону, освобождая проход. Но тут случилось непредвиденное: Родион наступил на кота. Тот дико заорал и дёрнулся в сторону. Родион споткнулся об него, и, упав на колени, по инерции ударил головой в живот кулинарку, оказавшуюся на пути. От этого удара мука из блюда высыпалась на Родиона. Женщина издала хрюкающий звук, после чего в темноте некоторое время слышалось одно лишь сопение. То ли женщина попалась неразговорчивая, то ли от удара под ложечку у неё спёрло дыхание, а возможно она чем-то подавилась, но так и не сказала ни слова. Даже когда Родион случайно коснулся её горячей сковородкой, она беззвучно отдёргнула ногу, и выронила чайник. Этот чайник угодил прямо

в сковородку на картошку, и поэтому грохота не произвёл. Родион заметил, что сковородка немного потяжелела, но ему было не до этого. Поднявшись, он извинился, и, нащарив левой рукой двери, выбрался в коридор.

Там было ещё темнее. Где-то в конце коридора хлопали двери, слышались недовольные голоса, и пару раз кто-то зажёл спички, но мрака они не рассеяли. Ирина комната была справа, но Родион вдруг засомневался: третья или четвёртая от кухни? Решил, что третья, и на ощупь двинулся по стенке, отсчитывая двери. За первой и второй дверью слышались голоса, а за третьей было тихо. Петли не скрипели, и Родион почти бесшумно вошёл в комнату. Благодаря уличным отблескам здесь было чуть светлее, поэтому обстановка более-менее просматривалась. В окне виднелся силуэт девушки. Она глядела на улицу, и на Родиона не отреагировала. Он сразу повернул вправо за шкаф, проверить наличие своей одежды. За шкафом было пусто. Родион понял, что ошибся комнатой, и собрался так же тихо выскользнуть, но тут в помещение шумно вошла ещё одна девушка, и громко сказала:

– Вот паразитство! Только зашла в туалет, а оно бац!

Девушка возле окна повернулась, и сказала:

– Это ты Алла?

– Я, а кто ж ещё.

– Да мне показалось, что кто-то зашёл перед тобой в комнату.

– Кому кажется, тот крестится. Ты Люська скоро помешаешься от этих подземелий и привидений. Где ты только достанешь эти книжки? Читала бы как все люди про любовь.

В этот момент Люся увидела Родиона, и дрожащим голосом негромко сказала

– Аллочка, обернись на шкаф. Ты тоже его видишь? Мне кажется там привидение.

В неверных отблесках уличных огней обсыпанный мукой Родион со сковородкой в руке и в самом деле выглядел белесым мерцающим потусторонним существом. Он хотел извиниться перед девушками и успокоить их, но не успел. Алла завизжала, и с криком «Нечистый дух», выскочила из комнаты. В коридоре она столкнулась с вовремя подошедшей кулинаркой, и они свалились на пол. Люся применила тактику страуса, она прыгнула на свою постель, и с головой закуталась в одеяло. Родион не стал задерживаться, он вышел в коридор, и начал пробираться на выход. Ему хотелось застать Иру возле телефона, отдать ей сковородку, забрать свою одежду, и как можно быстрее покинуть это неприветливое место. На шум и крики открывались двери, зажигались спички, и раздавались вопросы: – «Что происходит». Родион уже подходил к лестнице, когда заметил внизу отсветы ручных фонарей. Заскрипели деревянные ступени, в лицо ему ударил луч света, и суровый голос скомандовал:

– Стоять! Не двигаться! Руки вверх!

Это была милиция, и Родион послушно задрал свободную руку вверх. Смущённые его внешним видом милиционеры приказали ему разжать и поднять вверх другую руку. Родион выполнил приказ, и упавшая сковородка загрохотала вместе с чайником. Из темноты выскочил кот, и набросился на угощение. Затем раздался крик Аллочки: – «Да вон он, статуя ходячий»! Один милиционер, держа в руке пистолет, зашёл Родиону за спину, и приказал двигаться на выход. Другой начал допрашивать Аллу. Её рассказ был коротким:

– Свет погас, и Люська увидела за шкафом привидение. Я как глянула, так и обомлела. Он выходит прямо из стены, сам весь белый, а ног нет, как будто по воздуху плывёт, и в мою сторону. А в руках у него блюдо, а на нём голова отрезанная с большим таким носом, и при этом жареным пахнет. Форменный нечистый дух! Пойдёмте глянем, Люська там живая или нет.

На столике вахтёрши горела керосиновая лампа. Ира стояла лицом к телефону на столе, и разговаривала плачущим голосом. Родион хотел остановиться и сказать ей пару слов, но его толкнули дулом в спину, и он пошёл на улицу. Вахтёрша смотрела на него с изумлением.

Милиция оказалась в общежитии не из-за Родиона. Недалеко от входа случилась драка, а такое здесь бывало частенько, и вахтёрша вызвала милицию. Ира в это время жарила картошку.

Отделение было недалеко, и наряд вскоре прибыл, но драчуны разбежались. Сотрудники зашли расспросить вахтёршу, и тут погас свет. Вахтёрша зажгла лампу, и приступила к рассказу, но в это время со второго этажа донеслись отчаянные крики. Родиону просто не повезло.

Вскоре Родион был доставлен в отделение, и, стоя перед барьером дежурного, рассказывал капитану Бубнову свою историю. Милиционеры не дали ему привести себя в порядок, и теперь, глядя на него, смеялись. При хорошем освещении Родион выглядел не страшно, а потешно. Мимо шёл опер Дима Никитин. Он узнал Родиона, и тоже повеселился над его видом. Узнав я чём дело, он назидательно заметил:

- Говорил я тебе Коновалов, что стервы до добра не доведут, вот тебе и снова досталось.
- Да я сам виноват, на колбасу польстился.
- Ага! А вместо колбасы получил муки за шиворот.
- Да если бы свет не вырубили, то ничего бы не случилось. А от этого никто не застрахован, даже вы милиция.

После этих слов с тихим треском перегорела лампочка на потолке, и в дежурке стало темнее. Капитан Бубнов вытаращился на Родиона, и спросил:

- Ты чё? Колдун что ли?
- Вот так всегда. Можно подумать, что лампочки без колдовства не перегорают. Да свет, это мелочи жизни, его быстро чинят. А вот если отопление прорвёт, это да! Ремонту дня на два. Не дай бог, конечно. Но если трубы старые – жди беды.

Родион был трезв как стёклышко, заявлений на него не было, и его вскоре отпустили домой. Как только он вышел на улицу, на стыке трубы отопления показалась капля воды. Через полминуты оттуда часто закапало, затем показалась струйка воды, а когда спохватились, из того места уже била мощная струя кипятка. В конце концов, воду перекрыли, но дежурка на время превратилась в парилку. Прогноз Родиона оправдался. Старые трубы меняли два дня.

Выйдя из милиции, Родион тщательно отряхнулся, и отправился за одеждой. Свет в женском общежитии уже горел. Он не стал подниматься вверх, а попросил вахтёршу вызвать Иру. Вместо Иры спустилась её соседка по комнате, и отдала пальто и кепку. Она пояснила, что Ира находится в полном расстройстве чувств, и не желает никому показываться на глаза, особенно брату. Недавно ей позвонила Васина сестра, и сообщила, что ей стало известно про Иркиного жениха Родиона Коновалова, и, что пусть она теперь не беспокоится о Васе, он найдёт более верную девушку, так как парень не из последних. Злой Родион сочувствия не проявил, он сказал, что это бог наказывает Иру за брахню, и, не попрощавшись, ушёл.

Вернувшись домой, Родион, не говоря ни слова, набрал в своём шкафу бутылок, и отправился в «окно» менять их на молоко и хлеб. По его взъерошенному виду мужики поняли, что пищевое свидание не заладилось, и с вопросами в этот вечер не приставали.

Дня через три Миша Хохлов на работе во время перерыва рассказал:

- У меня подруга есть одна. Живёт в той общаге, что недалеко от дворца. Так она говорит, что на выходных у них там привидение объявилось, и шороху наделало. Одна девка чуть умом не тронулась, еле откачали. Пришлось милицию вызывать. Нечистый Дух сразу сдался, против нагана не пошёл. А потом выяснилось, что фамилия Нечистого Духа Коновалов.

Все головы повернулись к Родиону, и воцарилось молчание. Затем Саня Буров спросил:

- А почему тебя отпустили? За такие дела любого бы за решётку посадили:

- . – Так я же трезвый был! А был бы пьяный, десять суток получил бы без разговора.

Саня патетически развёл руки, и обратился к аудитории:

- Люди! Слышали? Он был трезвый! А что же тогда будет, если его напоить?

В скором времени у него появится возможность это узнать.

Примерно через неделю после этих событий капитан Бубнов сказал оперу Диме:

- Ты понял Никитин? Этот гад Коновалов прошлый раз сглазил отделение.

- Чего ты городишь?

– Разве ты не заметил, что каждый раз от встречи с ним милиция терпит урон, а ему хоть бы хны? Он не от муки, он от природы Нечистый Дух. Должно быть, у него когда-то нелады с милицией случились, и теперь он на неё порчу насылает. Возможно даже не специально, а так, по привычке. И не смотри на меня прокурором! Когда он сказал: – «Вот всегда так», у меня сразу подозрение возникло, значит это не первый случай наведения порчи. И для проверки я созвонился с Камчатским райотделом, он ведь родом оттуда.

. – И, что?

– А то! Знают его там как облупленного, и не с хорошей стороны. Не преступник и не хулиган, а мстительный и скользкий тип. Любит устраивать всякие гадости людям. Но самое интересное, что начальник милиции приказал не пускать его на территорию отдела. Как тебе это? Значит, была причина?

– Да, ладно! Так не бывает, это они пошутили. Я ведь не говорю, что Коновалов чист как слеза. Возможно, он и любитель сделать кому-нибудь гадость, но какой из него колдун? С его-то рожей? Ты же его видел.

– Ага! Ты столько колдунов перевидал, что теперь знаешь, как они выглядят. Не все они деды с бородами. Хотя насчёт Коновалова возможно ты и прав. Может он и не колдун, а только глазлив без меры, но хрен редьки не слаще. Будь моя воля, я бы тоже запретил ему здесь появляться.

– Ты Бубнов прямо спец в этих делах. Часто сталкивался с колдунами?

– Приходилось. Среди них попадаются такие мастера, что даже райкомов не боятся. Я ещё в школе учился, когда первый раз колдуна увидел.

– Ух, ты! Он тоже милицию гнобил?

– Нет, он парторгов изводил.

Я ведь родом из Красноглинского района, вот там вся эта история и происходила. Долгое время вообще не могли понять, от кого зло идёт, да и в голову никому не приходило, что всё это делалось специально. Потом-то узнали, кто этим занимался, а толку? Ведь статьи за порчу и сглаз не существует.

В районной «Сельхозтехнике» работал инженером один приезжий специалист, финн по национальности. Фамилия у него была трудная, что-то вроде Лихтилайнена, поэтому за глаза все звали его Лихолаем.

Рассудительный и грамотный, он был хорошим инженером, а вот в быту оказался неприятным типом. Вёл себя высокомерно, ни с кем не дружил, и вообще был некомпанейским человеком. Не пил, не курил, а из развлечений любил только рыбалку. Но через год-другой люди к нему привыкли, и перестали обращать на него внимания, потому что жил он со своей молодой женой тихо, и никого не трогал. Так бы всё и шло, но случилось, что парторг самого богатого колхоза увёл у него жену. Вначале они тайными любовниками были, а когда всё открылось, то он свою семью бросил, а с женой Лихолая сошёлся. Райком такие дела не поощрял, но этому парторгу почему-то всё сошло с рук, даже выговора не получил. Лихолай должно быть сильно переживал, но виду не показывал, только стал чаще на рыбалку ездить на своём мотоцикле.

А через месяц началось. Первым спился парторг «Сельхозтехники». За какой-то месяц он дошёл до того, что стал выпивать с булдырями за магазином, и выделывать ногами кренделя по дороге в свой кабинет. Управляющий одёргивал его и стыдил, но ничего не помогало. Дошло до райкома, и его сняли с работы, после чего он ушёл в такой запой, что начал воровать дома вещи. Но это было только начало. Вслед за ним начали по очереди спиваться все парторги в районе, и колхозные, и те, что работали на предприятиях. Их снимали, ставили других, но не проходило и двух месяцев, как вновь назначенные оказывались под забором в непотребном виде. Чисто эпидемия. Самое интересное, что если кого-то из них исключали из партии, то они сразу бросали пить, и возвращались к нормальной жизни, но если их восстанавливали в рядах, они тут же пускались в загул. Парторг бабник допился до белой горячки, и попал в психушку.

Жена хотела вернуться к Лихолаю, но он её и на порог не пустил. Ходили слухи, что из-за всего этого первый секретарь райкома хотел застрелиться, но его вовремя куда-то перевели. И вот такое непотребство продолжалось в районе два года.

Старые люди сразу сказали, что это «сделано», да и начальники потихоньку стали к ворожеям захаживать. А потом Лихолай отбил у одного запившего парторга молодую жену, и уехал с ней из района. И наваждение закончилось. Пьющих парторгов выгнали, а новые уже не пили. Вот тут и стало ясно, кто на них порчу наводил. Поговаривали, что финны вообще народ колдовской. А секретарь райкома с тех пор моральное разложение коммунистов пресекает на корню, и очень жестоко.

– Всё это интересно товарищ капитан, только мы ведь в современном городе живём, с радио и телевизором, тут колдовству не на чем привиться, да и Коновалов не финн.

Однако после следующей встречи с Коноваловым его скептическое отношение к сглазу изменилось. Впрочем, Родиону в этот раз тоже досталось по полной программе.

Глава XIII. Первая красивая блондинка

В журнале «Ирреальный мир» Даша прочитала заметку под названием «Иногда они возвращаются». В ней говорилось о женщине, встретившей в городском транспорте давнего знакомого. Она с ним перебросилась парой слов, и вышла из автобуса на своей остановке. И тут её пронзил ужас, женщина вспомнила, что этого мужчину схоронили лет тридцать назад, то есть она только что разговаривала с покойником. А когда появился Коновалов, Даша перечитала ему эту заметку, и сказала, что история очень похожа на его автобусную встречу с давней знакомой фармацевтом Женей. Родион согласился, и Даша попросила рассказать об этой Жене:

– Дядя Родион! Чем вы так достали бедную девушку, что даже через столько лет она бросилась на вас с кулаками?

– Я-то ей как раз ничего не сделал. Это характер у неё такой гордый и самолюбивый. Жене показалось, что я её бросил, а это для неё было непереносимо. Я даже не подозревал, что нанёс ей такую рану, причём невольно. Наоборот, мне всегда казалось, что она меня бросила.

– А как вы познакомились?

– История интересная. Я хорошо её запомнил, потому что в тот вечер избавился от одного дурацкого заблуждения. Женя была самой первой красивой блондинкой, которую я увидел.

– Подождите дядя Родион! Разве до этого вы не встречали красивых блондинок? Такого быть не может! Вы же не в племени «Мумбо-Юмбо» обитали.

– Ну, почему? Встречал, конечно, и в большом количестве, только до этого я не знал, что они красивые.

– Как это?

– Честно говоря, неудобно, и даже стыдно признаваться в этом диком заблуждении, но до знакомства с Женей, я с детства был уверен, что блондинки не могут быть красивыми.

– Да почему?

– Даже сам не знаю, как это получилось. Моя система оценок женской красоты возникла как-то стихийно. Должно быть, в ранние годы чьё-то мнение по этому вопросу отложилось в моём сознании, да так в нём и продержалось много лет. По тогдашним моим понятиям красивыми или некрасивыми могли быть только брюнетки. Рыжие и шатенки были вроде второго сорта, а блондинки числились никакими. Они вообще не входили в систему, были за скобками. То есть они не могли быть красивыми или некрасивыми. Этих своих взглядов я никому не навязывал, и никогда о них не рассказывал. Не то чтобы держал это в тайне, а просто случая не подворачивалось, и к слову не приходилось. Для меня это было в порядке вещей, и жить не мешало, ведь красивых брюнеток вокруг немерено. Но рано или поздно этот случай должен был произойти, и он произошёл.

Пошли мы как-то раз с Метисом на танцы. Стоим. На девушек смотрим. Метис говорит:

– Гляди Родион, какая красotka!

И показывает на высокую девушку с пышной причёской, стоящую в углу танцплощадки с невысокой подружкой. Я ему отвечаю:

– И чего ты в ней увидел? Она же блондинка.

Метис посмотрел на меня как на сумасшедшего, но потом его взгляд стал заинтересованным, и он принялся меня расспрашивать. Вот тут я ему и выложил свои понятия о типах женской красоты. Выслушав, он захохотал, а потом говорит:

– Я знал, что ты дикий, но не думал, что до такой степени. Идиот! При чём тут цвет волос? Ты только глянь, какие формы, какая грудь и какие ножки! А про волосы я вообще молчу, такие красивые от природы и некрашенные не часто уви-

дишь. Надо же! Весь мир без ума от Мэрилин Монро, а он блондинок за людей не держит!

В его словах был определённый резон, и я задумался. Вскоре объявили «белый танец», и сбоку меня тронули за рукав.

Оборачиваюсь, а это та самая блондинка меня приглашает. У Метиса челюсть отвисла. И вот когда я увидел её вблизи, то у меня как будто повязку с глаз убрали, и в этот момент я понял, что девушка чудо как хороша. Причём хороша именно своей белокуростью. Нет, будь она брюнеткой, то тоже ничего, но очаровательный эффект был бы не тот. Зазвучала песня «Ночным Белградом» на мотив «Маленькой девочки», и мы смешались с толпой из танцующих парочек. Всё было не просто так. Оказывается девушки очень зоркие и чувствительные к проявлению внимания. Женю заело, что после того, как мы посмотрели на неё, Метис захохотал, и она решила узнать, в чём дело. Строго поглядев на меня, она спросила:

– Молодой человек, скажите, что в моей внешности смешного?

– Ничего.

– А почему ваш приятель смеялся? Что его во мне так развеселило?

– А-а, это он надо мной смеялся, над моим идиотизмом.

– Вот как?

– Ну, да. Он сказал, что вы красавица, а я не согласился. Наверное, я тогда и, правда, был дураком.

– Очень интересно. А теперь, значит, вы поумнели.

– Ну, это вряд ли, за минуту не поумнееешь. Я прозрел. Вот глянул на вас, и меня как будто по башке стукнули, а ведь блондинки тоже красивыми бывают. Как вы, например.

– Ага, а раньше вы так не считали?

– Вот именно, что не считал. Даже в голову такое не приходило.

И я честно рассказал о своих заблуждениях. Должно быть, ей понравилась моя непосредственность, но главную роль сыграла оценка её внешности. Всё-таки не каждая девушка выглядит так, что при одном только взгляде на неё, человек прозревает. Вот так я и познакомился с Женей, студенткой фармацевтом.

– Дядя Родион, а может и она запала на вашу внешность?

– Ну, не думаю, что при виде меня она испытала потрясение, хотя в костюме я смотрелся неплохо, и осуждающих взглядов не заметил. К тому же впечатление подпортил неудачно выбранный ритуальный рассказ. Во время провожания, я пересказал ей статью о производстве бумаги, начиная с лесозаготовок. Вижу, что она слушает с недоумением, а остановиться не могу. Но девушка она была вежливая, и в тот вечер ничего не сказала. Более того, согласилась встретиться снова. Но этот рассказ не давал ей покоя, и на следующем свидании поинтересовалась:

– Родион, а зачем ты мне про бумагу рассказывал?

– Да не в бумаге дело, это я себя показывал.

И объясняю ей назначение ритуального рассказа. Когда она поняла, то рассмеялась:

– Странный у тебя метод знакомства. И много девушек ты так охмурил?

– Нет ещё, не успел. Я же ведь молодой, и девушек у меня толком не было.

– А без толку?

– Дружил тут с одной, а она меня из-за милицейской формы бросила.

И я рассказал про Таню. Эта история здорово развеселила Женю, и к этой теме мы больше не возвращались.

Женя оказалась девушкой самолюбивой, временами экспансивной, и, к моему удивлению, ревливой. Ведь по всем данным ревновать должен был я. Поэтому дружба наша была несколько напряжённой. Женя не решалась на близость, и месяца два мы только целовались и обжимались на улицах, но вот настал день, когда она решилась пригласить меня к себе домой, воспользовавшись отсутствием родителей. Уж этот день я не забуду никогда.

* * *

Эту историю Коновалов не любил вспоминать, потому что это было самое страшное приключение в его жизни. Хотя в тот день ничего не предвещало неприятностей. Более того, утренний звонок от Жени наполнил Родиона оптимизмом. В это воскресенье её родители собрались после обеда в гости, и Женя впервые пригласила Родиона к себе домой. Он подумал, что это приглашение означает конец поцелуйного периода, и обрадовался. К тому же холодная осень не располагала к длительным прогулкам при луне. Хотелось тепла и уюта.

Женя с родителями обитала в частном доме в районе «1 линии» почти на границе Нахичевани. Дом стоял на тихой улочке, пересекающей спускающиеся к реке так называемые «Линии». До троллейбуса на улице Советской было недалеко, но Женя заставляла Родиона провожать её кружным путём. Обычно они спускались по улице «7 февраля», затем поворачивали налево, но метров за пятьдесят до дома Женя всегда прощалась. В этот раз всё обещало быть по-другому.

Родион прибыл в два часа дня на автобусную остановку, где его уже ждала любимая девушка. На этот раз они пошли к дому коротким путём. Женя держала Родиона за руку, и лукаво поглядывала на него при ходьбе. Однако временами на её лицо ложилась тень озабоченности. Метров за сто до дома Женя остановилась, и сказала:

– Родион, миленький! Ты здесь постой за углом, подожди минут десять, от силы пятнадцать, а я сбегая на разведку, и если родители ушли, то дам знак.

Родион топтался недалеко от угла, и нетерпеливо поглядывал на часы. В его голове проплывали сладостные картины предстоящего свидания. Минут через пять за его спиной в плотном заборе открылась калитка, и оттуда показалась среднего роста тётка лет сорока в домашнем байковом халате. Она приблизилась к Родиону, и начала его просить:

– Молодой человек! Мне надо тяжёлое зеркало на стену повесить, а сил нет. Выручи одинокую беспомощную женщину, и тебе воздастся!

Тётка не выглядела хилой и болезненной, а потому сочувствия не вызывала, и Родион с заметным раздражением сказал ей:

– В другой раз мамаша. Сейчас некогда.

– Да там дела на полминуты. Пока мы тут разговариваем, пять раз можно повесить. Такому здоровому парню на раз плюнуть, а мне проблема.

Родион понял, что баба не отстанет, и, чтобы отвязаться от неё, решил исполнить просьбу. Он выглянул за угол, вернулся и сказал:

– Ладно, давайте показывайте, только быстро.

Женщина обрадовалась и засеменила во двор, показывая дорогу. Средних размеров кирпичный дом из-за низкого фундамента казался вросшим в землю. Небольшие окна были закрыты ставнями. Внутреннее убранство свидетельствовало о скромных доходах хозяйки. В горнице единственным предметом мебели была простая металлическая узкая кровать, стоящая почему-то посреди комнаты. Белёные стены на метр от пола были окрашены зелёной краской, что придавало этой комнате учрежденческий казённый вид. Везде горело электричество. Женщина показала рукой на спальню, и зашла туда следом за Родионом. Старое зеркало в массивной деревянной раме стояло на полу возле стенки, в которую на высоте были забиты два спе-

циальных штыря. Предмет оказался не таким уж и тяжёлым. Родион легко поднял это зеркало, осталось только повесить его на штыри, но в этот момент он почувствовал укол в ягодицу. Рефлекс сохранения вещей сработал, Родион осторожно поставил зеркало на пол, и только потом обернулся. Эта задержка дорого ему обошлась. Тётка стояла в дверях и прятала в карман халата стеклянный шприц. Сосредоточенно-хищное выражение лица выдавало её истинную сущность. Родион заорал: – «Ты чего мне вколола сука?», и шагнул к ней, но она выскользнула за дверь, и подпёрла её снаружи деревянной шваброй. Не разумом, а каким-то седьмым чувством Родион понял, что угодил в какую-то непонятную ловушку, из которой нужно немедленно выбираться любой ценой. Он принялся таранить дверь плечом. После нескольких мощных ударов швабра сломалась, и он вылетел в горницу, но в этот момент хлопнула входная дверь, и в ней щёлкнул замок. Родион принялся и за эту дверь, но когда она затрещала, с той стороны её опять чем-то подпёрли. Тут Родион взглянул на окно, и пожалел, что сразу о нём не подумал, ведь любое окно вышибить легче, чем двери. Проклиная инерцию мышления, он двинулся к ближайшему окну, но его ноги вдруг сделались ватными, движения замедлились, а в голове раздался странный звон. Неудержимо захотелось прилечь, и, взявшись за подоконник, он сел на пол и заснул.

Родион очнулся на той самой кровати посреди горницы. Он лежал на спине абсолютно голый, даже без трусов на обычном ватном матрасе. Руки его были привязаны к железным уголкам кроватной сетки, а ноги к кроватной спинке... Позже он узнает, что именно так в психбольницах фиксируют сумасшедших. Поднять голову ему не давал железный ошейник на колодезной цепи. Один конец цепи бы прикручен к ошейнику сферическим болтом с гайкой, а другой конец был продет сквозь специально вырезанную дыру в матрасе, и внизу цеплялся карабином за кроватную перекладину. Просторный ошейник не затруднял дыхания, и не мешал вертеть головой, но и только. Звон в голове прекратился, но в глазах ещё туманилось.

Немного подёргавшись, он успокоился и задумался. Родиону было ясно, что ему сделали усыпляющий укол, но зачем? Происходящее выходило за рамки здравого смысла. Невольно вспомнилась мрачная городская легенда о благообразном дедушке и его улыбчивой бабушке. Как-то раз они заманили в свой тихий домик демобилизованного солдата, угостили, а потом забили его на мясо. Первым делом они напекли пирожков, и разнесли их по соседям как поминовение. Они попались на этом деле, но полсолдата успели съесть. Обстановка не вызывала оптимизма, и Родиону сделалось не по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.